ВАНИК САНТРЯН

Господа, это я!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В документальных повестях «Господа, это я!», «Отряд уходит на юг» и в цикле рассказов известного журналиста Ваника Сантряна читатель вновь встретится с легендарным революционером Камо (Симоном Аршаковичем Тер-Петросяном), познакомится с его революционно-боевой деятельностью с 1907 по 1922 гг., а также с новыми страницами его героической жизни.

- Ваник Сантрян
  -
  - ГОСПОДА, ЭТО Я!
  - ОТРЯД УХОДИТ НА ЮГ
  - СВЕТ ГЕНИЯ
    -
    - Княгиня Чиковани
    - Почему звонят колокола?
    - До новой встречи, Ной!
    - Свет гения
    - Плов
    - Склоненные и не склоненные знамена
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

Ваник Сантрян
Господа, это я!

Документальные повести и рассказы

Май 1882 года.

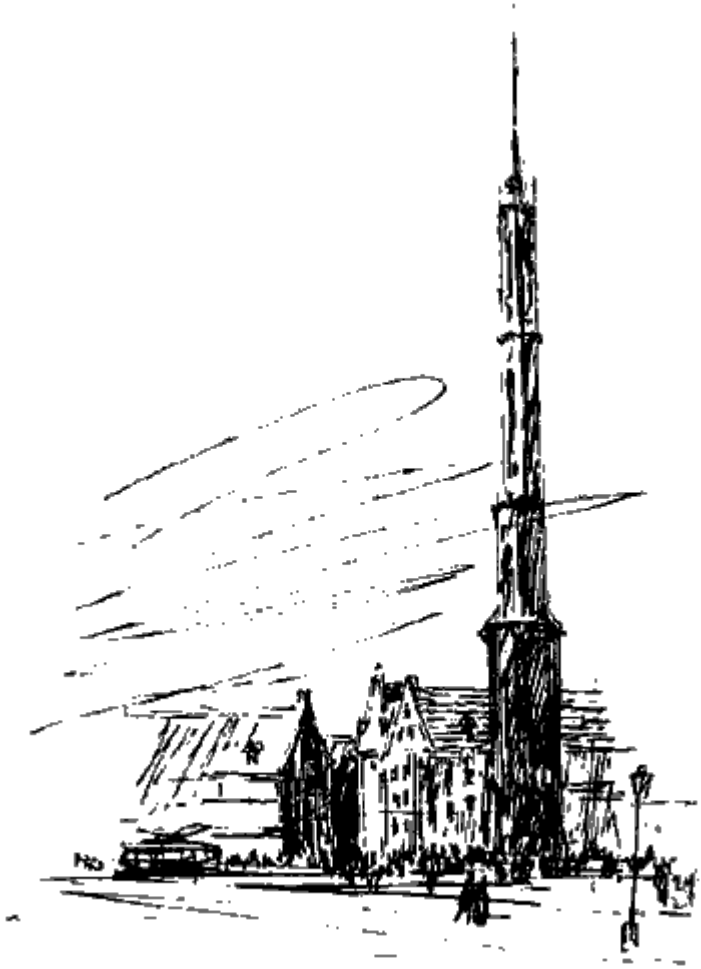
В грузинском городе Гори, отдаленном от больших городов, мира, родился мальчик, которому суждена была жизнь, посвященная серьезной и опасной революционной деятельности — в Петербурге и Софии, Берлине и Вене, Париже и Москве, Тифлисе и Баку.

Это был Симон Аршакович Тер-Петросян, один из верных соратников великого Ленина, достойный сын армянского народа, известный под именем Камо.

Камо — легендарный революционер, вечно бдительный страж и рыцарь революции.

Недолгой была его жизнь — всего 40 лет. Летом 1922 года он трагически погиб в автомобильной катастрофе. Но он успел выполнить грандиозную работу во имя торжества светлых идей революции, во имя освобождения человека.

ГОСПОДА, ЭТО Я!



Была осень 1919 года.

Выстроившиеся вдоль Молоканской улицы большие деревья разрослись и перекинули свои ветви во двор. Не облетевшая еще кое-где багряная листва заметно поредела, и ветер беспрепятственно врывался во двор, где мужчина, выглядевший гораздо старше своих сорока лет, отдавал распоряжения боевым товарищам.

Это был Камо со своим боевым отрядом, который он сформировал в Москве, подобрав людей по поручению и с согласия В. И. Ленина, проверив каждого в отдельности, и теперь, преодолев массу трудностей, пройдя по дорогам Москва —

Астрахань, Астрахань — Каспийское море — остров Булла — Баку, добрался до лудильной мастерской, расположенной на первом этаже дома по Молоканской улице. В отряде знали только, что хозяева мастерской — Серго[1] и его жена Сато. Камо со своим отрядом намеревался через Тифлис отправиться на Северный Кавказ, чтобы взорвать там штаб Деникина. Продвигаться напрямик было рискованно, так как белогвардейское отребье отрезало Россию от Закавказья.

Шел 1907 год.

Реакция свирепствовала. Все жили в страхе, революционеры уходили в подполье.

Степан Шаумян перелистывал какие-то бумаги. В его дверь тихонько забарабанили. Слегка отодвинув занавес, он выглянул в окно. В темноте четко выделялся силуэт офицера, невысокого, не стройного, с броской самоуверенной осанкой.

— Кто там?

— Откройте. Я принес вам борчалинский арбуз!

— Арбузы еще не поспели.

— Поспели уже.

Пароль был точен, и дверь поспешно, отворилась. Шаумян, широко раскинув руки, сгреб в объятия вошедшего офицера:

— Камо?! Ты в Баку? Будь ты сейчас в Лондоне или в Париже, я б охотно поверил. Но в Баку да в такое время?! Нет, только не здесь.

— Именно в Баку, куда наверняка дошел звон разбивающихся стекол в караван-сарае Тамамшева, — прервал его Камо. — Ты-то прекрасно знаешь, чего я натерпелся с похищением этих денег? Ведь помнишь?

Как было Шаумяну не помнить об этом?

…В одном из дворянских особняков по Михайловской улице Тифлиса, снятом для подпольной работы членами боевого отряда Камо Бачуа Куприашвили и Вано Каландадзе, спорили Камо и Шаумян.

Шаумян: — Нет, тысячу раз нет! Революция — это вооружение трудящихся масс, организация их сплоченной борьбы!

Камо: — Не поймешь тебя: вчера ты говорил «да», сегодня — «нет». Послушай, Степан, не принимаешь же ты меня за сумасшедшего? Пусть будет вооружение. Но чем, чем ты их вооружишь? Степан, дорогой, неужели ты принимаешь меня за авантюриста, искателя приключений, которому не терпится прославиться в подпольных кругах? Повторяю твои слова: нет,

тысячу раз нет! Ты же меня знаешь. Поэтому я удивляюсь, что и ты читаешь мне нотации. Но вся наша теория революции заходит в тупик, когда встает вопрос оружия и денег, которых у нас нет. Оружие необходимо, но чтобы его заиметь, нужны деньги. Аэроплана у меня нет, чтоб взлететь над банком и вмиг ограбить. Сколько я терзался из-за эксов. Я понимаю, что меньшевистское воронье не преминет обкаркать нас, но иного выхода у нас нет. Если он у тебя есть, давай выкладывай!

Камо прекратил нервно вышагивать по комнате. Сдерживая возмущение, он сел за стол напротив Шаумяна. Но тут же торопливо встал:

— Ты пришел ко мне на чашку чая, а я тебя заморочил совсем. Знаешь, мне почему-то вспомнился наш приходской священник из Гори, он частенько стращал нас господом богом. Однажды на уроке божьем я спросил у него: «Святой отец, бог всесилен?» А он: «Очень, сын мой». «Очень-очень?» «Да, сын мой». А я ему: «И он может дать мне пощечину?» «Может», — отвечает. «Раз так, — говорю, — пусть он спустится сверху и ударит меня». Тут священник влепил мне увесистую оплеуху, сказав: «Я — представитель бога». Класс расхохотался. Я потерпел фиаско.

Шаумян, улыбаясь, спросил в шутку:

— Выходит, священник воздал тебе по заслугам?

— Ну. А теперь вот царь отвешивает мне пощечины. Вчера на одной стене я увидел свой портрет, довольно симпатичный. За мою голову обещают солидный гонорар. Хочу повысить себе цену, что-то не правятся мне эти несколько тысяч. Пусть назначат сумму покрупнее.

— Пойми, ты нужен партии не только для проведения экспроприаций! Знатный чаёк…

— А обед? — точно ребенок, образовался Камо. — Ты еще не знаешь, какой я кулинар! Такую кашу могу заварить царю, что он назначит меня своим шеф-поваром. Экс — необходим, причем грандиозный. Да, я его тоже не приемлю. Скажут — бандитизм, ну и пусть, важно не это, а то, что партия нуждается в деньгах. Мы на волоске от смерти — знаю, и не думай, что я ничего не боюсь. Вранье: только дураки и безумцы не боятся смерти. Но скажи мне, где другой выход?

— Что ты решил? Мы должны быть в курсе.

— Поэтому я и попросил тебя прийти. Вместе и обмозгуем, как быть.

— Чтоб твоему пылу-жару не угаснуть, скажу сразу, что мы согласны.

— Ура! — заорал Камо и крепко обнял Шаумяна. — Спасибо, Степан. Вано, налей еще чаю Степану. Вот мой план, слушай.

— Прежде чем говорить о новом плане, ты бы учел неудачи прежних попыток. — Шаумян медленно поднялся.

Камо смолчал — вопрос коснулся его больного места. Прежние неудачи. Две попытки с начала года. При первой он чуть было не лишился жизни. В тот период центр большевиков возлагал серьезные надежды на боевой отряд Камо, который обещал за короткий срок раздобыть деньги и доставить их в Финляндию, — где тогда находился Ленин. В отряд Камо входили опытные большевики-экспроприаторы: Бачуа Куприашвили, Вано Каландадзе, Элисио Ломинадзе, Дадико Чиабришвили, Илико Чачиашвили, Илико Ибралидзе, Акакий Далакашвили, Аркадий Элбакидзе, Теофил Кохриашвили, Анетта Сулаквелидзе, Саша Дарахвелидзе, Пациа Голдава, Вано Шимшанов, Серапион Ломидзе.

Факт, однако, остается фактом: обе попытки отряда провалились, хотя, по словам Камо, «все было семь раз отмерено, оставалось только отрезать». Такова была ситуация. Отряду удалось выяснить, что крупные суммы денег ввозятся и вывозятся из Тифлиса в трех направлениях: в сторону Джульфы, куда деньги из Тифлиса доставлялись русским войскам в Персии; в сторону Батума — для рабочих Чиатурских рудников; наконец, третий денежный источник — это крупная сумма в 250 тысяч рублей, которую центральная почта получила из Петербурга.

Попытка похищения джульфинских денег имела печальный исход. Отряд вышел на задание ранним утром, а в три часа дня управляющему банком доложили о попытке ограбления почты: «Деньги не удалось похитить. Бомба, взорванная злоумышленниками, тяжело ранила одного из казаков. Тяжело ранен и один из злоумышленников, которого его сообщникам удалось прихватить с собой».

В тот же день вечером в одной из частных клиник Тифлиса врач Соболевский спасал жизнь Семену Аршаковичу Тер-Петросяну. Раненого привели его товарищи, предложили врачу крупную сумму, чтобы тот без огласки и как можно быстрее вылечил и поставил на ноги пострадавшего. Это был, как они заявили, техник ремонтной мастерской депо, на которого якобы свалилась сорвавшаяся с крана раскаленная болванка.

Врач усмехнулся: «Ребята, не надо принимать меня за дурака». Были разорваны мышцы кисти левой руки и предплечья, правый глаз был залит кровью, повреждена стенка желудка…

…Больной открыл глаза, не соображая, сколько прошло времени и где он. Но вот постепенно рассеялась синеватая пелена перед глазами, и четче проступили вещи в комнате.

Заметив у своего изголовья врача, он рванулся встать, но без

сил упал навзничь. «Спокойно! — велел врач. — Спокойно». Камо, словно в молочном тумане, уловил беспокойный взгляд Бачуа и Вано и снова закрыл глаза.

Когда он очнулся, врач нащупывал ему пульс.

— Доктор, надеюсь, вы никому об этом не скажете, — разволновался он, увидя, что Бачуа и Вано ушли. — Я имею в виду моих родных и близких.

— Я их не знаю, молодой человек, — сдержанно ответил Соболевский. — Может, ваши друзья окажут вам сию неприятную услугу. Я врач и выполняю свой долг. Остерегайтесь скорее ваших друзей.

Камо слабо улыбнулся:

— Доктор, вы плохо их знаете. Они самые хорошие и самые честные парни на свете!

— Я не сомневаюсь. О каких это полмиллионах вы бредили?

Камо насторожился.

— Не волнуйтесь. Но у меня вы пролежите довольно долго, ибо у вас тяжелое ранение. Пожалуй, месяц, другой.

— Не долго ли, доктор? — сказал Камо и закашлял.

Горлом хлынула кровь.

— Сестра! — позвал доктор.

В комнату вбежали сестра и сиделка.

— К утру, наверное, его не станет, — сказал врач подоспевшим медсестрам.

Поздно вечером пришли Анетта и Саша. Сестра только что сменила холодный компресс. По мрачному взгляду врача девушки поняли, что улучшения нет, кризис не прошел.

— Если до утра протянет, то выживет, лет двести еще проживет, — сказал врач. — Одна надежда на его здоровый организм.

Спустя месяц и девять дней Камо, вполне оправившись, выписался из частной клиники доктора Соболевского. Только вот правый глаз стал хуже видеть.

— Ты мог и ослепнуть, — успокоил врач, — Будь осторожнее, сынок!

На второй день после выписки из больницы Камо засучил рукава и принялся за дело.

— Илико, что нового из Чиатуры?

— Деньги повезут поездом. А в поезде казаков врасплох не застанешь и денег не отберешь.

Камо вопросительно посмотрел на него.

Чачиашвили подмигнул:

— Нам помогут тамошние крестьяне.

— Не очень-то я им верю. Когда отправляется поезд?

— Послезавтра.

— Бомбы готовы?

— Да.

— Какой толк от этих крестьян? А что с почтовыми деньгами?

— Пока не отправляют. Каландадзе ведет наблюдение. Почему ты сомневаешься в чиатурской операции?

— Во-первых, мы не знаем, что за люди эти крестьяне. Во-вторых, похитить деньги из поезда нелегко, если вообще невозможно.!

— Крестьян четверо, они обещали явиться на вокзал за час до отправления поезда. Задаток они получили.

— Не представляю, как мы осуществим этот план, но клянусь моей неотросшей бородой, что крестьяне пропивают сейчас ваш задаток и давно забыли о своем обещании.

— Бачуа их знает и разыщет, если они обманут.

— С каких это пор вы стали такими наивными? Бачуа разыщет! Он их знает! К тому времени страсти поулягутся, ваши крестьяне извинятся, дескать, испугались. И мы простим. Нам надо добывать деньги, а не бросать их на ветер!

Через два дня выяснилось, что Камо был прав: крестьяне, заполучив «аванс», удрали…

…— Такова ситуация на сегодняшний день, дорогой Степан. Пей чай, стынет. Если в течение трех дней деньги с почты не переправят в банк, наши бомбы выйдут из строя, станут негодными, и мы окажемся без боеприпасов. По сведениям Вано (мы устроили ему работу на почте), через два дня деньги будут переправлены в банк. Завтра вечером или поздно ночью я извещу тебя. Ты не собираешься отлучаться из города?

— Раз вы управитесь так скоро, подожду.

— Значит, завтра вечером я дам о себе знать. А сейчас тебя проводит кто-нибудь из ребят. На прощание хочу тебя заверить, что «номер» впустую не пройдет.

Этот разговор состоялся в 1907 году, 11 июля, а вечером следующего дня в ту же конспиративную квартиру, словно бомба, влетел «почтовый служащий» Вано Каландадзе.

— Батоно, деньги вывозят!

— Когда?! В котором часу?

— Видимо, утром, с девяти до десяти часов.

— Молодец, джигит! Дай-ка я тебя расцелую! План у меня уже готов. Не зря же два дня таскаю на себе с армянского базара корзины абрикосов и огурцов!

Через час Камо расстелил на столе большой чертеж.

— Даю отряду час на сборы. Где девушки? Вот это

Эриванская площадь. Итак: Пациа Гулдава будет стоять у сада, оттуда хорошо видно почту. Как только карета с деньгами двинется, он тут же уведомит Степко, который будет стоять у склада. А он, в свою очередь, должен сообщить Анетте, поддерживающей связь между ним и ребятами. Анетта, у тебя «свидание» у чайной Тилипучур. Бачуа, ты по-прежнему должен находиться в центре. Улицы, прилегающие к площади, пусть разделят между собой Дадико, Аркадий, Вано Шимшанов, Вано Каландадзе, Илико Чачиашвили и Илико Ибралидзе. Акакий Далакашвили и Теофил Кохриашвили станут у почтового управления и первыми сразу же преградят дорогу казакам, когда те подоспеют. При такой расстановке мы все будем в поле зрения друг друга, и я буду на виду у вас. Первым бросит бомбу Бачуа. Следом за ним — Дадико Чиабришвили. Отступаем по Вельяминовской улице; на углу Вельяминовской и армянского базара отступление будут прикрывать Элисио Ломинадзе и Серапион Ломидзе. Когда начнем? Бачуа, слушай: начнем, когда скачущие впереди казаки свернут на Сололакскую улицу. Представляю, с каким звоном полетят стекла в магазине Миримановых, в караван-сарае Тамамшева, в банке! Действуйте решительно и осторожно! Не должна пролиться ни одна капля крови. Никого чтоб не ранило, об аресте и речи быть не может! Я приду на площадь раньше всех на час. Не удивляйтесь, когда увидите в пролетке симпатичного офицера с блестящими эполетами. Извозчика вы знаете — Захар Залинов. Не теряйте из виду офицера. Я приду раньше, чтоб предложить праздношатающимся расходиться по домам, не толпиться на площади. Вопросы есть?

…Ясное утро 13 июня 1907 года взбудоражило весь Тифлис, Россию и Европу. На самой оживленной площади города средь бела дня группа неизвестных, бросив бомбы, лишила царскую казну огромной суммы — 250 тысяч рублей. Эриванская площадь была оживленной и многолюдной еще и потому, что на ней располагалась городская управа, штаб Кавказского военного округа, один из полицейских участков, редакция и типография газеты «Кавказ», торговые ряды, а в двух кварталах от площади — дворец и канцелярия царского наместника Воронцова-Дашкова.

Когда Бачуа Куприашвили с мешком денег случайно оступился и упал на площади, объятой паникой и дымом, Камо, не мешкая, подхватил мешок с деньгами, и извозчик вовсю погнал по Головинскому проспекту. Навстречу им выехал спешивший на Эриванскую площадь исполняющий обязанности тифлисского полицмейстера подполковник Балабанский, уже извещенный о нападении. От его глаз не ускользнул лежавший в

пролетке засургученный мешок. Перехватив подозрительный взгляд Балабанского, Камо взял под козырек и бодро отрапортовал:

— Деньги спасены! Поспешите на площадь!

Обрадованный Балабанский устремился на площадь.

Пройдет неделя, и газета «Кавказ» от 20 июня 1907 года сообщит: «Вчера в 10 часов утра А. Г. Балабанский отправился на кладбище и на могиле своей матери покончил жизнь самоубийством».

…Шаумян, спокойно слушавший Камо, медленно заговорил:

— Значит, так. Ты знаешь, что больше получаса тебе нельзя у меня оставаться. Представь радость охранки, когда завтра в газетах напишут: «Лидер бакинских большевиков Степан Шаумян арестован у себя на квартире в тот момент, когда он распивал чаи с разыскиваемым анархистом Семеном Тер-Петросянцем, известным в революционных кругах под кличкой Камо. Оба взяты под арест».

— Напишут, а как же! Пусть ждут у моря погоды, — ощупывая в кармане бомбу, Камо встал. — Куда мне идти, говори!

— Сестру Богдана Мирзаджановича[2], Фаро[3], ты хорошо знаешь. Живет она на Великокняжеской. Вот тебе адрес. Скажешь, что встретился со мной случайно. Вот и все. Что тебе сейчас особенно необходимо?

— Шикарный европейский костюм. Собираюсь съездить в Париж. Или ты предлагаешь сойти на Северном вокзале в Париже с перекинутым через плечо хурджином? А? Может, попробовать? Хочу еще и к Алеше заглянуть. Вот он бы мне помог.

— Я же сказал, встретишься с Фаро. За Алешой усиленно следят. Его не трогай. Он, конечно, огорчится, что не увидел тебя.

— Ладно. Мне пора.

— Если туго придется, мой адрес ты уже знаешь, — Шаумян крепко пожал протянутую ему руку.

…В доме на Великокняжеской раздался протяжный звонок. Щелкнул ключ в замке, затем в дверной щелочке показалось курносое лицо прислуги.

— Вам кого?

— Елену Георгиевну. Я к ней с добрыми вестями от ее брата.

Дверь моментально отворилась, и стоящая за служанкой «Елена Георгиевна», она же Парандзем Кнунянц, не стесняясь присутствия служанки, кинулась в объятия офицера.

— Сенко[4], дорогой мой! Непутевый мальчишка! — и, обернувшись к служанке: — Надюша, накрой, пожалуйста, на

стол. — И перешла на армянский язык: — Она не должна знать, кто ты. Ты, конечно, виделся со Степаном, иначе б откуда у тебя мой адрес и пароль? Не верится даже что ты целехонек-живехонек, да еще в Баку!

— Мне только чай. Я поел у Степана. И знаешь, что я еще попрошу? Мне дней на пять-десять нужен отдых и изысканная одежда. Очень хорошо, что ты назвала меня Сенко. В Баку я никому не известен под этим именем. О моем местонахождении знают Нушик, ты, Степан и Екатерина.

— Эта квартира нелегальная, дорогой, держать тебя здесь не могу, но видно, у Степана другого выхода не было. Что же делать? М-м-да. Обожди немножко, дай пошевелить мозгами. Тебе еще и одежда нужна. Ладно, это не проблема. Найдется одежда. Придумаем что-нибудь… Надюша, — окликнула она служанку, — я сама приберу со стола. Ты пока переоденься. Нам надо выйти в город.

— Хорошо, сударыня.

Невзирая на поздний час, обе женщины добрались-таки до лудильной мастерской на Молоканской улице. Одна из них, что шла впереди, настойчиво нажимала кнопку звонка.

Хозяев дома удивил столь поздний визит.

— Вижу, ты пришла по важному делу, — сказал по-армянски Серго, хозяин дома, который работал, несмотря на поздний час, и, вытерев руки о фартук, добавил: — Спустимся в мастерскую, поговорим. — По-русски сказал, чтоб не вызвать подозрений у спутницы Фаро.

По дороге сюда Фаро сказала Наде только то, что приехавший из Тифлиса гость — товарищ Богдана и Степана и его по какому-то делу разыскивает полиция. Нужно надежное убежище.

То же самое она поведала Серго, спустившись с ним в мастерскую, но когда произнесла имя Камо, Серго поднялся с места.

— Сато!

— Да! — послышался голос сверху.

— Спускайся к нам.

Когда Сато присоединилась к ним, он продолжил:

— Значит, так: Фаро просит подыскать убежище для человека, за голову которого обещано целое состояние, на которое можно прожить, и не занимаясь лудильным делом.

— Кто он?

— Его по всему миру разыскивают, — сказал Серго. — Сейчас ему срочно нужен костюм.

Сато ушла наверх и через две минуты вернулась с вполне

приличным костюмом.

— Пусть приходит, найдем ему местечко, — сказал Серго.

А Камо, запертый на Великокняжеской, прикидывал, как ему быть дальше. «Сейчас мне надо пробраться в Тифлис, прозондировать почву, чтоб с оказией переправить деньги на север, Камо ищут не среди приезжих, а среди выезжающих из Тифлиса».

Внезапно осенила мысль: «жениться» на Фаро и под ручку с ней сесть в поезд, идущий на север, а чтобы не возникло никаких подозрений, явиться на вокзал в праздничном настроении, в шикарном, с иголочки костюме, чтобы публика приняла его за отпрыска богатой еврейской семьи, который с новобрачной выезжает за границу в свадебное путешествие. По дороге они с Фаро сойдут на одной из станций. Отсюда он двинется к Тифлису, а «невеста» вернется домой. Из Тифлиса он поедет в Петербург, оттуда — в Финляндию, где увидится с Владимиром Ильичом. И вручит ему деньги: «Вот, Владимир Ильич, на эту сумму можно приобрести оружие для наших боевых товарищей».

Погоди, Камо, зачем так спешишь? Не забегай вперед. Ты сейчас не в Петербурге, а в Баку, в доме по Великокняжеской улице, под замком, и ждешь прихода хозяйки дома.

Наконец в замке щелкнул ключ, и в коридоре зажглись свечи, высветив два женских силуэта. Камо лениво вытянулся на тахте, будто все это время беспечно пролежал тут.

— Где вы пропадали?

— Думаешь, так легко найти костюм на глазок, да еще среди ночи? — сказала Фаро. — Все в порядке, не беспокойся. Вот, держи, это то, что тебе нужно. По-моему, наряд Серго Мартикяна будет тебе впору. Если где и не так будет сидеть, не беда. В конце концов, не сватаешься же ты и не женишься.

— Гм! — хмыкнул Камо, разглядывая костюм. — Дело в том, что, возможно, я и женюсь, ну, скажем, на тебе, и мы с тобой отправимся в Ростов, в вагоне первого класса, как и надлежит нефтепромышленнику с супругой. Такая у меня идея.

— Ну да, идей у тебя хоть отбавляй! А пока бери вот шляпу, сорочку и галстук. И сматывай отсюда удочки, ступай вот по этому адресу. В Баку ты не пропадешь. Не забудь сказать: «Я к Елене Георгиевне с добрыми вестями от ее брата».

— Ясно. Спасибо, — насвистывая, Камо прихорашивался перед зеркалом. — А ничего, смотрится. Брюки чуточку великоваты, но ничего, потуже затяну ремень.

Пока Камо радостно, то по-армянски, то по-русски расхваливал свою обновку, хозяева лудильной мастерской стелили ему постель. Если даже к ним пожалует участковый

полицейский, то вряд ли догадается, что за иконой Богородицы находится еще одна дверь. За дверью тесная узкая комнатенка с выходом во двор. По обе стороны иконы Серго и Сато поставили две статуэтки святых.

Раздался стук в дверь. Они осторожно открыли ее и, узнав, что гость пришел с добрыми вестями от брата Елены Георгиевны, впустили его.

— Здрастье.

— Здрастье. Будем знакомы, это моя жена, Сато, Фаро вас успела накормить? А то прошу, без стеснения.

— Ради бога, не беспокойтесь. Об одном только прошу: я устал как грузчик. Мне бы поспать где-нибудь до утра. Ужас, как устал.

Серго Мартикян сдвинул щеколду-невидимку, отодвинул икону Богородицы, приспособленную вместо двери, и в проеме мелькнул слабый свет, падающий из крохотного окошка, примыкающего почти к потолку. В комнатенке, на никелированной кровати была постлана мягкая постель, рядом стоял стул.

Мартикян вставил ключ в замок другой двери:

— За этой дверью наш двор, оттуда ты сможешь выйти на улицу. Что ж, располагайся. Доброй тебе ночи!

…Прошел день, второй, третий. Отъезд в Тифлис затягивался. Фаро как в воду канула. Камо нервничал, от долгого лежания побаливали ребра, спина затекла, и, чтобы размяться, он время от времени выходил во двор, делал упражнения. Но на улицу — ни шагу.

…Фаро, Фаро! Сколько она ради него набегалась, раздобыла еще один костюм — как по нему сшитый. Сорочку, галстук, широкополую шляпу подарил доктор Георгенбурген, сочувствующий большевикам, член общества Красного Креста. Его жена была дочерью богачей Цейтлинов, у нее в Париже проживали богатые родственники, как раз в те дни приславшие ей посылку. Фаро пришлось несколько раз проделать путь от Великокняжеской до Большой Морской, пока доктор, проживающий в доме своего тестя, выделил Камо обновки, из посылки.

— Костюм — немецкий, — сказала Фаро. — Его дал Тигран Исаханян, ты его не знаешь, он друг детства Богдана. Костюм он купил в Берлине и даже не успел его поносить. Признайся, ты хоть раз в жизни наряжался с таким шиком за чужой счет? Из четверти миллиона ты ведь не потратил на себя и копейки. Я-то тебя знаю. Костюм немецкий, сорочка и галстук — французские.

Любой бы наверняка подумал, что ты собираешься в Париж или в Берлин.

— Париж, Берлин… Как бы хотелось уехать на край света, подальше от всех и вся! Забыться хочу, но, увы, я над собой не властен, — с грустью сказал Камо и сразу же оживился. — Сегодня уже пятница, не пора ли тебе принарядиться, жениху под стать? Жених и невеста никак. Едем в Париж! Видела б меня моя мать…

— Завтра выпрошу что-нибудь у подруг.

…Было последнее августовское воскресенье. На железнодорожном вокзале необычной выглядела только нарядная красивая парочка. Носильщики наверняка знают, кто они. И полицейский офицер подошел к ним с расспросами.

— В Париж едут, медовый месяц у них. Он доктор, сын нефтепромышленника, — доложил носильщик.

Полицейский был не из дотошных чинуш, не то поподробнее бы расспросил и выяснил, что носильщик не все верно сказал. Во-первых, «медовый месяц» тут ни при чем. Это были «брат и сестра»: Неси Марковна Цейтлина уезжала в Париж в сопровождении брата Георга Марковича Цейтлина.

Заметив изысканно разодетую семью, офицер взял под козырек.

— Пардон, мсье, — и протянул руку к чемодану. — Силь ву пле, мадемуазель!

— Благодарю.

Как только пара скрылась в купе, офицер заворчал: «И чего я тут любезничаю?» И нащупал в кармане фотографию, размноженную в полицейском участке и выданную ему сегодня. Изображенный на фотографии молодой человек на Эриванской площади в Тифлисе средь бела дня ограбил карету, направляющуюся с денежной почтой в государственный банк, и прямо из-под носа вооруженных казаков похитил четверть миллиона рублей. «Вместо того чтобы заняться своим делом, я рассыпаюсь перед этими евреями», — снова пожурил он себя и огляделся по сторонам. Ему были подозрительны буквально все, кто в данную минуту находился на вокзале. Вне подозрений были только те «парижане».

— Затяните мне пояс потуже! Ну и придумаете же вы — завязать револьверы на спине! Если они мне понадобятся, придется шарить под рубашкой. Понимаю: конспирация, и я ценю ваш конспиративный талант. Обвязали, все уже? Разрешаете одеться?

— Разрешаю, сумасшедший.

— Благодарю, — и атлетического сложения кавказец обнял и поднял в воздух седовласую женщину. — Вот так и доставлю вас в Тифлис, на берег Куры, и наловлю вам рыбы.

— Ой, Камо, спусти меня, спусти, слышишь! — говорила мать Надежды Константиновны. — Надя, скажи ему!

Крупская сидела в кресле и беседовала с Верой Рудольфовной Менжинской[5]!

— Надежда Константиновна, — прервал их беседу Камо, — ну как такую женщину не любить? Одно загляденье, как я приоделся, а она говорит: волосы не так причесаны, плохо побрился, сорочка плохо выглажена. Ну прямо как тифлисский полицмейстер! Здравствуйте, Вера Рудольфовна. Мне пора уходить, а Владимира Ильича что-то не видно. Где он? Пойду попрощаюсь.

— Он в саду, пишет, — сказала Крупская. — Сейчас посмотрю, не сильно ли он занят?

— Нет, нет, я совершенно свободен, — раздался голос Владимира Ильича. — Сейчас поднимусь к вам.

Ленин торопливо поднялся по ступенькам.

— Здравствуйте, Вера Рудольфовна! Здравствуй, Камо. Уже собрался уходить?

— Да, Владимир Ильич.

— Посиди еще минут десять. Надо написать письмо тифлисским товарищам. Я сейчас. Побеседуй еще немножко с женщинами, пока спущусь вниз и напишу. Ты ел сегодня?

— Да, Владимир Ильич. Надежда Константиновна сытно меня накормила. И на дорогу дала гору оладей..

Станция Куоккала[6] в Финляндии в 1907 году не вошла еще в историю и, видимо, была лишь нанесена на местную карту и ничем не отличалась от других станций. Спустя много лет она станет известной. Но не благодаря живописной природе, густым лесам и голубым тихим озерам, а домику Лейтейзена, где временно скрывались от жандармов Ленин и Крупская. Они жили здесь вместе с матерью Надежды Константиновны и дружили с семьей Менжинских. Связь с Петербургом поддерживали Надежда Константиновна и Вера Рудольфовна. Вдвоем, или порознь они наведывались в город, встречались с товарищами из центра. Случалось, что Камо составлял им компанию. Через Крупскую и Менжинскую Ленин передавал товарищам указания, инструкции, статьи, от них получал сведения о положении дел в партии.

Владимир Ильич поднялся по ступенькам с двумя конвертами.

— Вот, дорогой Камо: одно письмо передашь в Тифлисский комитет партии, другое — лично Шаумяну. Если вдруг

понадобится «потерять» их, то постарайся прежде запомнить содержание, конверты не запечатаны. Тем не менее адресатам передай на словах, что я не возражаю против проведения эксов. Но возглавлять их должен только ты, Камо. Никто другой.

— Спасибо, Владимир Ильич.

— Ну, желаю счастливого пути. Как ты доставишь письма в Тифлис, я не спрашиваю.

— До свидания, Владимир Ильич.

Попрощавшись со всеми, Камо быстро сбежал по лесенке и слился с зеленью деревьев.

— Да, — размышлял Ленин после его ухода, — вот такие люди и являются героями революции. В этом простом парне столько огня, что он готов в любую минуту вспыхнуть, точно мощный вулкан. Сколько в нем преданности! Счастливого тебе пути, дружище, счастливого пути!

…Старая одиночная камера Метехской тюрьмы. Темно. Тишина. Перевезенный сюда из Берлина заключенный был закован в кандалы и, сидя на нарах, размышлял о выходе из вроде бы безвыходного положения. «Сегодня 19 октября 19 октября 1909 года. Через двадцать дней будет два года, как я лишился свободы, сна, покоя. Надо по-прежнему притворяться сумасшедшим, не уповая на милость бога и царя. Как же, освободят тебя, черта с два! Но за что они предъявят мне обвинение? За Дмитрия Мирского? Зачем, мол, поехал за границу, присвоив паспорт чужестранца? Что мне ответить? Дескать, хорошо и сделал? „Ах вот как, — скажут они, — что ж, отдохни-ка пару лет в Метехской тюрьме и ступай домой. Отдохни так, как отдыхал эти два года в берлинских тюрьмах и психиатрических лечебницах“».

…На одной из немноголюдных улиц столицы кайзеровской Германии, в двухэтажном ничем не примечательном домике должны были встретиться двое — шеф и его подчиненный. Первый из них уже прибыл и, стоя у окна, разглядывал окутанную туманом берлинскую улицу. Тот, кого он ждал, опаздывал. Пароль ему был известен: в дверь не звонить, а постучаться пять раз и после паузы — еще пять раз. Подчиненный оказал неоценимую услугу тайной русской полиции. И вот сейчас от него ждал важных сведений Аркадий Гартинг, заведующий тайной агентурой русской полиции, он же — гражданин Пинский, провокатор Абрам Арон Гекельман, он же — известный во Франции под фамилией Ландезен. В настоящее время он всего лишь гражданин Пинский. Однако после окончания этого дела, видимо, станет Аркадием Гартингом — потомственным

дворянином, рыцарем ордена святого Владимира, государственным советником.

Он ждал прихода Якова Житомирского, родом из Баку, выпускника медицинского факультета Берлинского университета, члена заграничной группы Российской социал-демократической рабочей партии — Отцова. В студенческие годы вместе с молодыми революционерами из Берлинского университета он был одним из активных организаторов берлинской группы социал-демократической рабочей партии, поддерживал личные связи с Лениным. Плехановым, Каутским, Мерингом, Бебелем. Завоевав доверие центра, он участвовал в съезде партии в Лондоне, на пленарных заседаниях Центрального комитета в Париже.

Якову Житомирскому было поручено обеспечить нелегальную деятельность в Берлине страхового агента, австрийского подданного Дмитрия Мирского (он же — Симен Аршакович Тер-Петросян, Камо), прибывшего сюда после знаменитой экспроприации на Эриванской площади в Тифлисе с тем, чтобы на похищенные деньги, вступившие уже в обращение, организовать скупку и перевозку оружия в Россию.

Центральный Комитет большевиков назначил ему помощником Якова Житомирского, пользующегося у них доверием. За пять лет до приезда Камо тот же Житомирский записался в царскую охранку, где его знали как Андре Дандена, и получал ежемесячное жалование в 250 марок.

Никакие ухищрения, даже изобретательность Камо, не спасли большевиков от провала — ареста Камо. К Гартингу с докладом шел Андре Данден, шел настороженный, озираясь по сторонам: он уже сделал свое черное дело.

Гладкий черный костюм и светло-пепельную сорочку начальника заграничной агентуры украшал алый галстук. Гартинг сел за стол перед раскрытой папкой, рядом была сложенная из бумаги пепельница. Этого высокого худощавого мужчину со сквозившим из-под очков злорадством, видимо, ничего, кроме доносов, не прельщало. Он волновался, то и дело выглядывал в окно. Набросает несколько строк и снова подходит к окну. «Куда он делся?»

Сегодня, 10 ноября 1907 года, здесь должна была состояться вторая встреча Гартинга с Андре. В первый раз, 25 октября, после полученных от Андре сведений, он представил докладную директору департамента полиции Максимилиану Трусевичу: «В данное время Камо с помощью Меера Валлаха и проживающего в Льеже социал-демократа, студента Турпаева… купил на 4 тысячи марок 50 револьверов „Маузер“ и „Манлихер“ и по 150 патронов

к каждому, и транспорт этого оружия недели через две будет переправлен через границу».

Шпионская машина действовала безукоризненно. Браво, Андре! Ты достоин всяческих похвал и наград. Молодчина! Одного только Гартинг не мог понять: почему Петербург не обращается к немецкой полиции? Камо преспокойно можно арестовать как анархиста и выдать российским властям. В письме к Трусевичу Гартинг разъяснял, убеждал, мысленно ругая его: «У этого сони не мудрено улизнуть из-под самого носа». Три дня назад Андре телеграфировал из Парижа: «На своей берлинской квартире он хранит в чемодане большое количество капсюлей».

Молодчина, Андре!

На сей раз Трусевич ответил незамедлительно: «Поезжайте в Берлин, договоритесь с полицай-президентом».

…1907 год. 10 ноября. Гартинг ждал стука в дверь, пять раз кряду и после паузы еще пять раз… Полицай-президент Берлина фон Ягов принял Гартинга весьма любезно. «Если ваши сведения подтвердятся и у нега в чемодане будут обнаружены взрывчатые вещества и капсюли, мы его арестуем, — сказал он. — Мы арестуем его как анархиста и после пяти лет тюремного заключения передадим России». Для Гартинга эти слова фон Ягова были словно бальзам. «Дайте адрес». — «Эльзассерштрассе, 44, агент страхового общества Дмитрий Мирский. Но не надо пять лет держать его за решеткой, мы хотим заполучить его сейчас», — настаивал Гартинг. «Посмотрим, как сложатся обстоятельства. Если удастся доказать, что он анархист, а не политический заключенный, ваше желание будет исполнено».

Камо еще с подножки вагона заметил в толпе приближающиеся к нему в золотой оправе очки, чисто выбритые щеки и тщательно причесанные волосы. «Этот Отцов сама благовоспитанность, напускное у него, что ли, не пойму. Чересчур интеллигентен. Допустим, профессия врача накладывает свой отпечаток, но нам не нужны изнеженные голубки и восковые революционеры».

— Здравствуй, Семен.

— Здравствуй, Яков. Второй раз предупреждаю, не окликай меня так громко. Забыл, кто я? — Камо метнул на Житомирского сердитый взгляд, и тот невольно перешел на «вы».

— Простите.

— Говоришь глупости и еще извиняешься. Как будто не знаешь, что я Дмитрий Мирский. Лучше скажи, нашел мне комнату?

— Да, конечно. А с оружием порядок?

— Все в ажуре. Я добыл пистолеты в Париже, а в Льеже — «адскую машину». Я нанял извозчика.

Эльзассерштрассе, 44.

— Здесь ты будешь в полнейшей безопасности, и, как условились с центром, я возьмусь за лечение твоего глаза, — говорил Житомирский спустя два дня после переезда сюда Камо из пансионата по Альбрехтштрассе, 6. — Избегай случайных знакомств. Без меня — ни шагу. Не забывай, что здесь тебе не родной Кавказ, а Берлин, столица Германии.

— Слушай, Яков, ты мне партийный товарищ или надзиратель?

— Не сердись. Нужна конспирация, и можешь не сомневаться, что я твой партийный товарищ. Я уже поговорил с врачами. Будем искать оружие и одновременно лечить глаз. Кстати, может, оставишь свой чемодан у меня?

— Сам же говоришь, здесь безопаснее, — Камо испытующе посмотрел на Житомирского.

— Да, конечно, не стоит сомневаться, — быстро и весело заговорил Житомирский, поправляя перед зеркалом галстук. — Несколько пятисотенных я уже разменял и сдал в центр.

— Вот это хорошо, — обрадовался Камо. — А что с остальными купюрами?

— Пока никаких известий. Не беспокойся, все будет в порядке. Ну, я пошел.

— Постой. Почему я не должен знать, где ты живешь?

— Узнаешь, всему свое время. Поспешишь, как говорится, людей насмешишь.

— Нет, ты давай не корми меня загадками. Что мне делать завтра?

— Позавтракать, затем — визит к окулисту. Это обязательно: травма глаза может оказаться опасной для жизни, не говорю уже о слепоте, — припугнул Житомирский. — Поверь мне как врачу.

— Ладно, слушаюсь и повинуюсь.

— К врачу надо успеть до обеда. А потом придумаем, чем заняться.

…Окулист заполнил анкету с помощью «переводчика» Житомирского и через него же дал понять, что положение не из завидных.

— Руку еще можно оперировать, — он вопросительно посмотрел на опекуна больного, — но с глазом гораздо сложнее, трудно поручиться, что он не ослепнет.

— Я тоже думаю, что руку можно оперировать, — попытался

убедить Камо Житомирский, видимо, тем самым желая подготовить почву для его быстрого ареста.

— Нет, Яков. Лучше обойтись успокаивающими средствами или чем-нибудь в этом роде. Я же приехал в Берлин не оперироваться. Я теряю драгоценное время, а ты — операция. И не уговаривай. Ничего не получится.

Прошло несколько дней, тоскливых, монотонных. В одном из знаменитых берлинских ресторанов обедали трое: Камо, Житомирский и их знакомый, бакинец, большевик Гавриил Сегаль.

…«Эльзассерштрассе, 44. Австрийский подданный» агент страхового общества Дмитрий Мирский.

Шеф берлинской полиции фон Ягов жестом попросил задержаться секретаршу, вошедшую к нему с машинописными экземплярами инструкций.

— Слушаю вас.

— Я очень занят, принимать сегодня не буду. Впустите только комиссара по уголовным делам фон Арнима.

«Почему русские заинтересованы в его скорейшем аресте? Почему так всполошились? Любопытно. Кто бы он ни был, все равно нежелательный элемент. Русский террорист в Берлине. Не хватит нам социал-демократов, а тут еще — террористы и анархисты. Надо его немедленно арестовать».

Фон Ягов пробежал написанный Гартингом адрес. «Выпишу Арниму ордер на арест. К черту, раз анархист, передадим России и благодарность получим. Но, может, все же согласовать с министром внутренних дел? В случае скандала пусть и он расхлебывает».

Фон Ягов набрал номер телефона.

— Господин министр, честь имею доложить о весьма важном, я бы сказал, государственном деле. Нет, нет, по телефону не могу. Сию минуту примчусь к вам.

В приемной, на ходу накинув кожаную куртку, он вопросительно посмотрел на секретаршу.

— Меня не спрашивали?

— Звонил господин фон Арним. Я сказала, что вы хотите его повидать.

— Если появится, пусть подождет, я скоро буду.

…Министр внутренних дел прусского государства Фридрих фон Мольтке встретил ввалившегося к нему полицай-президента без особого восторга.

— Дело это с душком, — сказал он и зашагал по кабинету.

Сидевший в кресле фон Ягов не сводил с него глаз.

«Взвешивает в уме, негодяй, — думал шеф полиции, — выгодно ли ему, повредит ли его авторитету?»

— Ваши сведения достоверны?

— Русские работают безукоризненно. Учтите, что письмо я получил от самого Гартинга. Он не доверяет нашей почтовой службе.

— Но насколько это приемлемо, не знаю. Кроме того, чтобы исполнить просьбу русских, надо будет доказать, что этот человек уголовник.

— Анархисты у нас под носом, а о них нам сообщают русские, — вставил шеф полиции.

— Может, вы ставите это мне в вину? — сухо спросил министр.

— Нет, я обвиняю самого себя.

— Вот сами и разбирайтесь, — закончил разговор министр. — Разрешаю, действуйте.

— Благодарю.

Возвращаясь из министерства, полицай-президент фон Ягов ничего вокруг не замечал. Лишь в приемной его кабинета ему сразу бросились в глаза неприятные морщины на широком лбу фон Арнима. «Хитроумный лоб», — подумал он, крепко пожимая протянутую ему руку.

— Входите.

— Здравствуйте.

— Давно пришли? — фон Ягов торопливо, не оборачиваясь, направился к письменному столу.

— Нет, только что, — следуя за ним, ответил комиссар по уголовным делам.

— Я был у министра по этому вот вопросу. Он разрешил. — И протянул фон Арниму адрес.

Комиссар прочитал и вопросительно посмотрел на фон Ягова.

— Что-нибудь неясно?

— Нет. Но кто он? — И комиссар потер щеку, что означало: а какое, собственно, будет задание?

— Арестовать! И никаких церемоний. Сразу же обыскать. Как положено. По всем правилам.

— Есть арестовать!

— Будьте осторожны, он, возможно, вооружен и окажет сопротивление.

— Агент страхового общества Дмитрий Мирский?

— Да, — отворив дверь, Камо от неожиданности не знал что и делать.

Полицейские ворвались, словно разбухший после дождя

речной поток.

— Что такое? По какому праву? Я австрийский подданный, никакого отношения к немецкой полиции не имею и не хочу иметь.

Сопровождавший двух полицейских высокий худощавый мужчина в штатском обернулся к одному из них:

— Хаберман, скажи ему, что у нас ордер на арест: — И показал бумагу.

Полицейский Хаберман перевел и добавил:

— Господин Мирский, предъявите ваш паспорт.

«Как выпутаться из ловушки?»— шаря в карманах, думал Камо и ничего не мог придумать.

— Прошу. Но прежде чем приступить к обыску, вы должны поставить в известность наше посольство.

Хаберман перевел человеку в штатском, и тот ответил:

— Если у вас все окажется в порядке, мы извинимся и сообщим австро-венгерскому посольству. Мы действуем согласно закону.

— Это ваше дело, — небрежно бросил Камо.

Предъявив паспорт, он расположился на кровати и принялся просматривать журнал.

— Приступайте.

Ни в платяном шкафу, ни под умывальником они ничего не обнаружили.

— Разрешите.

Полицейским нужно было порыться в постели. Камо встал с кровати:

— Пожалуйста.

— Проверьте еще чемодан, и уйдем. — Они были недовольны, что уходят с пустыми руками. — Откройте чемодан. Господин Мирский, что там есть?

Камо не ответил. Не торопясь, он достал из кармана ключ и подошел к стоявшему у шкафа чемодану.

— Здесь белье и сигареты.

Полицейский в штатском так и ушел бы несолоно хлебавши, если б пачки с сигаретами не показались ему подозрительными. Он взял одну из них и увидел дно чемодана, хотя снаружи он казался намного глубже.

— Разобрать чемодан, живо!

Камо попытался возразить, но было поздно, его оттолкнули и, пригрозив оружием, приказали не двигаться с места.

Все, конец — секрет чемодана с двойным дном был налицо. Привезенное из Бельгии и Франции оружие для перевозки в Россию в руках прусской полиции.

В чемодане было 8 коробок с двумястами электрическими запалами, одиннадцать ртутных запалов, коробка с черным прессованным и листовым порохом и большое количество приспособлений для закладки взрывчатых веществ в здания и под железнодорожное полотно.

— Господин Мирский, вот и ордер на ваш арест за подписью комиссара берлинской криминальной полиции фон Арнима. Вы арестованы. Следуйте за нами.

Камо прекрасно понимал: это конец. Но утопающий хватается и за соломинку.

— Чемодан не мой. Вы не имеете права, он не мой.

Полицейские остановились.

— А чей? — спросил мужчина в штатском.

— Это чемодан Василия Петрова. Он сейчас в Женеве, а чемодан передал мне в Вене, куда я поехал лечить свой глаз. Чтобы вернуться в Россию, мне нужен был пустой чемодан, уложить вещи. Он и дал мне свой, даже заплатил, хотя мы только познакомились.

— Что заплатил? Зачем?

— Заплатил деньги, чтобы в России я передал чемодан начальнику станции Козловская.

— Зачем?

— Об этом надо будет поинтересоваться у начальника станции Козловская или у Василия Петрова в Женеве.

— Это мы еще успеем, — сказал мужчина в штатском. — Сейчас мы отправимся в полицию и все выясним.

Берлинские разносчики газет кричали во всю глотку::

— Арестован уголовный преступник!

— Арестован Дмитрий Мирский!

— Русский террорист в Берлине!

— Бомба под носом у полиции!

На одной из немноголюдных улиц Берлина, в двухэтажном ничем не примечательном домике, должны были встретиться двое — шеф и его подчиненный.

Настенные часы пробили десять утра, в дверь пять раз постучались, после паузы стук повторился еще пять раз.

Гартинг сразу же отпер дверь.

— Здравствуй, Андре. Ты, наверное, удивлен нашему свиданию.

— Да, патрон. Я принес газеты. Стоило ли поднимать такую шумиху? Не знаю, но город словно взорвали динамитом.

— Из всего, что ты до сих пор сделал, Андре, эта самое большое дело, — сказал Гартинг. — Я решил лично с тобой

встретиться и поблагодарить тебя. Просмотри эту телеграмму, можешь отправить ее в Петербург, когда захочешь.

Андре прочел телеграмму. Он был на седьмом небе от радости: Гартинг просил департамент полиции, ввиду блестяще выполненного особого задания, выдать тайному агенту заграничной службы Андре Дандену денежное вознаграждение в размере двух тысяч марок.

Андре с признательностью смотрел на патрона, который, казалось, на мгновенье отвлекся от действительности, дабы позволить своему подчиненному беспрепятственно насладиться минутами радости. Он молча просматривал принесенные Андре газеты.

— Без шумихи невозможно было обойтись. Но что сейчас скажут большевики? Не вызовет ли у них подозрения какой-либо твой шаг?

— Нисколько. Биография у меня безупречна. Напротив, центр уверен, что Дмитрий Мирский в очень надежных руках, и я единственный его помощник.

— А не заподозрит ли сам Мирский? Ты же знаешь, что он за фрукт.

— Конечно, нет. Он называл меня добрым ангелом, «божьим посланником». Иногда только жаловался, что я чересчур пекусь о нем. У него поврежден глаз от взрыва бомбы, я водил его к известным специалистам. Предупреждал не держать у себя взрывчатых веществ, предлагал перенести ко мне на квартиру, дескать, у меня надежнее, зная, что он все равно не согласится.

— Ты подготовил какую-нибудь версию о его аресте?

— Да. Один из его друзей социал-демократов потерял его адрес во время собрания. Полиция разузнала о доме, где они собирались, нагрянула туда, но с опозданием, и нашла записку с адресом. Версия наиболее приемлемая, кое-кому из партийных товарищей я сообщил об этом, но, конечно, как свою догадку. Я уведомил их о крайней неосмотрительности Камо. Они поверили в мою искреннюю заботу и внимание.

— Браво, Андре! Самое главное сделано. Теперь нам следует осторожненько выбраться из этой истории и уступить место судебно-следственным органам. Однако наша миссия еще не окончена. — И Гартинг стал расхаживать по комнате.

— Говорите, патрон.

— Мы должны дать понято полиции, что Мирский не политический преступник, а уголовник, анархист. Иначе немцы не выдадут его России. Это не менее важно, чем арест Мирского. Немцы могут освободить его, то есть выслать за пределы своей страны, и наши труды пойдут насмарку. Мы должны сделать так,

чтобы его в, кандалах прямо на границе немецкая полиция передала в руки нашей полиции. В этом вся суть. Я еду в Париж: дневным поездом. Жди моих распоряжений. Отныне без меня никаких самостоятельных действий.

— Слушаюсь, патрон.

— Теперь можешь идти.

— До свидания, патрон.

Полицай-президент Берлина поспешил уведомить департамент петербургской полиции: «9 ноября здесь арестован выдававший себя за страхового агента Дмитрий Мирский, родившийся в Баку в 1886 г., при нем паспорт № 193 Р. Р. 1302, выданный австро-венгерским консульством в Тифлисе 20 августа 1907 г. на имя Дмитрия Мирского, страхового агента, едущего в округ Рохатин, в Галиции. У Мирского нашли электрические запалы с зарядом взрывчатых веществ, спрятанные в чемодане с двойным дном. Прилагаю фотографическую и антропометрическую карточки. Мирский утверждал, что чемодан он получил в Вене от некоего Василия Петрова для передачи начальнику станции Козловская.

Петров, вероятно, живет в Женеве. Как кажется, выдающий себя за Мирского не тождествен с Мирским, означенным в паспорте. Убедительно прошу в возможно скором времени дать подробные сведения обо всем, что известно об этой, кажется, крайне опасной личности, а также о так называемом Петрове».

Вслед за письмом в Петербург для экспертизы были отправлены и конфискованные у Дмитрия Мирского вещи.

В Петербурге особенно оживился директор департамента полиции Трусевич. 15 ноября он писал берлинскому коллеге: «В ответ на письмо от 9-го ноября за № А. А. П. 1376 07 довожу до вашего сведения, что личность заключенного известна русским властям. Его фотография отправлена на Кавказ для уточнения подлинного имени. Подробности сообщим дополнительно».

В полицейском участке он держался очень спокойно.

Прошел уже один день, наступило 10 ноября 1907 года. Он не знал, что где-то рядом делились друг с другом радостью доносчик и его патрон.

Камо сидел перед комиссаром по уголовным делам Хютцлитцем и, видимо, готовился отвечать на вопросы. Хютцлитц знал преступный мир как свои пять пальцев. Но, видимо, впервые сталкивался с таким человеком, как Мирский. Камо был хладнокровен и безразличен. Казалось, его не арестовали, а пригласили в качестве свидетеля на допрос преступника, который волновал его столько же, сколько здоровье русского царя волнует

берлинского сторожа.

— Господин Дмитрий Мирский, могли бы вы ответить на несколько вопросов? — Комиссар прервал чтение.

— Это так необходимо? — спросил через переводчика Камо.

— Да, — сказал переводчик, служащий криминальной полиции Хаберман.

— Тогда пожалуйста. Но что вас интересует? Вы же просмотрели мои вещи, документы.

— Нам мало что известно. Вы должны сказать, каким образом оказались в Берлине и зачем? Нам надо знать, откуда, зачем и как вы прибыли в Берлин?

— Скажу, если это доставит вам удовольствие.

— О, да! Слушаю вас.

— Значит, так. 25 августа сего года я выехал из Тифлиса, где, получив свой паспорт, отправился в Баку, — Там я пробыл несколько дней и затем направился в Петербург. В Петербурге я две-три недели жил на квартире по Невскому проспекту.

— Где именно, по какому адресу?

— Не помню, где и у кого. Затем выехал в Финляндию полюбоваться водопадом Иматра, под Выборгом. Прекрасный водопад, советую при удобном случае непременно побывать там. Успокаивает нервы.

— Спасибо за совет. А теперь расскажите, как вы добрались до Берлина. Видите, вопросы у меня простые и ясные.

— Вижу, — Камо попытался улыбнуться. — Через Вирбулен и Эйдткунен. Здесь я поселился в пансионате Хейнике по Альбрехтштрассе, всего на шесть дней. Затем отправился в Дрезден, оттуда в Вену, где устроился на неделю в гостинице «Националь».

— А зачем вы поехали в Вену?

— Местные окулисты рекомендовали.

— Вы настаиваете, что приехали в Берлин лечиться?

— Да, иначе зачем же мне было приезжать?

— Этого мы пока не выяснили. В каких городах вы были?

«Вон куда ты метишь. Уж больно интересует тебя мой маршрут. Думаешь, я такой профан, чтоб назвать тебе Женеву, Париж, а может, Льеж, Софию, Цюрих? Нет, об этом ты не узнаешь. А может, ты еще спросишь, не встречался ли я в Женеве с лидером русских эсдеков Лениным или откуда в моем чемодане оружие? Может, достал в Льеже или Париже?»

— Я уже сказал, где я был.

— В других городах не были?

— Не помял.

— Я спрашиваю: не были ли вы в Женеве, Лондоне и Париже?

— Нет.

— Продолжайте.

— Из Вены я выехал в Белград на три дня, затем через Будапешт вернулся в Вену и, пробыв там три дня, вернулся в Берлин, приблизительно три недели назад.

— Где вы остановились?

— Я уже сказал, в пансионате по Альбрехтштрассе. Затем по совету доктора Якова Житомирского снимал квартиру по Эльзассерштрассе. В России меня послали к нему.

— К кому?

— Ну вы же знаете. Зачем принимать меня за дурака? Я же сказал, к берлинскому врачу Якову Житомирскому. Он повел меня к профессору Хиршфильду, его адрес Карлштрассе, четыре. Мне его рекомендовал Житомирский; профессор — знакомый Житомирского, — делая упор на имя Житомирского, добавил Камо.

Он неспроста хотел привлечь внимание комиссара к этой фамилии. Недобрые подозрения не давали покоя, не покидала мысль, что его предал Житомирский. В подследственной тюрьме он не переставая думал, почему его так быстро и неожиданно арестовали, но не мог докопаться до истины. Клубок сомнений вел к Житомирскому.

Память подсказывала отдельные убедительные факты. Не успели они еще поздороваться, разговориться, а Житомирский уже спрашивал: «Где бы ты хотел поселиться?» «Тебе-то что? — мелькнуло тогда в уме Камо, — мы будем встречаться на улице, а не у меня на квартире». «Неподходящее ты выбрал место, — по другому поводу заявил Житомирский, — я подыщу тебе более надежную квартиру». И нашел ту, где его и арестовали. Новый его адрес почти никто не знал и, чтобы разыскать его, должны были обратиться к Житомирскому. Далее. В день, когда он вернулся из Льежа и Парижа, Житомирский был чересчур любопытен: «Где ты достал оружие, за какую цену, сколько?» Нет, Камо тогда не понравились его расспросы. А притворства и наигранности в его чрезмерной заботливости было хоть отбавляй. «Попадись он только мне в руки, пусть даже в тюрьме, я его заставлю выложить правду». Но Житомирский в тюрьме, конечно, не появлялся. Он получил свои две тысячи марок и занялся новыми ловушками для друзей Камо. Лицом к лицу с Камо сидел не Житомирский, а Хютцлитц и задавал вопросы.

— Так к кому же?

— Я ни с кем больше не общался, — спокойно ответил Камо, — кроме упомянутого мной Житомирского. Однажды я посетил читальню на Артиллериерштрассе, адрес которой мне

также дали в России.

— Вы настаиваете, что являетесь Дмитрием Мирским и владельцем этого паспорта?

— Да.

— В таком случае скажите, пожалуйста, отчего вы совсем другой на фотографии?

— Эту несхожесть следует объяснить моим кавказским происхождением, видимо, я рано состарился, — отшутился Камо.

— Известно ли вам, что вы обвиняетесь в нарушении законов германской империи?

— Я категорически протестую против подобного рода обвинений.

— А как же чемодан?

— Я уже заявил, что он не мой. Я получил его от Василия Петрова, который остановился в Вене, где мы с ним впервые познакомились. Он заметил, что я еду без чемодана, предложил мне свой и сказал, чтобы я передал его начальнику станции Козловская. Я упаковал свои вещи, не обратив внимания на содержимое чемодана.

— А где этот Петров?

— Откуда я знаю? Он приехал из Женевы. Видимо, снова вернулся туда.

— Вы должны заверить подписью свои показания.

— Пожалуйста.

Камо придвинул к себе протокол, составленный Хаберманом, и подписался: «Я говорил только правду, в чем и подписываюсь. Дмитрий Мирский». После подписи «Дмитрий Мирский» было добавлено: «Сей допрос перевел и зачитал Мирскому служащий криминальной полиции Хаберман. Подпись: Хаберман, переводчик. Допрос завершил. Подпись: Хютцлитц, комиссар по уголовным делам».

— На сегодня хватит. — Комиссар позвонил в колокольчик.

Вошли полицейские, вид у них — будто позируют фотографу.

…11 ноября полицай-президент срочно издал приказ: «Предварительное заключение так называемого Дмитрия Мирского оправдано, поскольку совершено преступление и промедление чревато опасностью. Есть веские доводы и подозрения, что он намеревается бежать. Вышеназванное лицо, согласно статьям № 1 из № 7 от 9. 06. 1884 года уголовного уложения, передается в Берлинский окружной суд при Королевской прокуратуре».

Обвинение на сей раз предъявлено серьезное.

Хоть бы в Женеве не знали об аресте.

И тем не менее хорошо, что там узнали об этом вовремя.

— Нет, не верю. Тут не может быть случайного ареста. Это, безусловно, донос. Провокация. Случайный арест исключается. Необходимо мобилизовать товарищей. Никитича[7] в первую очередь и Лядова. Нужно немедленно оставить все неотложные дела: выехать в Берлин и вызволить Камо из когтей немецкой полиции. Любое промедление будет смерти подобно. Может, еще и Ладыжникова вызвать?

Ленин быстро расхаживал по комнате и говорил, то облокачиваясь локтем о спинку железной кровати, то переставляя стулья, то перебирая бумаги на столе.

— Нет, это предательство. Как ты думаешь?

Крупская молчала.

— Да, нужно вызвать из России Никитича и Лядова, может, и Ладыжникова. Они очень пригодятся, они смогут найти пути освобождения Камо.

— Что конкретно можно сделать? — заговорила Крупская.

— Прежде всего нужно подыскать стойкого и надежного человека и определить его защитником Камо. Разумеется, он должен быть немцем, но своим человеком. Это очень важно. Нужно, чтобы Камо ему поверил.

…Никитич не заставил себя долго ждать: Камо арестован, Ленин нуждается в его помощи. Он немедля выехал в Женеву.

— При создавшемся положении нам едва ли приходится надеяться, что Камо выкрутится благодаря своей находчивости, — Ленин сразу же заговорил о деле. — Леонид Борисович, по дошедшим до меня сведениям, Камо находится в подследственной тюрьме Берлина. Это не царская тюрьма, откуда он сможет бежать.

— Я всю дорогу думал, — сказал Красин. — Единственное спасение — его сила воли.

— Говори яснее, — не понял Ленин. — Неужели он болен? Ты, пожалуй, знаешь его лучше всех нас. И вдруг какие-то сомнения. О какой силе воли речь?

— Да, Владимир Ильич. Царская и немецкая полиции попытаются доказать, что Камо террорист-анархист, то есть ему уготована виселица. Это значит, что его в кандалах выдадут России.

— Выходит, нам нужно приложить все усилия, чтобы его судили как политического заключенного.

— Если у нас нет другого выхода, то это наименьшее из зол. Но в таком случае в чемодане у него должны были найти только листовки.

— Да. Ну, а что подсказывает твоя интуиция?

— Симуляция. Нужно притвориться душевнобольным. Мое предложение чудовищно, но это единственное спасение. И прежде всего надо узнать: выдержит ли Камо?

— Я готов был услышать о нападении на тюрьму целой армии, но только не об этом, — прервал его Ленин.

— Я верю в Камо, — с трудом произнес Красин, — Пытка будет страшная, но я верю.

— Немыслимо.

— Знаю. Надо попытаться, — продолжал Красин. — У Камо великолепное, завидное здоровье и большой запас физической силы. Ведь он ни разу в жизни не курил и не злоупотреблял спиртным. Во время наших встреч он обычно произносил тост со стаканом молока.

— Как вы смотрите на кандидатуру Оскара Кона в качестве адвоката Камо?

— Вполне одобряю. Вряд ли можно подыскать более подходящую кандидатуру.

— Этим вопросом занимается Мартын Николаевич[8]. Он выехал в Берлин и наверняка встретился и передал мои приветы Карлу Либкнехту. Ты тоже должен поехать в Берлин и во что бы то ни стало повидать Камо.

— Постараюсь.

В Берлине при содействии Мартына Лядова и по поручению и просьбе лидера немецких коммунистов Карла Либкнехта Оскар Кон согласился взять на себя защиту Камо. Он сумел убедить Камо непременно последовать совету Красина, иного выхода не было.

Присяжный поверенный, переводчик Клевминский, сидя между ними, диву давался, как они так быстро поняли друг друга при первом же свидании.

Немецкие коллеги в Берлине пока не выяснили личность заключенного, умудрившегося приобрести «адскую машину», одну из прежних военных тайн французской армии. Достаточно было и этого факта, чтобы обвинить его как анархиста-террориста. По всей строгости немецких законов.

Между Берлином и Петербургом завязалась оживленная переписка.

Необходимо было выяснить, кто он, Дмитрий Мирский.

25-го ноября в Тифлисе управляющий австро-венгерского консульства фон Фильтхейм облегченно вздохнул, получив из Берлина фотокарточку Камо. Он немедленно телеграфировал в Берлин: «Арестованный в Берлине индивидуум, фотокарточка которого препровождается обратно, не является австрийским подданным Дмитрием Мирским, а, по всей вероятности, это —

занимающийся революционными происками армянин, русский подданный».

Подлинный Дмитрий Мирский проживал в Тифлисе и был взят под арест сразу же после берлинской шумихи.

Чиновник особых поручений V класса при департаменте полиции Савицкий и товарищ прокурора судебной палаты Петербурга Корсак не пожалели сил, чтобы найти связующие звенья между обоими Мирскими, но, тщетно.

— Дмитрий Иванов Мирский? Австрийский подданный, двадцати лет, бывший студент бухгалтерских курсов, ныне канцелярский служащий?

— Да, а вы уже успели по косточкам разобрать мок биографию, — с иронией прозвучали слова Мирского в Метехской тюрьме предварительного следствия. — Это я и есть.

— Скажите, пожалуйста, каким образом ваш паспорт № 193–1302 очутился в Берлине у заключенного лже-Дмитрия Мирского?

— Спросите об этом у того, в кармане которого обнаружен паспорт. Я совершенно не в курсе.

— У вас второй паспорт?

— Да.

— Выданный вам двадцатого августа сего года?

— Да. В этот день я явился в австро-венгерское консульство в Тифлисе и попросил выдать мне новый паспорт, поскольку прежний под номером 262 исчез из дома. А новый паспорт был нужен, потому что я срочно должен был выехать в Галицию по делам страхового общества. В консульстве я показал напечатанное в газете «Кавказ» объявление об утере паспорта и получил новый. Вы удовлетворены?

— Благодарю вас.

— В таком случае я прошу ускорить мое освобождение.

— Значит, вам не известно, как пропал паспорт?

— Если б не поймали этого берлинского «австрийского подданного», я, наверное, до сих пор не знал бы, где мой паспорт.

— Вы говорите правду?

— А зачем мне лгать? Могли бы вы доказать, что я сам отдал ему паспорт? Нет. В чем же дело?

— Постойте, господин Мирский. Вы не знакомы с жителем города Гори Сименом Аршаковичем Тер-Петросяном? В уголовном мире и в кругу социал-демократов он известен под кличкой «Камо», «Камо-сомехи»[9]. Он видный деятель русской социал-демократической рабочей партии и бандит-террорист.

— Хотите сказать, что у него-то вы и нашли мой паспорт?

— Да.

— Может, вы еще и видите какую-то связь между мной и так

называемыми социал-демократами?

— Возможно.

— Я к ним не имею никакого отношения, все равно вы ни до чего не докопаетесь. Дальнейший разговор с вами считаю бессмысленным.

Несколько дней спустя Мирского опять допрашивали. Почти то же самое он говорил ротмистру Пиралову.

Расследования Пиралова, Корсака и Савицкого ни к чему не привели, и Мирского освободили из-под ареста.

Следователь по особо важным делам Иван Георгиевич Малиновский решил взяться с другого конца. В те дни, когда Корсак и Савицкий прибыли из Петербурга в Тифлис и ухватились за Дмитрия Мирского, следователь Малиновский в полумраке холодного коридора Петропавловской крепости направлялся к камере Афанасия Каютина-Каютенко.

Лежавший на железной кровати арестант не прореагировал на упавший в камеру свет и приход Малиновского. Казалось, он был мертв.

— Афанасий Каютин-Каютенко.

Затрещали пружины кровати.

— Афанасий Ковтуненко.

Арестант попытался подняться.

— Пошевеливайся, Никита Морошкин.

Арестант протер глаза, встал, потянулся.

— А, следователь Малиновский, здравствуйте, здравствуйте. Не на крыльях ли мечты перелетели из Тифлиса в Петербург? Но вы, как погляжу, не в арестантской одежде, а ведь крепость самое подходящее для вас место. И на память не жалуетесь, с нашими именами-фамилиями по России разъезжаете. Слушаю вас, выкладывайте.

— Слушай, штурман дальнего плавания, мне нужна твоя помощь.

Арестант прыснул и указал на свои ноги:

— Кандалы.

— Дайте сюда свет, — распорядился Малиновский, — и снимите с него кандалы.

Надзиратель посветил, но снимать кандалы не собирался.

Малиновский промолчал и сурово посмотрел на него. Надзиратель повиновался.

— Благодарю. Послушайте, следователь Малиновский, только не надо меня ублажать. О какой помощи может идти речь после приговора?

— Могу похлопотать о сокращении вашего срока.

— Может быть, вы снова интересуетесь, как это вы говорили?

Ах, да, вспомнил, делом Камо? Не поэтому ли прилетели с юга к нам на север?

— Да, по делу Камо. Он арестован, — И пристально взглянул в глаза Ковтуненко.

— Ан нет, не поймал, — засмеялся Ковтуненко. — Я ведь уж так наловчился, что будь здоров.

— Он арестован в Берлине.

— Сочувствую, награды вам не дадут. Немцы сами будут его судить, им и достанутся императорские ордена и медали. Следователь Малиновский, как всегда, окажется на бобах, хотя и собирается стать биографом этого самого Камо.

«Биографом Камо… Шутя, но хорошо сказано», — подумал Малиновский.

Много запутанных дел, связанных с именем Камо, прошли через руки Малиновского. Сейчас он собирался составить рапорт в департамент полиции. Он выяснил, что в Берлине арестован не Мирский, а кавказский армянин, известный полиции под кличкой Камо. Уже девять лет он слывет «находчивым организатором всяких технических предприятий», создателем лаборатории для бомб. Он активный участник многих экспроприаций. Кстати, в 1905 году он сыграл важную роль в похищении 200 тысяч рублей из Квирилианского казначейства. На эту сумму вместе с эмигрантом Меером Валлахом, который сбежал из Киевской тюрьмы, он купил оружие за границей, чтобы на пароходе «Зора» переправить из Варны в Россию. Пароход, капитаном которого был Афанасий Каютин-Каютенко, он же — Афанасий Ковтуненко и Никита Морошкин, потерпел крушение 12 декабря 1906 года. Экипаж спасся и скрылся, но в мае следующего года Афанасия арестовали в Одессе с недействительным паспортом на имя Никиты Морошкина. Другим крупным преступлением Камо было вооруженное ограбление транспорта казенных денег на Эриванской площади.

Малиновский обо всем этом знал. Но в Петербурге требовали больше фактов и доказательств. Неспроста же Малиновский бросил уйму дел в Тифлисе, преодолел тысячи километров и в зимнюю стужу добрался до Петербурга.

— Тебя не заботит сокращение срока, Афанасий, но себя не жалеешь, родных бы пощадил.

— Ну, ладно, что я должен сделать?

— Заявить, что капитаном парохода «Зора», настоящим его капитаном, был Камо, а не ты. Ты формально числился капитаном. Нужно, чтоб ты подтвердил это письменно, за своей подписью.

— Может, и бумага уже готова, остается только подмахнуть?

Может, еще внести свои дополнения, уточнения?

Малиновский, не торопясь, достал из портфеля папку, раскрыл ее.

— Поднеси лампу поближе.

Ковтуненко прочитал.

— Нет, следователь Малиновский, это подло. Не хочу я сокращать срок. Хоть убей, а записанные тобой вопросы мне не нравятся.

Петербургская миссия провалилась. Малиновский, однако, не сдавался, бывал всюду, где светилась хоть малейшая надежда встретиться с людьми, знавшими Камо.

С Малиновским действовал отряд сыщиков — целая свора.

Начальник особого отдела петербургского департамента полиции Васильев размножил фотографию Камо и с сопроводительным письмом разослал в Тифлис, Кутаиси, Баку и Гори.

Вести из Гори ничего не дали. Сведения соседей отца Камо, Аршака Нерсесовича Тер-Петросова, были расплывчаты.

— Да, очень похож, — сказала одна старушка, — но точно не могу сказать, он это или не он. Я видела его лет восемь-девять назад. Тогда он был еще ребенок.

— А отец его узнает?

— Наверное, отец как никак.

Ответ Аршака Тер-Петросова выглядел довольно странно:

— Карточка имеет поразительное сходство с моим сыном, но сомневаюсь, он ли это, потому что он давно сбежал из дома, почти ребенком, и тогда у него не было ни усов, ни бороды.

Тифлис тоже ничем не порадовал.

Не откликнулись и из Батума.

Зато щедро раскрыл свои карты Кутаиси.

Начальник Кутаисской тюрьмы ликовал. Заключенный Арсений Карсидзе, он же Палавандишвпли, признал Камо:

— Это он, Камо-сомехи.

И в Петербург полетела телеграмма: «Директору департамента полиции. Секретно. Срочно. По предъявлении фотографической карточки Дмитрия Мирского содержащемуся в Кутаисской губернской тюрьме дворянину Арсену Давидовичу Карсидзе, последний признал в нем известного ему под кличкой „Камо“ главного организатора разбойного нападения на транспорт казенных денег, имевшего место в 1907 году, в городе Тифлисе на Эриванской площади. По словам Карсидзе, Камо родился в городе Гори и настоящая его фамилия Тер-Петросянц».

— Вы говорите правду, господин Карсидзе?

— Да, я могу дать письменное показание. Он и его люди

взорвали бомбу и похитили деньги. Вот тифлисский адрес, где они ежедневно собираются: Вторая Гончарная улица в Восьмом участке. Здесь проживает Варвара Бочоришвили, старушка, гостеприимная хозяйка. Сюда привез Камо 250 тысяч рублей 13 июня. Тут собираются представители социалистической партии. Под квартирой подвал, а в подвале иногда хранится оружие. Во время обыска нужно обратить внимание на стену, завешена ли она ковром. Под ковром стена вырезана и незаметно замазана, там хранятся револьверы и бомбы. Нужно обратить внимание и на кушетки, перевернуть их вверх дном, сорвать обойку и пощупать сено. Там тоже бывает спрятано оружие.

— Еще что-нибудь?

— Одно дополнение: он организовал убийство Алиханова-Аварского в Александрополе.

— Довольно интересные сведения, господин Карсидзе. Подпишите протокол.

— Пожалуйста.

Находящийся в Берлине Дмитрий Мирский не кто иной как Камо, Симон Тер-Петросян. Начальник Тифлисского губернского жандармского управления полковник Еремин уведомляет о своих успехах следователя Малиновского: «Сообщаю Вашему высокоблагородию, что по полученным сведениям главный руководитель вооруженного нападения на денежный транспорт 13 июня 1907 года на Эриванской площади Камо является жителем г. Гори Семеном Аршаковичем Тер-Петросянцем. Названный Семен Тер-Петросянц имеет отца Аршака Тер-Петросянца, жителя г. Гори, где последний ранее занимался доставкой мяса в одну из воинских частей; жена его умерла лет восемь тому назад, оставив пятерых детей, кроме Семена еще четырех дочерей, которых после ее смерти взяла воспитывать сестра последней Елизавета Бахчиева, жительствующая в г. Тифлисе в д. № 3 по Дворянской улице.

Старшая сестра Семена Джаваир Тер-Петросянц, 18 лет, служит кассиршей на Тифлисском фуникулере, а последние учатся в 3-й тифлисской женской гимназии».

Дело день ото дня разбухало. Шла оживленная переписка между Петербургом и Берлином.

«Ленин и большевики поднимут на ноги всю европейскую и мировую демократическую печать и прогрессивную общественность. Лишь бы ты выдержал, не дрогнул. Лишь бы сумел симулировать сумасшествие. По законам Германии душевнобольных лечат, а не судят. Не наказывают, пока не

выздоровеют. Мы вызволим тебя из их когтей».

Так говорили Красин и Оскар Кон.

Камо запомнились озабоченный взгляд и добрые слова Красина: «Меньшевики оттачивают свои клыки, чтобы вонзить их в твое тело. Ты бы видел, как ликуют Мартынов, Мартов. Они и сейчас готовы расцеловать немецкую полицию, если она выдаст тебя России. Они наносят нам удар в спину. Ильич передает тебе приветы и добрые пожелания. Он верит в тебя».

Кон принес Камо записку от Карла Либкнехта: «Крепись, друг. Мы с тобой».

Красин, Кон, Либкнехт.

Владимир Ильич.

Ленин заботится о его спасении — это действовало на Камо как эликсир жизни. Ну что ж, господа немцы, давайте начнем игру, по предупреждаю: я на попятную не пойду. Сматывать удочки будете вы.

У него начались первые приступы сумасшествия. Он буйствовал, рвал на себе одежду, бил посуду, кидался на надзирателей, не оставался в долгу, когда его били, хотя потом ему устраивали безбожные побои. Берлинская полиция отказывалась признать его умалишенным.

«Вчера в камере подследственной тюрьмы у русского террориста Дмитрия Мирского был приступ сумасшествия», — уведомляла своих читателей берлинская «Локал анцейгер» 14 февраля 1908 года. Через день «русского террориста» вели в Берлинский суд.

Сколько любопытных взглядов! Цепочка полицейских разделила зал суда на две половины: слушателей и судей.

Камо сдержан, спокоен, безучастен, на лице выражение глубокой тоски, боли и горя. Когда ему указали на скамью подсудимых, он неистово ринулся туда, бросив на Оскара Кона, своего адвоката-опекуна взгляд, полный ужаса.

Потом уже, много времени спустя, Оскар Кон расскажет своим близким и русским товарищам: «Я был поражен, я не мог сосредоточиться, не мог поверить, что он не сумасшедший, что он всего лишь играет. Он артист, великолепный артист!»

За длинный стол, покрытый черным сукном, сели оракулы немецкого правосудия: председатель — советник окружного суда Масман, представитель прокуратуры — Фиген. Вместе с Оскаром Коном Камо защищал и адвокат Клебанский. В качестве медицинских экспертов выступили медицинский советник Гофман, доктор Мюзам, химик, доктор Герман Каст, переводчица Ольга Харшкампф. Не поленился и пожаловал сюда следственный эксперт, начальник политической полиции Хенингер. Были

приглашены свидетели, в их числе и комиссар по уголовным делам фон Арним, по приказу которого был арестован Камо.

«Настоящее созвездие», — разглядывая их, с иронией подумал Камо, уловив подбадривающий взгляд Оскара Кона.

— Вы утверждаете, что являетесь Дмитрием Мирским?

Камо посмотрел на спрашивающего, поднялся, снова сел и, пошевелив губами, тихо произнес:

— Да.

— Расскажите о себе. Кто вы?

— Не знаю.

— Где вы сейчас находитесь?

— Мне двадцать шесть — двадцать семь лет. Родился в России. Жил в Тифлисе.

— Что вы можете сказать о взрывчатых веществах, обнаруженных у вас в чемодане?

— Полиция, воры. Ах, как вы меня мучаете! Я очень устал…

— Есть ли в Москве река?

— Да.

— Как она называется?

— Не знаю.

— Когда вы были в Петербурге?

— Не знаю.

— Что вам там нравится?

— Памятник Петру Великому, Невский, проспект.

— Вы социал-демократ?

— Да, русский социал-демократ.

— Какая разница между русским социал-демократом и немецким?

Камо пожал плечами.

— Садитесь. Доктор Гофман, у вас есть вопросы?

— Разрешите? — сказал доктор.

— Прошу.

Гофман обратился к Камо.

— Где вы жили?

— В Тифлисе.

— Не страдали ли психическими заболеваниями ваш отец или мать?

— Спросите у них.

— Мы о нем пока мало знаем, — обратился к председателю суда Гофман. — Сомневаюсь, что он в состоянии участвовать на заседании суда. По-немецки совсем не понимает, на русском, как говорит фрау Харшкампф, изъясняется плохо.

— Разве в подследственной тюрьме вы не наблюдали за его поведением? — недовольно спросил председатель.

— Наблюдал. Ничего странного в нем не замечалось. Шестого февраля он беседовал со своим адвокатом, а седьмого у него начался приступ сумасшествия. Возможно, что разговор между ними подействовал на его психику. Вероятно, адвокат сообщил ему, что он совершил тяжкое преступление и его ждет длительное тюремное заключение?

— Я протестую, — не вытерпел Оскар Кон. — Ничего подобного я не говорил, хотя тоже заметил в нем психические отклонения.

— Сядьте, господин Кон, — сдержанно сказал председатель и повернулся к Гофману. — Дальше, господин советник.

Дальше. Камо прекрасно помнил, что произошло дальше. Он стал буйствовать, его увели в камеру буйно помешанных. Он снова с умалишенными, они кусали друг друга на глазах у безучастных надзирателей. Взялся за гуж, не говори, что не дюж. Играй до конца. Не забывай, что за тобой отовсюду следят. Будь крайне осторожен, обдумывай и взвешивай каждый свой шаг.

— Когда на следующий день я навестил его, — продолжал доктор Гофман, — он был почти гол, сидел в кальсонах и рубашке, неухоженный, отрешенный. На мои вопросы не отвечал, дрожал весь, боялся меня. А во время моего второго посещения он не переставая вопил: «Кара, кара, кара!» Видимо, мы действительно имеем дело с душевнобольным. Хочу обратить ваше внимание на одно обстоятельство. Иногда он совершенно здоров, и хочется прекратить опыты. Но он тут же огорошивает нас своими фокусами. Если арестант отказывается от еды, мы три дня не придаем этому значения. За три дня от голода не умирают. Лишь на четвертый день мы приступаем к искусственному питанию, — доктор взглянул на Камо.

На четвертый день ему принесли молоко. Четвертый день он крошки в рот не брал, стенки желудка напряглись, как струна. Что за ужасная штука — голод! Камо опять хотел отказаться от еды, но увидел зонд. Будут кормить через зонд, насильно разжимать зубы, если вздумает сопротивляться. И он крикнул: «Выпью, выпью!»

— Налицо столько противоречивых фактов, что я не могу придти к определенному заключению, — сказал Гофман. — Однако я сомневаюсь, что он в состоянии участвовать в судебном разбирательстве.

Доктор сел.

Судья Фиген попросил слово.

— Предлагаю отложить заседание и вновь подвергнуть его психическое состояние медицинскому осмотру. Доктор Гофман уважит нашу просьбу и со своими коллегами продолжит

наблюдения, пока не установит окончательный диагноз.

Суд решил отложить дело на неопределенный срок, до окончательных выводов доктора Леппмана.

Камо торжествовал.

Кон тоже.

Это значит, что его переведут в психиатрическую лечебницу в Герцберге. Герцберг — надежда на победу.

И на побег.

В камере Моабитской тюрьмы невозможно проводить медицинские исследования. Необходимо перебраться в психиатрическую лечебницу.

Берлинского полицай-президента фон Ягова нелегко было уломать.

— Я в эти штучки не верю. Хотел бы я поглядеть, что это за душевнобольной, у которого в чемодане взрывчатые вещества.

Он встал из-за стола, продолжая сверлить взглядом, адвоката Оскара Кона, явившегося к нему на прием.

— Господин адвокат, объясните, пожалуйста, только честно, почему вы так заинтересованы в судьбе совершенно чужого вам человека?

— Господин полицай-президент, с таким успехом тот же вопрос я могу задать и вам. Однако я более вас должен быть заинтересован, и это вполне понятно. Мы никогда не изменим нашим принципам, в какой бы стране ни были. Но есть одна тонкость, которую вы не хотите признать: это честь Германии, которую мы роняем, затеяв настоящий процесс.

Фон Ягов не ответил.

— Прошу вас, подумайте. Подорванный авторитет факт нежелательный.

— Значит, просите?

— Да, очень прошу, взываю к голосу вашего разума. У обвиняемого психические отклонения, и его надо переместить в больницу и лечить, а не таскать по судам.

— Ладно, подумаю.

Фон Ягов поспешил в тюрьму, движимый, однако, не голосом разума. Дело Мирского разнуздало социал-демократов. Надо заткнуть им глотки.

«Альт-Моабит криминал ерихт»— «Моабитская уголовная тюрьма».

Уголовная, а не политическая.

— Господин Мирский, знаете ли вы, где находитесь? — Шеф полиции закинул ногу на ногу, — Садитесь. Я полицай-президент Берлина фон Ягов. Вы арестованы по моему распоряжению. Где вы находитесь?

— В Берлине, — ответил Камо.

— Конкретно?

— В тюрьме.

— В какой?

— Не знаю.

— Уголовной. Мы судим вас как уголовника и не исключено, что передадим вас России. Как видите, я с вами откровенен.

Удар был сильный и умышленный, в спину.

Камо не дрогнул.

— Вы мне не ответили, — наседал фон Ягов.

— Задавайте вопросы, если хотите.

— Кто вы по национальности?

— Армянин, социал-демократ.

— Чем занимается ваша организация?

— Тем же, чем и другие социал-демократические организации.

— Пропагандирует террор?

— Нет.

— А что вы скажете о взрывчатых веществах, найденных в вашем чемодане? В чемодане с двойным дном, — подчеркнул полицай-президент.

— Спросите об этом у хозяина чемодана.

— Вы дашнак?

— Нет.

— Гичаковец?

— Нет, я армянский социал-демократ.

Камо навострился: фон Ягов недаром возглавляет берлинскую полицию, он компетентный в своем деле человек, надо отвечать крайне точно и обдуманно. Камо, конечно, и в голову не могло придти, что в связи с делом Мирского фон Ягов затребовал и получил из Москвы уставы упомянутых партий. Нужна крайняя осторожность и точные ответы во время игры.

— Господин полицай-президент, мне кажется, вы глупо поворачиваете ход дела.

— Вполне возможно, — фон Ягов и глазом не моргнул, проглотил оскорбление, — перед вашим ответом я в долгу не останусь. Скажите, вы армянский социал-демократ?

— Да, я армянский социал-демократ, я русский социал-демократ.

— Признает ли ваша партия террор и экспроприацию?

— Об этом я не имею понятия.

— Вы не участвовали в экспроприациях?

— Нет, это все наговоры моих врагов. У меня много врагов — и здесь, и в других местах.

— А мне передали, что вы прикидываетесь душевнобольным, чтобы сбежать, господин Мирский. Это ваша настоящая фамилия?

— Да.

— Так. Доверимся вам, вашему адвокату, врачам, переведем вас в Герцберг, а вы оттуда сбежите.

— Я не болен. Только не могу собраться с мыслями. Вот тут очень болит. — И показал на голову.

— Переведем в больницу. Я обещал вашему адвокату. Вас будут лечить под строжайшим надзором, а потом уже судить согласно законам Германии.

— Вам не пришлось днем с огнем искать ваших русских собратьев, вы их быстро нашли. Хотите совместными усилиями уничтожить меня, потому что я приехал в Берлин на лечение глаза. Братская солидарность. Я авансом поздравляю вас с орденами и медалями, которых вы удостоитесь в будущем со стороны российского правительства. Я не отвечу больше ни на один ваш; вопрос.

— Надеюсь, что вы поправитесь, господин социал-демократ, — уходя, пренебрежительно обронил полицай-президент.

Когда дверь за ним захлопнулась, Камо принялся разбирать свой разговор с фон Яговом. «Осторожный, завел он разговор. Господин полицай-президент не от хорошей жизни говорил так покладисто.

Друзья мои, наверное, выступили в газетах. Вот он и насторожился. Но кто ему помешает передать меня России? Никто. Уголовная тюрьма. Меня хотят судить как террориста. То есть меня не сошлют как политического заключенного за пределы страны, а в кандалах выдадут своим братьям-палачам. Что толку мне из кожи лезть вон и кричать: я социал-демократ, я марксист, так и знайте! А они не хотят знать. Чемодан, ох уж этот чемодан, Житомирский, ах, Житомирский, это ты, ты! Попадись только мне в руки, душу из тебя вытрясу! Как теперь быть? Продолжать играть — в этом спасение!»

О решении суда фон Ягов узнал до его официального оглашения: комиссар по уголовным делам фон Арним после судебного заседания тотчас же отправился в полицию.

— С какой скоростью ты мчался? — глядя на его вспотевший лоб, спросил шеф полиции.

— С молниеносной. Мирского переводят в Герцберг..

— Надзор над больницей надо установить и снаружи. Удвоить число наших людей. Можно обрядить их в белые халаты. Согласуй с главврачом. Предъявишь письменное распоряжение.

Отвечаешь за него головой. Выбирай любые средства. Не хватало, чтоб еще из больницы у нас на глазах бежал душевнобольной.

Герцберг был победой для Камо и Кона. Прелюдией победы.

Проходили мучительные, дни, победа давалась с трудом. Окончен первый раунд, Камо, кажется, выиграл: поверили, что у него психическое расстройство, и хотят дать окончательный диагноз.

Но Камо ошибался. Самое страшное еще впереди.

Он вступил в Герцбергскую лечебницу четвертого июня 1908 года. Оскар Кон назначен одновременно и опекуном Камо. Ему разрешалось дважды в неделю навещать своего подопечного.

Новичка поместили в палату № 8.

Камо подводил в уме итоги того, чего он добился со дня своего ареста — с девятого ноября по сей день… Добился ли?

Да.

Добился того, что временно освобожден из-под ареста, хотя и не расстался с кандалами. Немалая заслуга принадлежит врачам Гофману и Леппману: «Обвиняемый, несомненно, душевнобольной, ибо характерные черты его поведения не могут быть симулированы в течение продолжительного времени. Так держит себя лишь настоящий больной, находящийся в состоянии умопомрачения».

Свой диагноз они должны были закрепить новыми опытами. Здесь, в Герцберге. Затем в Бухе. В присутствии палачей из полиции, по их повелению и под их давлением.

Камо выстоял, не подкачал.

Попробуйте в течение четырех месяцев не смыкать глаз, четыре месяца не ложиться спать. Шагать от стены к стене — три метра туда и три обратно. Четыре месяца.

В Моабите и в подследственной тюрьме Камо жилось несладко. Недавнее прошлое страшно было вспоминать, а впереди его ждало испытание более страшное. Он кричал изо всей мочи, чтобы приглушить сон. «Я не ложусь спать, чтобы умереть и освободиться от полицейских». Он бил ногами о пол и подпрыгивал на месте, чтобы не свалиться от свинцовой усталости.

Чтобы передохнуть, он становился в угол, лицом к стене, прижимался к ней и поочередно поднимал то одну, то другую ногу. Он знал, что у железной двери есть «глазок» и за ним следит бдительное око врага.

Несколько раз отказывался от принятия пищи, за что ему пришлось дорого поплатиться: его накормили насильно и поломали два зуба. Нет, Камо в долгу не остался, дал надзирателю под дых, и тот едва не отправился к праотцам. Камо

избили и спустили в сырой подвал. Почти голого, в тонких башмаках, кальсонах и рубашке. Температура здесь была ниже нуля. «Будешь умирать, вспомнишь, каково бить надзирателя по животу».

«Холодный цементный пол. Чтобы не замерзнуть, не окочуриться, я семь дней прыгал по подвалу и как полоумный плясал лезгинку. Мой семидневный танец походил на своеобразный рекорд. Когда через семь дней пришли за моим трупом, я был жив. Жуткая улыбка на моем лице ужаснула их. Тьфу, сказал я, вот так я выстоял, и мне было наплевать на вас. Они что-то пробормотали по-немецки и снова перевели меня в восьмую палату. Здесь по сравнению с подвалом был рай. Из решетчатого окна падал свет, железная жесткая кровать, сырая подушка и одеяло из солдатского сукна. И пол деревянный. И кандалы на руках и ногах — пустяки. Здесь райский уголок. Здесь можно жить».

Однажды надзиратель в ужасе побежал за врачом. «Доктор! Доктор! Скорее, Мирский совсем обезумел». — «А разве до сих пор он был полоумным? — спокойно спросил врач. — Пошли посмотрим, что он еще выдумал».

Доктор заглянул в узкое окошко на двери палаты. Камо вырвал у себя пучок волос и узорами разложил на одеяле. «Откройте дверь!» — крикнул доктор и вбежал к нему. Камо сделал вид, будто не заметил их и продолжал сдирать усы.

— Ужасно! — воскликнул доктор. — Господин Мирский, что вы делаете? Какой ужас! — И подошел к нему.

Камо не ответил и протянул выдернутые волосы доктору.

— Отправьте моим товарищам. На память.

— Ужасно! — воскликнул доктор.

— Ужасно, — повторил Камо, с идиотским выражением уставившись на врача, и, испуганно подскочив на кровати, забился в угол. Затем стал подпрыгивать на месте и петь. — Я Наполеон, доктор, я выпил десять миллионов литров водки.

Обернувшись к служителю Фогту, заявил:

— А ты Соломон Петровский.

— Ты прав, успокойся, — кивнул головой дежурный; врач, — тебе что-нибудь нужно?

Доктор весь превратился в слух.

— Хочу женщину.

— А плов не хочешь? Вкусное восточное блюдо.

— Хочу.

— На подносе?

— Да.

— Ничего не скажешь, волчий аппетит, — выходя от него,

отметил доктор.

Едва он дошел до дежурки, как снова раздались вопли надзирателя.

— Скорее, доктор!

— Какая еще муха его укусила?

— Он расцарапал себе лицо, размазал кровь и хохочет.

— Мертвым быть — не жить! — орал Камо, не обращая внимания на врача.

На минуту он смолк.

— Продолжайте, продолжайте, — спокойно сказал врач. — Кто вы в конце концов, черт побери?

— Я родился в Баку. — Камо, испытующе глядя на доктора, подошел к нему. — Знаешь Баку? По улицам течет нефть, как вода. Отец мой краковец, мать русская. Она умерла. Недавно ночью ко мне приходил отец. Он обнял меня и сказал: «Дмитрий, сынок».

— А отец не спросил, каким образом ты спрятал в чемодане взрывчатые вещества?

Камо засмеялся.

— Не верьте, доктор, это вымысел полицейских. Они избили меня и сделали душевнобольным, потому что я распевал песенки и ухаживал за женщинами.

— Что тебе хочется?

— В Россию хочу, хоть в Сибирь.

— Скоро там будешь, не спеши. А теперь можешь полежать спокойно?

— Могу.

— Честное слово?

Камо кивнул головой.

— Я ухожу.

Камо играл мастерски. Но где-то торопились и поторапливали других.

Страх и ненависть обуяли Петербург: непременно сбежит. В департаменте полиции обмакнули в чернила перо и застрочили письмо шефу берлинской полиции: «Многоуважаемый господин полицай-президент, вследствие Вашего письма от 20 мая с. г. за № 1520 позвольте попросить Вас уведомить меня о деле Дмитрия Мирского. Признал ли суд его здоровым? Позволю себе заметить, что вполне возможно, что Мирский разыгрывает душевнобольного, чтобы после перехода из тюрьмы в больницу сбежать. Я пришел к сему заключению, поскольку располагаю сведениями, что Мирский надеется совершить побег с помощью своих товарищей социал-демократов. Примите мое глубокое почтение. Исполняющий обязанности директора С. Виссарионов».

Письма следовали одно за другим. Петербург в подтверждение своих слов уведомляет фон Ягова, что Дмитрий Мирский — житель города Гори Симон Аршакович Тер-Петросян, известный в кругу революционеров под кличкой Камо-сомехи.

Фон Ягов не хотел портить настроение товарищам «по перу» и уверял их, что Камо не сбежит. Из Герцберга же он перевел Камо в Берлинскую психиатрическую лечебницу, в Бух, которая находилась под строгим надзором. И в письме выразил благодарность за проявленную предосторожность.

В Бухе Камо пробыл долго.

В больничных протоколах зарегистрировано, что душевнобольной Мирский-Аршаков с некоторыми перерывами лечился здесь с 29 июня 1908 года по 30 июля 1909 года.

Мучительный год, лютый год. Год, насыщенный молчанием о тех невероятных кошмарах, которые творились в мире и в Бухе.

…Камо приметил одного из душевнобольных, вокруг которого часто собирались «обитатели» лечебницы, и он рассказывал им смешные истории. Его так и называли: «доктор». Он и вправду был врачом. Его засадили сюда родные, якобы как душевнобольного. Иначе он не избежал бы Моабита. Толковый врач, он был морфинистом, в угоду своей страсти промотавший свои и чужие деньги. Он рассказывал о разных психических заболеваниях, о симптомах и процессе их развития. Камо, ничем себя не выдавая, усваивал его уроки. Они могли ему пригодиться, и Камо воспользовался одним из них. Потеря чувствительности. Тут требовалась сверхъестественная выносливость. Советы «врача» были хорошо усвоены.

Камо уже числится «серьезным душевнобольным».

…Где он раздобыл гвоздику? Держа ее в правой руке, засунув левую руку в карман, он предстал перед врачом. Поискал в комнате вазу, не нашел и опустил цветок в пенал.

— Поливайте, доктор, не то высохнет.

— Благодарю. Присаживайтесь.

— Считайте, что я уже сел.

— Ваше имя?

— Мирский.

— Сколько вам лет?

— И много, и мало. Двадцать.

— Где вы родились?

— Не понимаю.

— Больны ли вы?

— Вот тут худо. — И показал на голову. — Горит.

— Ваше вероисповедание?

— Да, понимаю. Православный.

И начал петь по-немецки.

— В Моабите научились? — переждав, пока он кончит, спросил врач.

— На улице.

— Что такое Моабит?

Камо не ответил, проделал странные движения, напоминающие о виселице, решетке и кандалах.

— Почему вы отказываетесь от принятия пищи?

— Он умер.

— Кто умер?

— Его зовут не Мирский, а Аршаков. Он не знает, как его зовут. — И Камо встал.

— Пейте, это молоко.

Он не притронулся к стакану.

— Это яд, пейте.

Камо схватил стакан и залпом выпил.

— Садитесь, — в голосе врача прозвучали жалостливые нотки.

Камо сел.

— Можете сказать, как вы повредили глаз?

— В одной лавке, от взрыва спирта. Десятого мая 1907 года. Когда я рассказал об этом доктору Житомирскому, он убедил меня сказать лечащему меня профессору Хиршфильду совсем другое.

— Что именно?

— Будто я повредил глаз в мае 1907 года от взрыва бомбы.

— Почему? Что его заставило так поступить?

— Не знаю. Как выйду из тюрьмы, спрошу у него…

— Но ведь хирурги в глубине вашего глаза обнаружили медные осколки.

Камо промолчал.

— Господин Тер-Петросов, почему вы скрываете ваше имя? Настоящее имя?

— Чтобы не огорчать семью. Если они прочтут в газетах, что я арестован, будут очень переживать.

— И вы утверждаете, что вы Дмитрий Мирский?

— Я репортер одной из грузинских газет, я стал жертвой Петрова. Петров — социал-демократ.

— Почему вы приехали с этим паспортом?

— Мирский родом из Галиции, из села Рохатино. Я приехал по делам страхового общества.

Врач вспомнил утренний инцидент. Камо расхаживал по коридору, спокойный, уравновешенный. Неожиданно его стукнул

больной кататоник Фехнер. Камо убежал в палату, бросился плашмя на кровать и разрыдался. Плакал навзрыд, вскидывая плечи. Его долго не могли успокоить.

Врач сжалился над ним.

Но полиция и суд торопили. У них руки чесались. Они что ни день осведомлялись о состоянии здоровья Камо, требовали вернуть его в тюрьму. Верховный прокурор, не теряя времени, уведомляет полицай-президента: «По сведениям заведующего Бухской психиатрической лечебницей состояние здоровья страхового агента Мирского-Аршакова улучшилось, и не исключено, что он со временем выздоровеет. Покорнейше прошу немедленно сообщить об этом в четвертое отделение».

Заведующий лечебницей врач Рихтер беспрекословно подчиняется прихотям полиции и мечтает о том дне, когда наконец освободится от ненормального армянина. «Если в подследственной тюрьме будут считаться с тем, что Аршаков находится в состоянии выздоровления, то врачи не могут ничего возразить против перевода его в подследственную тюрьму. Во всяком случае, в настоящее время он в состоянии принимать участие в судебном разбирательстве».

Служители берлинского правосудия только этого и ждали. 16 апреля 1909 года сбылась мечта Рихтера. Камо под усиленным надзором переводят в Берлинскую уголовную тюрьму.

Возражения доктора Гофмана пропали впустую. «В состоянии принять участие в судебном разбирательстве». Нет, не в состоянии. И Гофман обратился к прокурору: «Он отказался от принятия пищи. Начал бормотать себе под нос непонятные вещи, и по временам на его лице появлялась идиотская улыбка. В последние дни от него нельзя было добиться разумного ответа. Вследствие отказа от принятия пищи пришлось приступить к искусственному питанию.

Сегодня с Мирским произошел припадок помешательства: он разрушил помещенные в его камере предметы, хотел наброситься на надзирателя, так что его пришлось связать и поместить в камеру для буйных заключенных.

Безусловно, нельзя предположить, что Мирский к 3 мая поправится настолько, чтобы принимать участие в судебном разбирательстве.

Я также считаю почти совершенно несомненным, что рассмотрение дела Мирского, насколько можно предвидеть, будет и впредь невозможным, как только Мирский будет возвращен в тюрьму, его состояние, находящее себе благодатную почву в истерии, вернется вновь. Необходимо, чтобы душевное здоровье Мирского снова значительно и прочно укрепилось, но этого

можно ожидать лишь по истечении многих лет».

Камо сполна оправдал «надежды» доктора Гофмана.

Назначенное на 3 мая 1908 года судебное заседание не состоялось, а 11 числа шеф полиции передал в Петербург: «Мирский после своего перевода в следственную тюрьму снова впал в безумие, был признан судебными медиками неспособным принимать участие в судебном разбирательстве и в соответствии с этим опять был переведен в психиатрическую лечебницу Бух. По-видимому, теперь в течение длительного периода не придется рассчитывать на выздоровление Мирского, который в настоящее время числится здесь под фамилией: Тер-Петросянц».

«Да-а!»— сказали в Петербурге и «Тьфу!»— плюнули, крепко разругав полицай-президента Берлина.

30 апреля Камо вновь был в Бухе.

На следующий день департамент полиции Петербурга поставил в известность шефа берлинской полиции: «Точных и неоспоримых доказательств участия Мирского в ограблении отделения Императорского Государственного банка в Тифлисе представить не можем. Мы располагаем конфиденциальными сведениями, которые не могут быть представлены суду, из коих видно, что Мирский фактически находился среди грабителей, которые совершили указанное ограбление Государственного банка в Тифлисе. Из того же самого источника следует, что живущие за границей русские революционеры составили план освобождения Мирского из тюрьмы в Берлине».

Нетрудно было догадаться, что это за сведения, которые не подлежат оглашению.

Гартинг и Житомирский — вот где была зарыта собака.

Когда его снова привели в Бух, он был уже «профессиональным умалишенным».

Судья кипятился:

— Вы, что же, каждый день будете выявлять новую болезнь?!

Но по результатам опытов он болен.

И врачи рассказали, что они вводили иголки под ногти, в разные участки тела. Опыты не возымели на него действия. Он не чувствует боли. В медицинской практике отмечены подобные факты: душевнобольной не ощущает причиняемую ему боль.

— А вы пытались коснуться его спины раскаленным железом? Вот тогда вы увидите, как он закричит: «Ой, мамочка!»— подсказал комиссар по уголовным делам.

— Но это варварство! Мы не можем, мы отказываемся!

— В таком случае, господин доктор, вместо железного наконечника подложите ему под мышки воздушные шарики,

пусть улетит, сбежит из тюрьмы, а вы, как сестра милосердия, споете ему колыбельную. Через два дня назначаю последнее медицинское испытание. Господин Гофман, кроме вас должны присутствовать доктор Леппман, доктор Мюзам. Других зрителей не надо, даже адвоката. И мы тоже будем. Мы ему развяжем язык у вас же на глазах.

— Вы не имеете права не приглашать адвоката.

— Право в наших руках.

Да, но…

— Никаких «но». Симуляцию нужно разоблачить. Это не проблема, если проявить должную решительность, — сказал, уходя, фон Арним.

В Бухе Камо в точности перенял повадки одного больного. Тот страдал хроническим психозом и нарушением чувствительности кожи. При ходьбе он считал шаги, всегда делал один и те же движения, правую руку постоянно держал в кармане, и с лица его не сходило идиотское выражение.

Испытание началось в десять часов утра.

Всю процедуру возглавлял фон Арним.

Сперва ввели под ногти иголки, затем искололи спину, ноги. Это было чудовищно.

Камо выдержал.

Врачи единогласно предложили прекратить опыт и отказались прижигать спину раскаленным железом.

— Это варварство.

Фон Арним не выдержал и сам приложил раскаленный наконечник к голой спине Камо.

От запаха паленого тошнило. Врачи отвернулись.

Камо, не мигая, молча и гордо смотрел на фон Арнима. Если б вдруг ярость выпросталась из его глаз, то, наверное, смела бы всю Европу вместе с фон Арнимом и его семейством. Фон Арним попятился, не устоял перед ненавидящим взглядом испытуемого и бухнулся на стул…

И через много лет от раскаленного наконечника берлинских извергов на теле Камо останется неизгладимый след, след глубокой раны. След варварства.

Сейчас он сдерживает себя, чтобы не закричать.

Глаза смотрят с ненавистью. Надо выстоять!

— Это ужасно, — не глядя на Камо, объявил доктор Гофман. — Ни теория, ни практика медицины не знают случая, чтобы человек с нормальной чувствительностью перенес такую боль.

Оскар Кон только через два дня получил разрешение встретиться с подзащитным. Разгневанный, он не мог усидеть на

месте и сразу же поспешил в приемную министра внутренних дел.

Фридрих фон Мольтке расплылся в улыбке.

— Господин министр, я принес письменную жалобу о варварских действиях ваших подчиненных. Мы гордимся тем, что дали миру Гете и Бетховена, а их соотечественники раскаленным железом прижигают тело душевнобольного. Какая же это цивилизованность? История нас проклянет в веках.

— Успокойтесь, господин Кон.

— Как я могу успокоиться? Мы уже в собственных глазах предстаем подлыми, аморальными и жалкими людьми. Где это видано, чтобы средь бела дня каленым железом жгли человеческое тело? Это варварство!

— Чье тело?

— Мирского.

— Не волнуйтесь, господин адвокат. Дайте, пожалуйста, ваше заявление. Я проверю и, если против Мирского действительно применены жестокие методы исследования, виновники понесут наказание. И все-таки, господин Кон, я удивляюсь тому, с какой последовательностью вы защищаете так называемого Мирского, забывая, что завтра он мог взорвать вас и вашу семью. Скажите, пожалуйста, отчего вы, будучи немцем и никогда не проживая среди этих дикарей, кавказцев, проявляете столь пылкую заинтересованность, будто Мирский вам брат, отец или кузен?

— Выходит, если мы чистокровные немцы, то должны выставить на показ всему миру наше варварство, доказать, что мы дикари? — разгорячился Кон. — Только варвары могут так терзать человека. Рубцы у него еще долгие годы не будут сходить с тела.

— Дайте ваше заявление. Я поинтересуюсь, накажу кое-кого, если они действительно так вели себя.

Министерское распоряжение о «наказании» длилось месяц, а за это время по приказу шефа полиции Камо подвергли новым испытаниям, пока, наконец, министр внутренних дел не соизволил ответить: «По поводу задержания душевнобольного Симона Аршакова в психиатрической лечебнице в Бухе покорнейше сообщаю, что сделанные господином полицай-президентом по этому поводу распоряжения при данных обстоятельствах должны быть признаны оправданными. Вследствие этого я не считаю возможным вмешаться в порядке служебного надзора. Фридрих фон Мольтке».

— Фридрих фон осел! — швырнув письмо, Кон стукнул кулаком по столу.

В больнице продолжали проводить испытания на Камо. «Я не

боюсь смерти, — сказал он как-то Кону. — Она часто мелькала передо мной. Я боюсь поражения, провала. Я не хочу проиграть в борьбе с этим грубым миром».

Кон от души полюбил Камо. Талантливого артиста и крепкого, как сталь, человека.

Доктор Гофман и возглавляемая им группа врачей пришли к определенному заключению и прекратили свои опыты.

Врачи представили письменное решение: Мирский — Тер-Петросов душевнобольной, ни теперь, ни впредь он не способен участвовать в судебном следствии.

Все были удовлетворены таким заключением, кроме авторов судебного процесса. Последнее слово было за главврачом Буха Вернером.

Когда Камо впервые попал в Бух, он исподволь разузнал о медицинском персонале больницы. Мнения о многих из них не сохранились в его памяти, но слова одного из больных запомнились: Рихтер — палач, Вернер — чуть добрее.

Бух, 4-е июня, 1909 год.

В комнате трое: доктор Вернер, переводчица Ольга Харшкампф и Камо в кандалах. Настроение у обоих — и у врача, и у больного — чудесное, как занимающийся день.

Доктор Вернер подошел к Камо, положил руку ему на плечо, и в голосе у него послышались дружелюбные нотки.

— Господин Тер-Петросов, мое профессиональное чутье подсказывает, что сегодня у вас хорошее самочувствие, и я очень доволен.

Камо молчал.

— Вы обещали держаться сегодня спокойно и отвечать на мои вопросы, — снова заговорил доктор Вернер. — Что ж, давайте побеседуем. Видите, сегодня я никого не пригласил, потому что хочу, чтобы наш разговор был откровенным.

Камо молча кивнул.

— Можем начать?

Он снова кивнул.

— Как вас зовут?

— Семен Аршакович Тер-Петросянц. «Тер» означает: происхождение от семьи, члены которой принадлежат к духовному званию. Мой прадед и мой дед были священниками.

— Какого вы вероисповедания?

— Я — армянин, наша религия лишь немногим отличается от православной.

— Когда и где вы родились?

— В городе Гори на Кавказе, в мае или июне. Мне

приблизительно 27 лет.

— Живы ли еще ваши родители?

— Когда я еще был в России, мои родители были живы.

— Здоровы или больны были ваши родители?

— Мой отец был купцом, поставщиком для войск, он сильно пьет, может выпить ведро вина. Моя мать умерла шесть-семь лет тому назад от брюшной водянки. Она умерла еще совсем молодой, я присутствовал при ее смерти.

— Были ли в вашей семье случаи душевной болезни, алкоголизма, нервных заболеваний?

— Когда я был ребенком, я был горячим патриотом, никогда не интересовался своими родственниками. Одна тетка, сестра моей матери, была очень нервной.

— Какую школу вы посещали и сколько вам тогда было лет?

— Я посещал прогимназию в Тифлисе. Я был очень юн, мне было приблизительно 7 лет, а покинул я школу в 18–19 лет.

— Хорошо ли вы учились и легко ли давалось вам учение?

— Я был всегда страшным сорвиголовой, чему хотел, тому и учился: по географии и истории я всегда учился прекрасно, арифметику же я не любил.

— Были ли у вас всегда хорошие отметки за поведение?

— Я постоянно сердил учителей, они всегда: были мною недовольны за то, что я делал много глупостей.

— Что вы делали после того, как покинули школу?

— Я хотел продолжать учиться дома. Иногда я читал по 14–15 часов в сутки, читал все, что меня интересует, например, социалистические книги.

— Служили ли вы на военной службе?

— Я не служил никогда, меня не призывали к отбыванию воинской повинности. Я и не желал вовсе служить, так как не хочу служить ни разбойникам, ни убийцам, ни палачам.

— Страдали ли вы половыми болезнями?

— Об этом я не желаю говорить. Болезнями я не страдал.

— При каком случае и кто нанес вам те раны, рубцы от которых имеются на вашей голове?

— Все это от полиции. Я не боюсь, я хочу все рассказать. Для себя я никогда ничего не делал, все, что я делал — я делал для партии. Я был агитатором. Повреждения на голове нанесены мне отчасти ударами шашки, отчасти ударами приклада во время одного армяно-турецкого столкновения. Я упал без сознания, мои товарищи оттащили меня; я проболел, насколько помню, четыре месяца, а сколько еще до того, я не знаю.

— Страдали ли вы после повреждения головными болями?

— Я не помню, я только стал еще более раздражительным.

— Подвергались ли вы в зрелом возрасте еще другим болезням или повреждениям головы?

— Я очень часто страдал головной болью.

— С каких пор вы страдаете катаром желудка?

— Шесть-семь лет назад произошла большая стачка. Я был агитатором. При этом было убито 15–16 человек, я хотел умереть вместе с ними и потому принял сильный яд — азотную кислоту. С тех пор я страдаю болями в желудке и в нижней части живота. У меня в России много приятелей среди аптекарей.

— Каким образом произошло повреждение вашего правого глаза?

— Вы можете со мной делать, что хотите, я этого не желаю рассказывать. Когда я попаду в Россию, то русская полиция все будет знать.

— Почему вы были так возбуждены в подследственной тюрьме? Говорят, вы там буйствовали?

— Я лишь один раз был там возбужден, потому что там желали, чтобы я пошел на прогулку, а я этого не желал, так как у меня в голове были различные мысли. Меня арестовали совершенно беспричинно, я никогда не желал совершать здесь ничего дурного. Если меня теперь освободят и я смогу снять комнату, то у полиции не будет никаких оснований для того, чтобы меня арестовать. Я приехал сюда лишь для того, чтобы посмотреть Берлин.

— Как же обстоит дело с чемоданом с двойным дном?

— Это все проделки полиции; тут очень много русской полиции, и она на все способна, чтобы заслужить ордена.

— Вы и здесь часто были возбуждены и говорили, что полиция приходила сюда, чтобы вас сфотографировать.

— Однажды ночью я спал очень крепко, когда вдруг почувствовал, что кто-то хочет побрить мою бороду и придать ей остроконечную форму. Я открыл глаза и успел заметить, что полицейский убегал прочь. Я еще хотел бросить ему вслед кружку.

— Что вас заставляет думать, что это был полицейский?

— Я знаю этого полицейского в лицо.

— Сколько будет восемью девять?

— Представьте себе, вы этому не поверите, но я забыл. — После некоторой паузы: — Семьдесят два.

— Девятью девять?

После долгого размышления:

— Восемьдесят один.

— Назовите мне сибирскую реку, текущую к северу.

— Амур, Тобольск. — В заключение: — Я все перезабыл,

раньше я мог показывать на карте с закрытыми глазами.

— Сколько в России губерний?

Нет ответа.

— Назовите мне город на Волге.

— Астрахань.

— Город на Крымском полуострове.

— Ялта.

— Сколько жителей в России?

Сперва он сказал: 2 миллиона. Затем засмеялся над этим и сказал: 200 миллионов.

— Сколько существует частей света?

— Пять: Европа, Азия, Африка, Америка, Австралия.

— Ходили ли вы прежде в церковь?

— Нет.

— Почему же нет?

— У меня есть свой бог, я не признаю полицейского бога. Я верю в истинного бога.

— Кто основал вашу религию?

— Я не принадлежу больше религии, моей религией является социалистическое государство. Я верю в Карла Маркса, Энгельса и Лассаля.

— Какая разница между деревом и кустом?

— Дерево — это дерево, а куст — это куст.

— Я хочу сказать, чем то, что мы называем деревом, отличается от того, что мы называем кустом?

— Дерево — это дерево, а куст — это куст.

— Можете ли мне вкратце объяснить устройство телефона?

— Чтобы друг с другом разговаривать.

— Как это происходит, когда говоришь в телефон, другой слышит это, хотя находится на далеком расстоянии от говорящего?

— Этого я не знаю.

— Каким образом происходит молния во время грозы?

— Я это забыл. Раньше я мог это объяснить.

— Не известно ли вам, что в воздухе имеется электричество?

— Воздух? Везде есть электричество: если потереть, два тела друг о друга, то получается электричество.

— Но ведь это наблюдается не у всех тел.

— Да, я думал так. Доктор, дайте мне маленькую комнатку, я покончу с собой, и никого в этом не придется винить.

Доктор Вернер аккуратно подписался под протоколом и то же попросил сделать присяжной суда Ольге Харшкампф.

— Вы свободны, — сказал он Камо и переводчице и позвал надзирателя, чтобы тот проводил больного в палату. — Черт

побери, — произнес доктор, оставшись, один, — он же настоящий больной. Что они хотят от него?

Доктор Вернер обдумывал окончательное решение, которое должен был написать через три дня, 7 июня 1909 года.

7 июня доктор Вернер писал: «Все многочисленные констатированные у Аршакова болезненные явления истеро-неврастенического характера, с одной стороны, чрезвычайно типичны, с другой стороны, настолько сложны, что всегда верная симуляция их едва ли вообще возможна, в особенности для профана. Наконец, такие физические явления, как ускорение сердцебиения, дрожание век, вообще не могут быть симулированы. Я таким образом считаю совершенно невозможным, чтобы Аршаков симулировал или утрировал свои болезненные явления.

Сводя воедино все вышеизложенное, я прихожу к следующему заключению:

1. Аршаков представляет собой человека с недостаточностью умственных способностей, с истеро-неврастенической организацией, который под влиянием сильных душевных возбуждений и продолжительного заключения под стражей легко теряет душевное равновесие и тогда переходит в состояние явного помешательства.

2. О преднамеренной симуляции или преувеличении болезненных явлений со стороны Аршакова не может быть и речи.

3. Аршаков в настоящее время не способен к участию в судебном разбирательстве и не будет к тому способен в будущем, насколько это можно предвидеть. Сомнительно, будет ли он вообще к тому способен по данному уголовному делу; более вероятным представляется, что такое улучшение никогда не наступит.

4. Аршаков в настоящее время не способен к отбыванию наказания и не будет к этому способен и в будущем, насколько это можно предвидеть. Чрезвычайно маловероятным представляется предположение, что он в будущем станет способным к отбыванию наказания».

Верховный прокурор первого Берлинского королевского суда Шениан в письме от 13 июля 1909 года обратился к министру юстиции, изложив ему выводы врачей Гофмана и Вернера: «Таким образом, уголовное дело против Тер-Петросова в ближайшее время закончено быть не может. Вследствие этого придется поднять вопрос о временном прекращении дела».

Поднять вопрос о временном прекращении дела.

Верховный прокурор Шениан умывал руки. В своем письме он не забыл сделать запрос министру юстиции: «Необходимо ваше

отношение о том, что полицай-президент Берлина намерен выслать Мирского — Тер-Петросова за пределы Германии».

«Выслать» — как прекрасно звучит! Это же мечта большевиков, самого Камо, Кона. Когда Максим Литвинов выехал из Тифлиса за границу и был арестован в Париже во время обмена пятисотенных (это случилось после ареста Камо), большевики мечтали о его высылке. И французы поступили честно, не посадили Литвинова в тюрьму, а потребовали, чтобы он в течение суток покинул территорию Франции. Царская охранка подняла вой, но без толку: политические не подлежат выдаче. И Максим Максимович со своей секретаршей Фаней Ямпольской покинул Францию и через Бельгию уехал в Англию.

А немцы? Они нарушили элементарные человеческие законы.

И верховный прокурор Шениан наводит справки у министра, интересуется его мнением.

Газета «Теглихе Рундшау» открыто делится со своими читателями, держит их в курсе событий: «Между прокуратурой, министерством юстиции и русским правительством идут переговоры по поводу передачи Мирского России».

Надо выдать царской охранке. Угодить русскому правительству. Но перед общественным мнением выйти сухим из воды.

Министр внутренних дел и полицай-президент нашли выход.

10 августа 1909 года с ведома полицай-президента Берлина было состряпано письмо: «Мы покорно просим… кайзеровский полицай-президиум содействовать передаче Аршакова русским государственным властям. Берлинское попечительство о бедных, ведавшее больницами».

— Зачем?

Фон Ягов пожал плечами и не ответил Оскару Кону.

— Но это, это же, простите, не знаю, как и назвать. Чему я, собственно, удивляюсь после стольких истязаний? Целых два года вы таскали по тюрьмам и больницам душевнобольного человека, вторично сделали его калекой и теперь передаете… Я даже слов не нахожу. Это, простите, не делает вам чести.

Шеф переждал, пока Кон выговорится, и сказал:

— Вот пришел господин директор попечительства и просит, мы не имеем права не уступить. — И представил: — Опекун и адвокат Тер-Петросова Оскар Кон.

— Слышал, — «участливо» сказал директор попечительства.

— Так. У вас нет средств, поэтому вы спешите облагодетельствовать больного.

— Да, так получается. Мы не в состоянии долго содержать иностранного душевнобольного. Ведь он неизлечим. У нас нет

средств.

— Средства я выделю. У Мирского они есть для лечения.

Шеф полиции и директор попечительства удивленно переглянулись.

Мирский — Тер-Петросов по причине психической болезни не представлял больше интереса для полицейских и следственных органов. У него хранились взрывчатые вещества для России, ну и черт с ними. Поскорее бы отделаться от него, и дело с концом. Пускай русские займутся своим больным.

Пока Оскар Кон бегал по инстанциям, хлопотал за своего подопечного, берлинская полиция на русско-немецкой границе, в глухом местечке, тайком передала закованного в кандалы Камо русским властям.

Оскар Кон узнал об этом позже, в кабинете доктора Вернера, размахивая перед его носом посланным ему уведомлением врача.

— Вы нарушили законы, которые сами же называете гуманными. Вы сообщаете мне об этом после выписки больного.

— Я исполнял приказ полиции.

— Эх, — махнул рукой Кон и поспешил к министру внутренних дел. «Может, еще не поздно? Может, удастся еще предотвратить выдачу Камо русским?»

Министр положил перед Коном докладную шефа полиции: «Русский подданный Семен Аршаков Тер-Петросян (Дмитрий Мирский) не выслан как неугодный нам иностранный подданный, а при содействии местных органов по оказанию помощи беднякам переведен в Россию на правах неимущего. Местное попечительство о бедных взяло на себя расходы переезда».

— Гениально! Какая забота! — злобно сказал Кон, вставая. — Думаю, что наш разговор бесполезен.

— Да.

Камо тем временем был уже по пути в Россию.

В это же время орган немецких социал-демократов «Форвертс» сообщал читателям: «Таков новейший номер прусского угодничества… Нет никакого сомнения в том, что берлинский полицай-президиум передал Семена Аршакова — Мирского русским разбойникам в полицейских кителях не без согласия министра внутренних дел».

Передал да еще с такой странной аргументацией, которая «удивила» даже прокурора судебной палаты Тифлиса, составлявшего докладную для первого департамента министерства юстиции: «Честь имею доложить первому департаменту министерства юстиции, что ни в Тифлисском губернском жандармском управлении, ни у судебного следователя по особо важным делам Малиновского нет сведений

о том, на каком основании и по чьему распоряжению немецкие власти передали Тер-Петросова, а также о том, велось ли расследование, был ли он судим за обнаруженные у него взрывчатые вещества, понес ли наказание согласно законам императорской Германии».

19 октября 1909 года в час дня полицейская «свита» вошла в ворота Метехской тюрьмы.

«…Но я так больше не выдержу. Тогда как быть? Нет, поездка по чужому паспорту не обвинение и не таит в себе, серьезной опасности. Эриванская площадь — вот серьезная улика. Эриванская площадь и ничто другое. Если начнут копаться в этом деле, то до чего-нибудь обязательно докопаются. Улик наберется достаточно. Если обвинят из-за Эриванской площади, то плохи твои дела, Камо. Готовься к бою».

Не прошло и двух часов после его прибытия в Метех, как железная дверь в камеру распахнулась. Вошедший прервал мысли Камо, его догадки, гипотезы, воспоминания.

— Семен Аршакович Тер-Петросян?

Он промолчал, встал на ноги, чтоб напомнить о своих кандалах.

— Не хотите отвечать. Значит, вы же и Камо?

— С кем имею честь? — Камо сделал шаг вперед. — Путь у меня был долгий, и я очень устал.

— Я устал больше вас, господин Тер-Петросян, идя по вашим следам. Ради вас побывал в Петропавловской крепости. Там сидит один из ваших знакомых, Афанасий Каютин-Каютенко, капитан того корабля, на котором вы хотели переправить в Россию оружие. Помните, потонувшую яхту «Зора»? Потонула! Так же потонут и другие корабли!

Камо прикинулся невозмутимо спокойным. Что это за человек, ставший его биографом? Осторожно, Камо, он видно, многое о тебе знает.

— Вы наверняка думаете, кто этот человек, так сразу ко мне наведывающийся да рассказывающий мою биографию, — улыбнулся незнакомец с хитрыми маленькими глазами. — Видите эту папку: «Дело Семена Аршаковича Тер-Петросянца». Она разбухает, и ей, в общем, цены нет. Не вздумайте меня разыгрывать. Я не берлинский врач и не моабитский надзиратель.

— А кто же?

— Малиновский. Следователь по особо важным делам Тифлисского суда, довольно серьезная личность, не любящая шуток. Я должен с вашей помощью уточнить для себя некоторые детали известного мне дела. Речь идет о похищении денег на

Эриванской площади в Тифлисе летом 1907 года. Кстати, говорят, что организатором этого акта были вы. И рассказчики хвалят вашу изобретательность и смекалку. От взорванных вами бомб погибло три человека.

— Господин Малиновский, это не так-то легко доказать.

— Посмотрим.

…В заведенной Малиновским папке появилась еще одна бумага.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1909 года, октябрь 19 дня, г. Тифлис.

Судебный следователь по особо важным делам округа Тифлисского окружного суда Малиновский, допросив сего числа горийского уроженца Семена Аршаковича Тер-Петросянца в качестве обвиняемого в соучастии в разбойном нападении 13 июня 1907 года в г. Тифлисе на Эриванской площади на денежный транспорт Тифлисского отделения Государственного банка и похищении из этого транспорта 250 000 рублей, сопровождаемых обстрелом и взрывом брошенных бомб, осколками которых были убиты городовые Войтковский и Иванов и тифлисский житель Юзбашев и многие ранены, т. е. в преступлении, предусмотренном 13, 1630, 1632 и 1634 статьями уложения о наказаниях и, приняв во внимание силу имеющихся против него улик и тяжести грозящего ему за это преступление уголовного наказания, руководствуясь 419, 421 статьями и 6 пунктом 416 статьи уст. уг. суд постановил: для пресечения обвиняемому Семену Аршаковичу Тер-Петросянцу способов уклоняться от следствия и суда по настоящему делу его, Тер-Петросянца, содержать под стражей в тифлисском Метехском тюремном замке, о сем ему объявить и после настоящего постановления препроводить заведующему Метехским замком для исполнения и прокурору Тифлисского окружного суда для сведения.

Судебный следователь МАЛИНОВСКИЙ.

Настоящее постановление мне 19 сего октября 1909 года объявлено, в чем расписываюсь.

Семен Аршакович ТЕР-ПЕТРОСЯНЦ.

Недели две Камо не беспокоили. За это время весть о его появлении просочилась в город, но он и понятия не имел, что товарищи за него хлопочут, что Джаваир стремится свидеться с братом в Метехе. Джаваир стучится в двери разных должностных лиц, которые столь же неприступны, как и их каменные сердца. Малиновский тем временем допрашивает Камо. Камо старается отвечать правильно, во всяком случае на те вопросы, с которыми Малиновский хорошо знаком и без его ответов. Рано еще притворяться больным, да и оторванный от внешнего мира, он не

знает, надо ли продолжать игру?

Помогла телеграмма Кона к Джаваир: «Заключение берлинских врачей на руку Камо — его признали душевнобольным и не судили. Высылаю 200 рублей на телеграммы и другие расходы. Сообщи о намерениях российского суда».

Проникнуть в тюрьму во что бы то ни стало! И свидание удается устроить.

Камо вначале молчал. Потом стал нарочито вопить, грубить: «Зачем ты явилась?! Я по тебе не соскучился! Меня повесят». — «Берлинские врачи нашли, что ты болен, брат».

Вот это другой разговор. Вот это-то ему и надо. Молодчина, сестричка! Значит, игра продолжается. Не может быть, чтоб болезнь сбросили со счетов. Джаваир телеграфирует Кону: «Вышлите обещанные документы». Малиновский замечает в Камо некоторые странности. Однако он не сомневается, что имеет дело со здоровым человеком, решительным и волевым.

Малиновский не торопится: он хочет вывести Камо на чистую воду, доказать, что именно он являлся руководителем экспроприации на Эриванской площади.

Декабрь 1909 года подходил к концу, а положение дел у Камо по-прежнему неопределенно, без какого-либо проблеска надежды. «Разыгрывать душевнобольного — это мое единственное спасение, я должен выстоять».

Диагноз немецкого врача гласил: «Ранения нанесены Мирскому, должно быть, в июне 1907 года. Понятно, что теперь остались лишь рубцы и невозможно установить происхождение шрамов на ладони и пальцах. Только повреждение глаза позволит допустить, что оно произошло при взрыве бомбы».

Следователь Малиновский уже в который раз спешил в Метех. Он не исключал, что посещение Метеха может пройти впустую. Но его торопили, с него требовали. «Неужели из-за какого-то Камо пошатнется мой авторитет? Я, следователь Малиновский, который распутал столько запутанных дел, не могу разобраться в деле этого анархиста. Не могу сдвинуться с мертвой точки. Отступления не будет! Вперед и только вперед. Малиновский!»

— Позвать тюремного врача!

Разговор с главврачом Михайловской больницы был краток и резок:

— Немедленно прооперировать и проверить диагноз!

— Он душевнобольной, и я…

— Опять «не имею права», опять ваш «нравственный долг»?! Послушайте, господин главврач, он не уголовник, а политический

преступник. По-ли-ти-чес-кий! Ясно? Он служит своей партии, и эта самая партия не сегодня-завтра, не моргнув глазом, разнесет нас с вами на куски.

— Господин Малиновский, я постараюсь уговорить хирурга.

Врачи созвали консилиум. В пальцах и ладони Камо прощупывались шесть инородных тел. Только операция позволит выяснить, что это за тела.

21 декабря 1909 года в Метехской тюремной больнице Камо прооперировали и извлекли из его кисти осколки красной меди и частицы гремучей ртути. Экспертиза установила, что они проникли в руку от взрыва бомбы, а не от пули. Следователь Малиновский был на седьмом небе и уже мечтал о повышении.

Камо был нанесен серьезный удар. Через неделю после операции он еще ходил с забинтованной рукой, зная уже, по какой статье будет судим. «Вам все равно не избежать виселицы, — на лице Малиновского заиграла зловещая улыбка. — Лучше признайтесь во всем».

Камо молчал.

«Здесь не хотят верить в сумасшествие Камо, — телеграфировала Кону Джаваир Высланные вами документы получила и представила. Но с ними насчитаются. Говорят, что Камо — симулянт. Жизнь моего брата в опасности. Чем вы ему можете помочь?»

Телеграмма Джаваир получена. Оскар Кон, не теряя времени, мчится в редакцию «Форвертса». Парижская «Юманите» осуждает немецкое правительство, за то, что оно передало душевнобольного человека в руки варварской российской монархии, заранее зная, что он политический, а не уголовный заключенный. Шумиха разрастается до таких масштабов, что вызывает озабоченность у министра иностранных дел Российского государства Сазонова.

Начало мая 1910 года.

На письменный стол премьер-министра и министра внутренних дел Столыпина легли два письма. Одно из них — от министра иностранных дел Сазонова, который, встревоженный поднятой шумихой, писал:

> «Милостивый государь Петр Аркадьевич!
>
> За последние дни немецкая демократическая печать с особенной страстью обсуждает судьбу русского подданного Аршакова (он же Мирский и Тер-Петросов), который привлечен к ответственности перед военным судом в Тифлисе по делу о разбойном нападении в названном городе на казенный денежный транспорт в

1907 году и которому грозит, будто бы, смертная казнь.

При говор суда должен был состояться, по словам германской прессы, в Тифлисе 26 апреля.

Радикальный орган „Форвертс“, демократическая „Франкфуртер цайтунг“ и „Берлинер тагеблат“ нападают при этом на немецкую полицию, выславшую Аршакова-Мирского, по выходе его из Берлинской городской больницы для душевнобольных, в Россию, где он, будто бы, тотчас же попался в руки русским властям. С другой стороны, сказанные газеты позволяют себе тенденциозные и крайне резкие суждения о русских „политических судебных процессах“.

В Министерстве Иностранных Дел велась в 1908 году по делу Мирского переписка с Министерством Юстиции, которое просило войти в сношение с Германским Правительством на предмет судебно-медицинского освидетельствования и допроса в качестве свидетеля названного лица, задержанного в 1907 году в Берлине. Отношением от 18 июня 1908 г. № 171 Министерство Иностранных Дел уведомило первый Департамент Министерства Юстиции, что Мирский не может быть допрошен вследствие состояния здоровья, как о том свидетельствовало приложенное к сказанному отношению судебно-медицинское удостоверение.

Принимая во внимание, что нападки прессы на Германское Правительство, которые не преминут усилиться в случае, если Мирский, действительно, будет приговорен к смертной казни, могут оказать неблагоприятное для нас влияние в вопросе о высылке анархистов, считаю долгом сообщить о вышеизложенном Вашему Превосходительству, на случай, если Вы признаете необходимым принять по сему какие-либо меры.

Примите. Милостивый государь, уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

САЗОНОВ».

Автор второго письма-телеграммы был президент Лиги защиты прав человека Френсис де Прессансе, который выражал уверенность, что «русское правительство в соответствии с принципами прав человека откажется признать виновным Мирского-Аршакова-Тер-Петросова, болезненное состояние и невменяемость которого были юридически установлены компетентными специалистами».

Петра Столыпина, почти не видного из-за длинного, покрытого сукном письменного стола, телеграмма из Парижа нисколько не заинтересовала. Права человека? Еще чего! Он посмотрел в окно, за которым уже третий день не переставая лил дождь, из-за которого он, премьер-министр России, не мог пойти на рыбалку. Он крепко выругался, обращаясь то ли к дождю, то ли к президенту Лиги защиты прав человека, и подписал на телеграмме: «Что за чепуха?»

Письмо министра иностранных дел не на шутку взволновало Столыпина. Он достал из ящика чистый лист бумаги, собираясь написать письмо в Тифлис, наместнику Кавказа Воронцову-Дашкову.

«СЕКРЕТНО

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Милостивый государь граф Илларион Иванович!

Министерство Иностранных Дел письмом от 27 апреля сего года № 42 сообщило мне, что за последние дни немецкая демократическая печать с особенной страстностью обсуждает судьбу Аршакова (он же Мирский и Тер-Петросов), привлеченного к ответственности в г. Тифлисе по делу о разбойном нападении на казенный денежный транспорт в 1907 году.

Радикальные органы „Франкфуртер цайтунг“ нападают при этом на немецкую полицию, выславшую Аршакова-Мирского по выходе его из берлинской городской больницы для душевнобольных в Россию, где он был тотчас же задержан русскими властями. Нападки прессы на германское правительство не преминут усилиться в случае, если Мирский будет приговорен к смертной казни, и Министерство Внутренних Дел опасается, что это может оказать неблагоприятное для русских интересов влияние в вопросе о высылке анархистов.

Пользуюсь случаем выразить вашему сиятельству уверения в совершенном моем почтении и истинной преданности.

П. СТОЛЫПИН».

Никогда еще царский наместник не оказывался в столь глупом положении. Он еще помнил историю с пятьюстами

винтовками, большую часть которых Камо приобрел с разрешения самого царского наместника, ловко его облапошив: дескать, они нужны ему для наведения порядка в Тифлисе, однако вместе с участниками вооруженных столкновений повернул дула винтовок против властей. А его побег из тюрьмы под чужим именем: прикинувшись простачком и назвавшись крестьянином Шаншиашвили, он улизнул из Метехской тюрьмы. Наконец экспроприация на Эриванской площади средь бела дня. Разве такое забудется?

Однако он обязан был написать осторожный ответ.

«Его превосходительству П. А. Столыпину.

Милостивый государь Петр Аркадьевич!

Вследствие письма вашего высокопревосходительства от 7-го сего мая № 91 104 считаю необходимым сообщить вам, что Семен Аршакович Тер-Петросов (Мирский) был предан Кавказскому военно-окружному суду для осуждения его по законам военного времени по обвинению его в преступлениях, предусмотренных статьей 102 уголовного уложения (изд. 1903 г.), статьями 13, 1627, 1630, 1632 и 1634 уложения о наказаниях (изд. 1885 г.) и статьей 279 книги XX 11-го св. военных постановлений 1869 года, изд. 3, совершенных им при вооруженном нападении в 1907 году на казенный денежный транспорт в г. Тифлисе на Эриванской площади.

В заседании по этому делу, состоявшемуся 26 минувшего апреля, Кавказский военно-окружной суд постановил ввиду обнаружившихся признаков ненормальности умственных способностей у подсудимого Тер-Петросова, дело о нем направить в порядке статьи 423 книги XXIV, св. военных постановлений 1869 года, изд. 3, к прокурору Тифлисского окружного суда для доследования, и 4 сего мал постановление это было приведено в исполнение.

В настоящее время Тер-Петросов содержится в тифлисском Метехском замке, где числится за прокурором Тифлисского окружного суда.

Что же касается опасений Министерства Иностранных Дел, что неминуемые в случае присуждения Тер-Петросова к смертной казни нападки немецкой прессы на германское правительство могут оказать неблагоприятное для русских интересов влияние в вопросе о высылке анархистов, то соображение это

мною будет принято во внимание при представлении приговора военного суда о Тер-Петросове на мою конфирмацию.

Прошу принять уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

Подписал: граф ВОРОНЦОВ-ДАШКОВ».

Дело Камо затягивается, его переводят в тюремную больницу, где под строжайшим надзором его должны подвергнуть медицинскому осмотру. Появились шансы на побег.

15 августа 1911 года прутья железной решетки в тюремной больнице были перепилены. На последней странице больничного листка Семена Аршаковича Тер-Петросяна-Камо была сделана следующая запись: «Испытуемый (по словам дежурного надзирателя Григорьева) в четыре часа пополудни, во время чая, попросился в клозет, дежурный служитель Жданков выпустил его из камеры и проводил до клозета, а сам вернулся в камеру другого беспокойного больного (Мирзаянца), который стучался в дверь. Когда же понесли чаю Тер-Петросяну, то его не оказалось ни в камере, ни в клозете. В этот промежуток времени он исчез из отделения».

Он резко обернулся, прошел несколько шагов назад. Осмотрелся и облегченно вздохнул.

Не было видно никакого прохожего, якобы углубленного в чтение газеты или завязывающего «случайно» развязавшийся шнурок на обуви, и никто не попросил у него «прикурить», и не оказалось поблизости красотки, поправляющей в зеркальце свои локоны.

Саперная улица все та же, как в тот памятный августовский вечер 1911 года, когда сюда гурьбой высыпали веселые шумные кинто с доолом и дудуком[10].

— Что такое, а? — соседи высунули в окна потные лбы. — Чья-то свадьба?

— Нет, это кинто веселятся!

По улице неслась нежная мелодия дудука, тонкие пальцы легко касались доола, извлекая из него плавную дробь, кто-то затянул песню.

Грустно ли, весело ли было на душе прохожих, они невольно замедляли шаг, забывая о недавних и грядущих заботах, и, покачивая головой в такт музыке, подпевали кинто.

Распевающий кинто был с бородой — редко когда кинто отпускали бороды. Красой их лиц, как правило, были не бороды, а длинные подкрученные кверху усы, напоминающие миниатюрные

козлиные рога.

…Бородатый кинто незаметно вдруг юркнул в фаэтон и уехал. Вышел он на Саперной улице и растворился в полумраке подъезда одного из домов. И это в то время, как полицейские уже переворошили весь Тифлис, разыскивая его.

Саперная улица, дом № 14.

Здесь тихо-мирно живут Майсурадзе. У подъезда их дома стояла какая-то парочка и, когда фаэтон с бородачом, что распевал песни Саят-Новы, поравнялся с ними и тот проскользнул в ворота двора, молодой человек с барышней последовали за ним. Напоследок они огляделись: не заинтересовался ли кто-нибудь приездом бородатого кинто?

Любопытных не оказалось.

Но возможно ли, чтоб никто им не заинтересовался? Вряд ли!

По всей стране сейчас телеграфные провода взахлеб передавали данные о его наружности: прическе, о поврежденном от взрыва глазе, о возрасте, осанке, походке. Позор! Какой позор! Вся Европа смеялась над русской охранкой. Но уж кому-кому, а Европе лучше помолчать: два года в Берлине он водил за нос полицию, судебные органы и врачей, прикидываясь душевнобольным до тех пор, пока, улучив момент, не выскользнул из их рук.

Наконец-то побег удался, он на свободе. И чтобы замести следы, видимо, подастся в Баку.

…Если в кармане у тебя документ, удостоверяющий твою личность, то почему бы не выйти на улицу, ничем не рискуя? Еще с седьмого года остались невыясненными кое-какие вопросы. Что случилось с Сегалем? Куда подевался этот Отцов-Житомирский? Это он донес на тебя, Камо, он передал берлинской полиции твой адрес, даже если и кто другой, то с его помощью, потому что никто, кроме Житомирского, не знал о каждом твоем шаге. Это он, хотя и говорили: вне всяких подозрений. Иначе выходит, что предал тебя твой старый бакинский друг, врач Гавриил Сегаль? А это исключено.

Ну а если?.. Что тогда? Рабочий поселок находится не так близко от Молоканской улицы, чтоб пройтись метров сто и оказаться там, но и не так далеко, как Париж, чтоб не суметь туда добраться и спросить: «Ну, доктор Житомирский, взгляни-ка в глаза и скажи, что ты не причастен ко всем моим страданиям».

Гавриил Сегаль — провокатор? Но это то же самое, что сомневаться в самом себе. Айда в поселок, к Гавриилу!

— Если задержусь, — уходя сказал он Сато, жене лудильщика Серго, где вновь нашел прибежище, — значит, не вернусь

ночевать, останусь у моего приятеля.

— Господин доктор, фаэтон вас дожидается, — позвал его с улицы Серго.

Камо вскочил в фаэтон, устроился поудобнее и распорядился:

— В поселок! Можешь не гнать лошадей.

Извозчик молча дернул вожжи.

Задумавшись, Камо чуть было не проехал мимо. В дом вошел нарочито шумно.

— Кто там?

— Я.

— Камо?!

— Да-с, я. А ты думал, так легко от меня отделаться? Или думал, я в тюрьме сгнию? — Камо рассмеялся, стискивая в объятиях одетого в пижаму хозяина дома.

— Стало быть, ты и есть беглец из Метеха?

— Ну что ты, то был сын моего отца. Не спеши, я тебе все расскажу.

Когда доктор Сегаль начал заваривать чай, Кама исподволь завел с ним разговор:

— Что же ты о Берлине не спрашиваешь? Молчишь почему-то.

— Сдав тебя в руки немецкой полиции, — заговорил Сегаль, роясь в ящике письменного стола, — доктор Яков Житомирский был уверен, что немцы в два счета выпроводят тебя в Россию. А тут все ясно: мера твоего наказания — расстрел. Его расчет был верен. Вы больше не увидитесь, так почему бы не донести на тебя? Ну а на том свете….

— Но ему же все доверяли!

— Доверяли. Вот оно, его письмо. Он написал мне в Вену из Парижа, после твоего ареста. Да, Житомирский — провокатор, а некоторые товарищи этому не верят. Негодяй в точности выполнял все задания партии. Не ты один был его жертвой. Язык не поворачивается говорить дальше. На вот, почитай лучше.

Разволновавшийся Камо выхватил конверт из рук Сегаля. В письме черным по белому было написано: «Здравствуй, Сегаль. Камо тебя оговорил. Не советую возвращаться в Баку». Камо глазам своим не поверил. Прочитал еще раз, вслух. И смолк, швырнул бумагу на стол, сжал кулак. Желваки на лице нервно вздрагивали.

— Налей мне чаю. Только покрепче. Сукин сын! Ничего, я сейчас успокоюсь. Дай чаю!

Гавриил налил ему чаю из кипевшего, булькающего чайника.

— Помнишь, как в Берлине мы пошли втроем обедать в роскошный ресторан?

…Провокатора Житомирского разоблачили лишь в 1917 году.

Но до 1917 года еще далеко, сейчас осень 1907-го, и Камо со своим бакинским другом Гавриилом Сегалем и Яковом Житомирским обедает в одном из дорогих берлинских ресторанов. Ему и в голову не могло прийти, что в эту самую минуту, когда Житомирский потчевал его и рассказывал веселые истории, заведующий зарубежной агентурой русской тайной полиции Аркадий Гартинг на своей секретной парижской квартире составлял по докладной, представленной Житомирским-Данде, шифровку для директора департамента полиции Трусевича. «В данное время Камо с помощью Меера Валлаха и проживающего в Льеже социал-демократа, студента Турпаева…»

Откуда было знать Камо, что три дня назад тот же Гартинг получил из Берлина следующую телеграмму: «На своей берлинской квартире он (Мирский) хранит в чемодане большое количество капсюлей. Андре».

А сейчас Камо с Сегалем чокаются с Житомирским. Тот и Сегаля не обошел вниманием, в своей шифровке упомянул и о нем. В шифрованной телеграмме за подписью «Андре» о Сегале и его друге Окиншевиче было сказано: «Оба они находятся в Париже, служат в Баку, в больнице Совета съезда нефтепромышленников, являются крайне серьезными социал-демократами, „большевиками“, пользующимися доброй репутацией и хорошо знают Камо. Доктор Сегаль во время приезда в Берлин посещал Камо и в записной книжке последнего значился его адрес».

Камо был арестован по доносу провокатора.

— Хотел чаю и не выпил, он уже остыл, — Сегаль прервал воспоминания Камо.

— Вот скажи, после того, как он на меня донес, вы встречались с ним? Если да, то как он объяснил мой арест? Проливал крокодиловы слезы или же…

Сегаль улыбнулся:

— Скажу. Он и до меня бы добрался, если б успел. В те дни у него было много дел.

— Какие еще дела?

Эх, Камо, Камо! Как же ты доверчив к людям, иногда до наивности, и виной тому твоя честность и искренность! В конечном итоге, они тебя и подводят. Ты и не узнал, что после твоего ареста Житомирский предал и, других товарищей, занимавшихся разменом крупных купюр: Сару Равич, студентов Тиграна Багдасаряна[11] и Миграна Ходжамиряна взяли в Мюнхене, Меера Валлаха — в Париже, Яна Мастера — в

Стокгольме. Под всеми доносами стояла подпись: «Андре». За один только донос на тебя, Камо, он получил две тысячи марок вознаграждения.

— Да, дорогой, так-то! Пока он занимался доносами, я и Окиншевич дали деру, — сказал Сегаль.

…В тот осенний день Камо был весел, ему хотелось, насвистывая, прогуляться по улице. Рядом шагал Яков Житомирский. Он пригласил Камо отобедать с ним.

— Погоди, погоди, Яков! — Камо порывисто обернулся к Якову. — Смотри, кто идет! Ты не знаешь этого молодого человека? Вон он, идет нам навстречу. А ну-ка вспомни!

— Надо же! Кто бы мог подумать! Ну да, мой земляк, Гавриил Сегаль, наш бакинский врач. Да, он, — и Житомирский поправил свои очки.

Когда Сегаль поравнялся с ними, Камо тихо произнес:

— Здравствуй, господин бакинец.

Сегаль оглянулся.

— О! Вот так встреча! Здравствуй, Семен! Недаром ты говорил, что мы с тобой увидимся в Берлине. Но кто бы подумал, что нас сведет случай. Здравствуй, доктор Яков. Рад вас видеть в полном здравии.

— Присоединяйся к нам, Гавриил, — сказал Камо. — Мы идем обедать. Составь нам компанию. Я приглашаю, Житомирский угощает.

— Пошли, — сказал Яков. — Заодно и поговорим, расскажешь, где и как устроился. Как-нибудь на досуге загляну к тебе.

— Помнишь, в Баку ты говорил, что собираешься в Берлин, — говорил Камо, а Житомирский тем временем изучал меню. — Кажется, на практику?

— Угу, — кивнул Сегаль. — Здесь я работаю в одной из глазных клиник. Запиши адрес. В Баку ты жаловался на больной глаз. Зайди как-нибудь, проверим.

— Вот этот профессор уже показывал меня врачам, — записав адрес Сегаля, Камо кивнул на Житомирского. — Выход один — операция.

— Обязательно загляни ко мне.

Камо пообещал непременно навестить Сегаля. Прошел день, Камо не появлялся, другой — его все не было…

— Вначале я и не подозревал, что за мной следят, — продолжал Сегаль, — разливая чай. — Когда ты не явился и на третий день, я почувствовал недоброе. «Не похоже на Камо, чтоб он пообещал прийти и за три дня; ни разу б не появился». Откуда

мне было знать, что шумиха, которую подняли берлинские газеты, имеет к тебе прямое отношение! Ведь я не знал, что ты и есть, Дмитрий Мирский, да еще австрийский подданный, страховой агент.

События тех дней получили широкий резонанс в газетах: на квартире арестованного террориста, проживающего по Эльзассерштрассе, 44, обнаружены динамит и «адская машина», предназначенная для взрывов.

— Вскоре я понял, что надо прервать врачебную практику и выехать из Германии, — продолжил Сегаль.

…Житомирский как в воду канул.

На следующий день хозяйка дома, где квартировался Сегаль, поставила все точки над «i».

— Доброе утро, господин доктор.

— Доброе утро, фрау Штильке, — ответил он и, заметив в ее руках номер газеты немецкой социал-демократической партии, сделал вид, что не обратил на это внимание. — Каждое утро вы сообщаете мне какую-нибудь новость раньше, чем газеты.

— Вот, пожалуйста, в газетах пишут, что поймали террориста. Дмитрий Мирский. Австрийский подданный. Вы его случайно не знаете? Хотя откуда вам знать? Он — террорист, вы — врач. Но, знаете, он приехал из вашей страны.

Для товарищей в «штабе» все прояснилось.

Дмитрий Мирский — это Камо. Все стало на свои места и для Гавриила Сегаля. А что с Житомирским? Он тоже арестован? Нет. Но почему? И где он в таком случае? Ему удалось выехать в Париж. Почему? Непонятно. Выходит, протеже арестован, а покровитель уехал? А что ему еще было делать? Как что? Остался бы, об камни б расшибся, а придумал бы, как спасти своего протеже. Но, может, Житомирский поэтому и уехал в Париж? Откуда вдруг взялось такое недоверие?

Сегаль решил ехать в Париж. Не исключено, что за ним тоже установлена слежка. Не стоит мешкать — немцы не любят кокетничать.

— А почему именно в Париж? — спросил Камо, отходя от окна. — Я слушаю, Гавриил. Так почему в Париж?

— Я хотел разыскать Житомирского, разобраться во всей этой головоломке.

— Но никто же не обязывал тебя заняться мной.

— Бессмысленный и неуместный вопрос. А будь ты на моем месте, совесть у тебя была бы спокойна?

— Нет.

— Ты бы тоже так поступил, верно?

— Совершенно верно. Продолжай!

— Вот я и решил не возвращаться в Баку, пока не найду его.

…Товарищи посоветовали Сегалю немедленно покинуть Берлин (он не уведомил никого, что намеревается разыскать Житомирского), и вечером того же дня он ждал на железнодорожном вокзале первого поезда на Париж. «Мне надо купить в Париже кое-какие инструменты. Здесь их не достать», — сказал он знакомым.

Якова Житомирского после недолгих расспросов нетрудно было отыскать. Они договорились встретиться во второй половине дня на площади у собора Парижской Богоматери.

Сегаль заметил Житомирского раньше, чем тот его. Он нисколько не изменился после их встречи на берлинской улице. На нем та же широкополая шляпа, те же очки, тонкие, в позолоченной оправе, то же легкое осеннее пальто и черные, до блеска начищенные туфли. Казалось, он пытался и улыбку сохранить прежнюю.

— Здравствуй Гавриил!

— Здравствуй, Яков!

— Давай пройдемся. Ты сюда по делу или как?

— Нет. Я собирался домой, хотел купить кое-какие инструменты. Решил с тобой увидеться. А ты тут как, очутился?

— Я бежал. Почему — ты уже знаешь.

— Знаю. Из-за дела Мирского. Ему теперь несдобровать.

— Задержись я немножко дома, сидел бы сейчас вместе с ним. На улице меня догнала жена и сказала: «Немедленно уезжай из Берлина. Тебя разыскивает полиция», — «С чего ты взяла?» — «Приходили с обыском, Мирский заявил в полиции, что в Берлине его устроил врач Яков Житомирский». Я уехал не сразу, перебрался на одну из явочных квартир, где пробыл несколько дней. Необходимо было выяснить некоторые подробности, связанные с делом Мирского, и обсудить организацию его побега. Понимаешь, Гавриил, его не обвинят как политического преступника. Русские сделают все возможное, чтобы немецкие власти передали его России. А виселица готова задолго до переговоров. Обвинение серьезное: динамит, револьверы, подрывная машина, которая до последнего времени являлась военным секретом французской армии.

— Ты же знал обо всем этом, Яков…

— Арест Камо — чистая случайность! Да, да! Наш товарищ стал жертвой случая. Во время разгона одной из сходок полиция набрела на его след. Она нашла записную, книжку одного из участников сходки, в ней был записан адрес Мирского:

«Эльзассерштрассе, 44». Я узнал об этом перед выездом из Берлина.

— Что же дальше?

— «Форвертс» предоставил Камо адвоката. Но он не стал с ним говорить, полагая, что тот полицейский агент. Тогда нам пришлось схитрить и надеть на палец адвоката мое кольцо. Камо узнал его…

Лицо Камо нервно передернулось, и Сегаль смолк.

— Ложь! Подлый провокатор!

Он вскочил с места и начал лихорадочно ходить по комнате, потирая руки.

— Не видел я ни кольца, ни адвоката! Моим адвокатом был Оскар Кон, кандидатуру которого предложили Карл Либкнехт и Леонид Красин. Подлый провокатор! Ладно, продолжай.

…С площади собора Парижской Богоматери они зашагали направо, к небольшой аллее, и сели там на скамеечке.

— Что ты намерен делать дальше? — спросил Житомирский.

— Поеду в Вену, оттуда, наверное, в Россию. Зачем мне тут оставаться? — Сегаль скрыл от Житомирского, что за ним уже начала следить полиция. — Практику я почти уже закончил, покупки сделаю в Париже. В Вене пробуду несколько дней, может, недельку.

— Оставь свой адрес. Будут какие новости, сообщу.

— Адреса у меня нет, — слова Житомирского его насторожили, но, не подав виду, он продолжил: — Возможно, остановлюсь в какой-либо гостинице. Напиши мне лучше до востребования, на главпочтамт. Буду каждое утро заглядывать на почту. Так удобнее всего.

— Пожалуй, — рассеянно согласился Житомирский, когда они собирались расстаться у дверей кафе. — Счастливого пути!

— Счастливо оставаться!

…Сегаль смолк. Он встал, взял с полочки карманные часы на длинной цепочке.

— Что будем делать?

Камо, встрепенувшись, переспросил:

— Что?

— Уже пятый час. Через пару часов с моря подует утренний ветер.

— Ты же не докончил.

— А разве не ясно? Я уехал в Вену…

…На венский центральный почтамт он зашел спустя три дня после своего приезда. Ему ничего не было. Утром четвертого дня, заглянув на почту, он вспомнил одну деталь. «У Камо был твой адрес», — как-то подчеркнуто произнес Житомирский.

«Допустим, — размышлял Сегаль, — допустим даже, что этот адрес и попал в руки берлинской полиции. Ну и что? Неужели отсюда следует, что Камо предал революционных товарищей? Нет, Яков, меня на мякине не проведешь».

На почте за окошком «До востребования» сидела хрупкая девушка, которая, сухо кивнув на приветствие посетителя, взяла у него паспорт и вернула его вместе *с* письмом из Парижа. Сегаль торопливо вскрыл конверт и, не отходя от окошка, пробежал глазами письмо, в котором было всего несколько слов: «Здравствуй, Гавриил! Камо тебя оговорил. Не советую возвращаться в Баку».

— Знаешь, братец ты мой, он-то думал, что рассчитал все верно — я б ему наверняка поверил, у меня не было никаких оснований сомневаться.

— Но ведь твой адрес действительно обнаружили у меня, и я сказал, что мне его дали в Баку. Личность Сегаля мне знакома, он стажируется в Берлине, и я должен был лечить у него глаз. Однако полиция разрушила все мои планы, я не успел повидаться с врачом. Вначале они мне не поверили, но я настоял оставить тебя в покое, потому что, я, мол, с тобой еще и не виделся.

— Я так и знал, — улыбнулся Сегаль. — Весной следующего года меня все-таки взяли на мушку в Баку. В один прекрасный день ко мне явился полицейский, стал расспрашивать… Ну вот и все. Из газет я уже знаю, что ты умудрился бежать, а сейчас воочию вижу, что ты на свободе. Утром скажешь, куда думаешь ехать: в Париж, Лондон, Берлин…

— Только не в Берлин, — сказал Камо. — Недаром я подозревал этого Якова, негодяя. Я его придушу этими вот руками… Ладно, давай спать. Четыре года я не спал по-человечески.

Четыре года.

…Что-то уже прояснилось для Камо. Он встретился, как и хотел, с Гавриилом Сегалем, убедился, что его подозрения насчет Якова Житомирского не были беспочвенными. Пожалуй, можно возвращаться в Тифлис и подумать о выезде за границу.

Сначала в Брюссель, а потом в Париж, господа!

Париж, улица Мари Роз, дом № 4.

В двух словах, безусловно, не расскажешь, сколько он преодолел трудностей, прежде чем через Константинополь добрался до этого дома. И вот, когда позади невзгоды, он не может никак, растолковать парижанке-горничной, что он — Камо и по очень важному делу должен увидеться с Владимиром Ильичом и Надеждой Константиновной.

Но ему недолго пришлось ждать. В коридор в домашнем халате вышла Надежда Константиновна и замигала удивленно:

— И это не сон? Кого я вижу?! Камо, ты ли это?!

— Да! — перепрыгивая через ступеньки, Камо взбежал наверх. — Здравствуйте, Надежда Константиновна!

— Ай-яй-яй! Камо, дорогой! Какая приятная неожиданность! Какое удовольствие ты нам доставил! Глазам своим не верю. Представляю, как Ильич обрадуется. Повесь вот сюда пальто и входи в комнату. Отогрейся и докажи нам, что у нас дома, в Париже, находишься ты, а не кто другой.

— Я это, я, Надежда Константиновна! Мне самому не верится, что я в Париже, что беседую сейчас с вами, что я цел и невредим.

— Невероятно! Просто чудо! — не переставала удивляться Крупская. — Ильич уже в курсе, что тебе удалось благополучно бежать из больницы. Знаешь, как он обрадовался! Несколько дней назад он говорил, что надо придумать, как тебя пригласить в Париж и заняться твоим здоровьем. Он скоро будет. Ты, конечно, проголодался. Сейчас что-нибудь сообразим…

— Спасибо, Надежда Константиновна, — Камо, улыбаясь, перебил ее. — У меня к вам просьба: скажите вашей Мари, пусть она купит мне миндаля.

— Хорошо, дорогой Камо. Мари!..

Разговорившись, они не заметили, как вернулась Мари с большой корзиной.

Раздался звонок в дверь. Крупская посмотрела на стенные часы.

— Наверное, Ильич.

Камо встал, сердце у него заколотилось. Крупская пошла открывать дверь.

До Камо долетел знакомый голос. Но это был не Ильич, в голосе чувствовался кавказский акцент.

— Что за дурацкий ветер в этом Париже, чуть уши не отморозил! Здравствуйте, Надежда Константиновна.

«Это же Серго! — и Камо кинулся к двери. — Что он тут делает? И Надежда Константиновна ничего не сказала, видно, хотела сделать сюрприз».

— Здравствуй, Серго, входи.

— Ильич дома?

— Ильича нет, но есть…

Нетерпеливый Камо уже стоял в дверях с распростертыми объятиями, когда на верхней ступеньке появился чернокудрый Орджоникидзе.

Он воскликнул:

— Батоно!

И бросился в объятия Камо. Все трое были взволнованы и радостны.

— Вот так-то, Серго, — слегка отстранив от себя Орджоникидзе, сказал Камо, — мы с тобой встречаемся в Париже. Ну что ты молчишь? Говори! Не бойся, я — это в самом деле я.

— Ты, батоно! Дай-ка на тебя поглядеть! Ильич только о тебе и говорит, — и Серго, обернувшись к вошедшей в комнату Крупской, добавил: — Знаете, Надежда Константиновна, а ведь он был моим учителем.

— Ладно уж, — возразил Камо. — Какой я тебе учитель?

— Здравствуй, Надя, — прервал Камо и Серго голос Ильича из коридора. — Я просто не понимаю этого человека, у него ума палата, но иной раз такое выдаст, что… — Ленин остановился на полуслове, — но ты меня не слушаешь, Надя, чему ты улыбаешься?

— Камо, — и Крупская показала на кухню.

— Кто? Что ты говоришь? Камо?! — и он обнял Камо, потрепал по плечу. — Во сне ты или наяву? Дай поглядеть. Ну да, он это, Надя. Давай снова здороваться. Здравствуй, здравствуй, родной!

— Я, дорогой Ильич. Я это.

— Садитесь, друзья, что вы встали? Камо, Камо! Рассказывай давай, рассказывай! — Ленин обратился к Крупской. — Надя, ты нас, конечно, не оставишь голодными. Чем будешь потчевать?

— Миндалем, — улыбнулся Камо. — Мы с Серго лакомимся миндалем.

— Что вы стоите! — сказал Ильич. — Садитесь!

Серго сел, Камо, все еще взволнованный, продолжал стоять.

— Владимир Ильич, позвольте поблагодарить вас за деньги и за внимание, проявленное ко мне. Я знаю, вы были в стесненном положении и сильно заняты, но нашли и для меня время…

— Нашли время! — прервал его Ленин. — А какую ты проделал работу! Я хочу, чтоб ты сам все рассказал, а то узнаешь все со слов других. А они, возможно, что-то не договаривают, что-то преувеличивают, а?

— Рассказывай, учитель! — сказал Серго.

— Опять «учитель»! — рассердился Камо. — Я же просил не называть меня так!

— Владимир Ильич, — сказал Серго, — Камо обижается, когда я называю его учителем: дескать, я всего на четыре года старше тебя, какой из меня учитель? Но ведь он научил меня революции.

— Научил революции? Интересно!

— Это было в девятьсот третьем году, Владимир Ильич, —

сказал Серго, — я ходил к Камо в типографию за листовками, распространял их. Я был наслышан о нем, но не был знаком, и постоянно интересовался этим смелым печатником. Я видел его то в одежде грузинского князя, то кинто, то прачки. Однажды он спросил у ребят: «Кто этот худющий черноглазый парнишка с этакими кустистыми бровями да изящными усами?» Ему ответили, что это имеретинец Гиго Орджоникидзе. «Бойкий, видать, парнишка», — сказал он нашим товарищам. Когда я в очередной раз пришел за листовками, он задержал меня: «Послушай, пострел, я беру тебя к себе в помощники». Мне не понравился его самоуверенный тон, и я, чтоб не остаться в долгу, ответил: «К кому в помощники: князю или прачке?» Он рассердился: «Мальчишка, когда-нибудь за дерзость тебе отрежут уши!»

— Я почувствовал, что обидел его, — Камо перебил Серго, — смягчился и сказал: ладно уж, давай руку, помиримся. Я — Камо.

Ильич улыбался:

— А дальше?

— Он пользовался авторитетом, уважением, я был пленен им, — сказал Серго. — Мы помирились, и он повел меня в императорский театр разбросать листовки. На сцене показывали «Ромео и Джульетту», в зале сидел «цвет» городского общества. Это и стало первым уроком в моем обучении…

— Да, так вот и начинали, Владимир Ильич, — заговорил Камо. — Какое время было! А сейчас как быть? Всю дорогу, начиная с Батума, где я сел на пароход с паспортом турецкого купца, до Парижа я задаюсь вопросом: ну почему, почему так произошло, почему мы потерпели поражение? Четыре года я был оторван от всего мира, от друзей, знакомых… Не знаю, с чего и начать. Поэтому я и пришел, пришел за ответом, за советом. Я хочу узнать у вас, почему все так случилось, почему я зря потерял четыре года, которые длились для меня целую вечность? Почему мы доверились Житомирскому, почему я, мои товарищи и добытые с таким трудом деньги угодили в руки охранки? Я сомневался в Житомирском, не доверял ему до конца, но он действовал безупречно.

Камо разволновался, не заметив, как вскочил с места. Ленин перестал расхаживать по комнате, положил руку ему на плечо:

— Сядь, не горячись так. Рассказывай, меня пытались убедить, что ты сверхчеловек.

— Сверхчеловек? Сверхчеловеки те, кто нечеловеческими методами мучают нас. Я всего лишь солдат революции, и то, что я сделал, нужно было революции. Нужно было, Владимир Ильич, поэтому я и сделал! Может быть, у меня получилось чуть лучше,

чем у других, только и всего…

Ленина взволновали и удивили слова Камо.

— Слышишь, Надя? — и снова обернулся к нему. — Спасибо, дорогой Камо. Расскажи хоть о своем побеге. Никому не верилось, что смертная казнь минует тебя. Трудно было представить, что ты благополучно вырвешься из Метеха. Ты задал нам хорошую головоломку. Мы никак не могли найти выход.

— Мой побег, Владимир Ильич, яркое проявление солидарности разных наций, — гордо заявил Камо. — Я сейчас назову имена организаторов побега, и вы в этом убедитесь. Игнатий Брагин, из Пензенской губернии, русский. Могу назвать грузина — Котэ Цинцадзе. Хотите армянина? Пожалуйста — Джаваир Тер-Петросян. Кто еще? Алипи Цинцадзе, Андрей Григорьев, Нестор Кахетелидзе, Павел Жданков, Павел Нестеренко, Илья Гарцев, Арусяк Тер-Петросян… Эта вот солидарность и взяла верх над Метехом и царизмом!

— И еще твоя смекалка.

— Мы верили, что ты не дрогнешь, — сказала Надежда Константиновна и обратилась к Ленину: — Обед уже готов.

— Очень хорошо! Надя, — пошутил Ильич, — постараемся так накормить сегодня Камо, чтоб он забыл о своих тюремных голодовках.

— Мы должны довести нашу борьбу до победного конца, — сказал Камо.

— Да, да, до победного конца, до победы социалистической революции в России, — Ленин опустился на стул. — Это временное отступление. Ладно, что-то мы с вами разговорились, а обед стынет. Я попозже скажу, что делать дальше. Надя, не найдется ли у нас коньяка?

Серго и Камо переглянулись.

— Мы не хотим пить, Владимир Ильич, — сказал! Камо.

— Вместо коньяка, Владимир Ильич, я лучше покажу Камо Париж, — сказал Серго.

— Я не против, — сказал Ленин, когда Камо и Серго встали. Взглянув на легкое осеннее пальто Камо, которое тот собирался надеть, он сказал: — Ты приехал в Париж в этом пальто? Зима ведь на носу. А еще собираешься ехать в Бельгию, Грецию, Турцию?

— Я хорошо переношу холод, Владимир Ильич.

— Нет, дружок, тут не мудрено, простудиться. Особенно на море. Тебе необходимо теплое пальто. Надо что-то придумать. Я сейчас. Надя!

Крупская пришла с кухни.

— Надя, принеси, пожалуйста, мой: плащ, что мама

подарила.

Крупская ушла в спальню и вернулась с серым плащом. Ленин взял его и сказал:

— Вот в нем ты не замерзнешь. Надевай!

— Владимир Ильич, — растроганный Камо не знал, как быть. — Ну зачем, не стоит. Серго, ты видишь? Ну что мне делать?

— Никаких возражений, — сказал Ленин. — Это подарок моей матери, она его купила в Стокгольме, он очень теплый. Тебе не следует простужаться, дорогой.

— Нет, не возьму! — упорствовал Камо. — Это подарок…

— Я же сказал, никаких возражений! Теперь можете отправляться с Серго на прогулку. А у меня тут статья недокончена, и пока вы вернетесь, я ее закончу. Погуляйте, и потом я скажу, Камо, что тебе делать.

…Был прохладный осенний вечер. Армянин с грузином, беседуя по-грузински, шагали по плитам Монмартра. Скоро этот армянин отправится из Парижа в Германию и Турцию, чтобы организовать для русских революционеров переправку нелегальной литературы и оружия через Болгарию.

Затем Камо снова должен появиться в Тифлисе.

…Вернувшись из-за границы, Камо направился в Москву, навестил Никитича, рассказал о своей встрече с Лениным и попросил оказать ему небольшую материальную помощь. Никитич был удивлен, что Камо вновь собирается сколотить боевую группу и совершить экс.

— Немножко оружия я прихватил с собой. Теперь нам нужны деньги, а их нет.

— Вот тебе деньги, покупай оружие и будь благодарен, если тебе дадут за них несколько винтовок, — сердито сказал Никитич и положил на стол сторублевку. — Купи лучше на эти деньги билет и поезжай в Болгарию. Выкинь из головы покупку оружия и года два не смей показываться в России! Неужели ты не понимаешь, что не время сейчас, что для новой революции необходима кропотливая и терпеливая подготовка масс — без спешки, без горячки? Разве не то же самое говорил тебе Ленин в Париже?

— То же самое, но я не могу сидеть сложа руки. Увидел бы он эту нашу спячку, может, не так бы со мной говорил. Терпеливая подготовка требует терпения, а его у меня нет, и я не хочу им обзаводиться. Мне нужно оружие, и я обзаведусь оружием! Пойду я. До свидания, Леонид Борисович. Деньги я потом верну. Нет, все-таки дела у нас, видать, плохи.

— До свидания, Семен Аршакович, все же ехать в Тифлис небезопасно.

…Ехать в Тифлис небезопасно — Камо вспомнил слова Никитича, когда шел к Гиго.

Гиго — Григорий Осипович Матиашвили, муж Софьи Егоровны, великолепный спец по бомбам. Софья Егоровна была из дворянского рода, она часто спорила с мужем и, поссорившись с ним, уходила с маленькой дочкой Зиной к своим родителям, грозилась разводом. Она требовала, чтобы муж подыскал другую, более подходящую работу, а Матиашвили занимался только выполнением партийных заданий, изготовлением бомб и гранат.

Сейчас в доме Матиашвили царил «покой», которому недоставало только присутствия Камо, а тот как раз направлялся к ним по Великокняжеской улице.

— Гиго, это я.

— Проходи, я уже кончаю. Динамит готов. Софья Егоровна опять устроила мне развод.

— По-твоему, это пустяк? А глядишь, история нами заинтересуется. И ты должен суметь держать перед ней ответ. Не думай, что мы родились с тобой случайно. Случайно рождаются цари, наместники, председатели трибуналов и начальники тюрем. Революционеры рождаются не случайно и не случайно становятся революционерами.

— Опять расфилософствовался. Ладно, но зачем забегать вперед? Давай все по порядку. С чего же ты начнешь нашу с тобой историю?

— С Царьграда…

…Царьград, он же Константинополь.

В предместье Феракуса находился монастырь грузинских католиков «Нотр дам де лурд». Монахи носили обычную одежду, молились, как обычно, богу, а если кого-нибудь из них вы увидите в гражданской одежде или в офицерском мундире уезжающими в Батум или Одессу, то не удивляйтесь. Они обыкновенные люди и, вознося молитвы богу, вместе с тем выполняют и свой общественный долг и обязанности.

Вон шагает между обнаженными деревьями монах с коренастым, среднего роста молодым человеком и дает ему какие-то наставления. Они непринужденно беседуют. Никого поблизости не видно. Личность монаха многим была незнакома. Известно только, что его называют отец Бернардо и он прекрасно поет по-грузински. Когда он пел в церкви «Санта Анна», яблоку негде было упасть.

— Из Болгарии прибыл транспорт с оружием. Маловато, но

лучше столько, чем вообще ничего, — говорит отец Бернардо. — Я отправлю это в Трапезунд, восемнадцать фунтов динамита. Твоя задача — съездить туда, встретить транспорт и переправить его в Одессу. Вот тебе паспорт. Тюк получишь по этому паспорту, а что делать дальше, знаешь. В Одессе тебя встретят надежные люди. В Батум ехать нельзя. Я так соскучился по Батуму! Эти «игрушки» так необходимы там. Но партийное задание таково: доставить оружие в Одессу и передать товарищам. Ох уж эта Турция, недоброе что-то затеяли младотурки. Они начали травлю христиан, и в первую очередь, конечно, возьмутся за армян, если уже не взялись. «Бей христиан!» — вот высшее достижение, к которому они пришли за все время своего существования…

— О какой же тогда революции и прогрессе они разглагольствуют?

— Революция? Лозунги! Талаат-паша возглавляет волчью стаю, а не революционеров. Революция — ширмочка для их темных дел. Не удивляйся, если завтра эти самые младотурки, называющие себя поборниками прогресса, нагло объявят, что, дескать, армяне напали на них, а они только защищались. И главы великих держав, потакая, да-да, потакая гонениям на турецких христиан, а не просто глядя на это сквозь пальцы, заколеблются: мол, видимо, турки поступают правильно, иначе зачем им, будучи столь сильными в собственной стране, истреблять невинный народ?

— Кто владелец этого паспорта? Ты его знаешь?

— Знаю: Никола Трайчев. Болгарский революционер. Как-нибудь познакомлю вас, Гиго. Трайчеву можешь доверять, как мне. Я приехал в этот город с заданием установить связь с младотурками. Они ведь — «революционеры и поборники прогресса», поэтому исподтишка, окольными путями помогают всем тем, кто враждебно настроен к России. Я встретился с одним полковником, который в прошлом был грузинским князем. Но меня обманули. А когда я попросил обратно привезенные деньги, мне пригрозили тюрьмой. Что им стоило разделаться с грузином-чужестранцем, снести ему голову в два счета? Времени было в обрез, я торопился. Проклиная и себя и их, потеряв всякую надежду, я не знал, что делать, и вот тогда я и встретился с грузинскими рабочими. Они-то и познакомили меня с Николой Трайчевым. Он раздобыл паспорт на имя Семена Савчука и с рекомендательным письмом отправил меня в Болгарию…

Был один из дней 1912 года. Камо пришел на Великокняжескую улицу к Григорию Матиашвили и нашел его в подвале за приготовлением «адской машины».

— Эх, Гиго, Гиго! Софья Егоровна права, когда грозит тебе разводом. Вот и сейчас она возьмется за свое, а тебе чуть свет надо ждать меня на Саперной улице, 14.

Еще чуть только брезжил рассвет, когда они заняли свои места на Коджорском шоссе, по которому должна была прибыть в Тифлис почтовая карета с деньгами. Но операция провалилась, и они сами еле унесли ноги.

Однако Камо не отчаивался.

Не отчаивалась и царская охранка.

Закрытый экипаж под усиленной охраной, в сопровождении двух всадников-конвоиров выехал со двора окружного суда и двинулся к Метеху.

В экипаже между двумя жандармами сидел закованный в цепи заключенный, он напевал себе под нос и считал.

Двадцать лет…

Подумать только — двадцать лет!..

Однако конец мог быть и гораздо более плачевным: смертная казнь через повешение. Еще до приговора Камо смирился уже с мыслью о смерти, как вдруг ему объявили о помиловании: Романовы решили торжественно отпраздновать трехсотлетие своего правления.

На заседании суда Камо держался весело и беспечно. Он сбрил бороду и подстриг усы, приоделся как мог и выглядел на несколько лет моложе. Он был в своей стихии — держался гордо, точно орел величественных кавказских гор.

Не счесть, сколько было допросов. У каждого были свои вопросы — у помощника председателя суда Чемесова, членов суда Ястржебского, Иляшенко, врачей Бродзели, Зенкевича, Яшвили, секретаря-помощника Березного, помощника прокурора Ткачева… И много, много статей, по которым его обвиняли.

Прошел месяц после ареста Камо. Его арестовали десятого января. Та же участь постигла и других участников и организаторов операции: Самуила Купрашвили, Григория Матиашвили, Михаила Кикнадзе, Николая Романова, Мартироса Лоладзе, Вано Майсурадзе, Константина Мартирузова, Геворка Шиоянца, Ивана Гогинашвили, Абрама Грикурова, Ольгу Джавахову, Астхик Тер-Аракелову, Тиграна Вахтангова, Александра и Поликарпа Доброжанских, Багдасара Сафарова…

На сей раз им сильно не повезло, в них вцепились мертвой хваткой — за разбойное нападение 24-го сентября 1912 года на почтовую карету с деньгами.

Неудачная попытка.

Хотя готовились они долго, тщательно, соблюдая все меры предосторожности.

Динамит, привезенный из Алаверди Асатуром[12], был доставлен в Авлабар к Мартирузову в подвал его аптеки, бывшую вне всяких подозрений. Если сверху не раздавался громкий топот Мартирузова, работа в лаборатории кипела. При появлении подозрительных лиц он стучал ногой по полу.

Так готовились бомбы.

Однако затея провалилась.

В нападении на почту участвовало восемь человек. В кареты с денежной почтой они бросили три бомбы, трое стражников и кучер были убиты. Почтальона в одного из конвойных ранило. Раненый стражник не растерялся и открыл стрельбу. Камо был ранен в руку.

Полиция напала на след Камо и его группы. Четыре месяца за ними денно и нощно следили. Полиция не спешила, желая взять всех разом.

Каждого из членов боевой группы Камо шпики знали по кличке, которую дали им сами: «Рыжим» был Григорий Матиашвили, «Инкогнито в легком пальто»— Мартирос Лоладзе, «Почтовый чиновник»— Багдасар Сафаров, «Черноусый» — Камо.

Был холодный вечер. Ветер то шаловливо подхватывал на лету первые снежинки, то завывал и мел поземку, то дул в лица прохожим. Приподняв воротники длиннополых пальто, по Военной улице торопливо, но с опаской шагали трое. Они вошли в телеграфную контору, а выйдя оттуда, свернули на улицу Броссе, и здесь Камо и Григорий расстались с князем Константином Микеладзе.

Когда в конце улицы смолкли шаги Микеладзе, Камо услышал за спиной приказ:

— Ни с места!

Дуло револьвера коснулось его затылка.

Другой голос приказал не двигаться Григорию.

Камо моментально оценил ситуацию: сопротивляться было бесполезно — их окружили.

— При попытке к бегству приказано стрелять!

— Сдаемся, — подчинился Камо.

Григорий молчал.

— Явились, голубчики! — начальник уголовного отделения одиннадцатого полицейского участка на радостях не сразу нашарил под собой стул, чтоб сесть.

— Вы не имеете права, мы иностранцы, — Камо предположил, что их, возможно, арестовали по недоразумению, и ухватился за соломинку. — Мы иностранные подданные. Это

нарушение международных прав. Я протестую!

— Предъявите ваши документы, господа.

— Прошу.

Камо протянул паспорт. Николас Фифас, гражданин Греции. Паспорт № 1890. 28 апреля 1912 г. Главный русский консул. Подпись.

— А ваш? — начальник отделения, держа за кончик паспорта, постукивал им по левой ладони.

— Прошу, — Григорий достал паспорт из нагрудного кармана.

Начальник отделения внимательно прочитал:

— Никола Христиевич Трайчев. Болгарский подданный. Паспорт № 214. Болгарский консул в Царьграде. Подпись.

— Да, — подтвердил Камо.

— Слов нет, документы в порядке. Что ж, а теперь вас представлю я! — сказал начальник полицейского участка, обращаясь к Камо, в кармане которого во время обыска был обнаружен еще один паспорт на имя дворянина Кутаисской губернии Михаила Кациевича Жгенти. — Вы, уважаемый Жгенти, — житель города Гори, мещанин Семен Аршакович Тер-Петросян, всемирно известный преступник по кличке Камо, он же Дмитрий Мирский, «гениальный сумасшедший». Организатор неудавшегося нападения на Коджорском шоссе. А вы, — он повернулся к Матиашвили, — Григорий Осипович Матиашвили, а не господин болгарский подданный Никола Трайчев. Вы из села Сартачалы Тифлисского уезда, вы же «Дедаши Гиго», знаменитый мастер по изготовлению бомб. Вас также ждет смертный приговор, в лучшем случае каторга. Финал столь интереснейшей биографии не может увенчаться лаврами. Только виселица. Можете не сомневаться.

2-е марта 1913 года отошло в историю, ознаменовавшись четырьмя приговорами Тифлисского окружного суда — приговорами к смертной казни: за участие в вооруженном восстании 1905 года, за организацию 13 июня 1907 года на Эриванской площади экспроприации 250 тысяч рублей из государственного банка, за побег 15 августа 1911 года из Михайловской тюремной больницы, за попытку 24 сентября 1912 года похитить на Коджорском шоссе денежную почту, вследствие чего погибло четыре человека.

Ни один из четырех приговоров не подлежал кассации. Но как раз в те дни отмечалось трехсотлетие царствования дома Романовых, и в связи с этим празднеством по всей стране была объявлена амнистия приговоренным к смертной казни.

И на сей раз он миновал виселицы.

Закрытый экипаж под усиленной охраной вез его из окружного суда в Метех, откуда он уже не сумел сбежать.

Товарищи тщательно готовили побег, подкупили тюремных надзирателей за крупную взятку передали Камо веревку и напильник.

Окно камеры выходило на Бахкальную улицу. На ней, впритык к тюремной стене, была сторожка, а на противоположном тротуаре — чайная. В назначенный день Асатур Кахоян и Арусяк пришли в чайную, уселись на балкончике второго этажа, оттуда хорошо просматривалось зарешеченное окно Камо. Собирался дождь, дождь непременно должен был пойти, потому что он был их единственной надеждой. Они поглядывали на небо и мысленно умоляли его послать дождь. Тогда б сторож скрылся в будочке, и Асатур с Арусяк желтым светом фонарика послали бы сигнал Камо, дескать, можно спускаться. Камо уже перепилил прутья решетки, замазав распилы хлебным мякишем. Дождь не пошел, сторож не вошел в будку, и внизу, в ночной темноте загорелся красный свет, то есть спускаться нельзя, сторож пристрелит на месте.

Через два дня, обходя камеры, начальник тюрьмы обнаружил надпиленную решетку. Камо перевели в камеру смертников.

…Закрытый экипаж громыхал по булыжнику, конский топот эхом отдавался в ушах, укачивая мысли о прошлом и будущем.

Экипаж остановился. «Наверное, доехали». Это был Метех. Здесь он пробудет два года.

«Свергли даря, во главе правительства встал Керенский. Революция победила, но нам нужна была не эта революция. Временное правительство издало указ арестовать Ленина и большевиков, ушедших в подполье. А меньшевики торжествуют, теперь они у кормила власти…

Но мне-то вроде грех жаловаться на свою судьбу и на Временное правительство. Ведь новое правительство многих амнистировало, и меня в том числе. И вот я вышел из Харьковской каторжной тюрьмы…»

В Тифлисе была беспощадная августовская жара.

Он стоял на большом мосту через Куру и, погруженный в свои мысли, рассеянно смотрел на мутную воду. «Сколько лет ты несешься так, река! И все не убываешь. Потому что ты сильная. Не то, что я. Десять — пятнадцать лет я воюю против этих властей, и вот силы мои иссякли. Я превратился в тепличное растение — побледнел, ослаб, кожа да кости остались».

Все на нем было белое: туфли, брюки, легкая, аккуратно

выглаженная сорочка. Впалые щеки чисто выбриты, глаза — запавшие, полные грусти. «Куда ты все время так бежишь, река, а?»

Он страшно устал. Не давали покоя боли в желудке. «Нет, я закрываю свои счеты с этим миром. Не выдерживаю больше. Брошусь в Куру и дело с концом». Он не мог собраться с мыслями. Уже полгода на свободе. Съездил в Баку, встретился с Шаумяном, приехал в Тифлис, недолго тут пробыл, подался в Москву, снова приехал в Тифлис. Он не знал, что ему делать, не мог найти себя.

Он выбился из сил.

Угрюмо неслась Кура.

«Надо в Петроград съездить, к Ленину. Только он скажет, как мне быть». И вспомнил Париж, когда он после Метеха не знал, чем заняться. Съездил в Париж, к Ильичу. «Лечить глаз и отдыхать, — сказал Ленин. — Заняться своим здоровьем».

«Нет, как видно, надо будет восстановить силы, а не то вместо того, чтобы с головой кинуться снова в борьбу, ношусь с дурацкой мыслью окунуться в Куру. Мне надо подлечиться. Иначе поступить *я* не имею права. Джаваир просто молодчина, что уговорила-таки меня, отвела к врачу. Врач сказал, что только лечение восстановит мое пошатнувшееся здоровье».

Здоровье, которое он потерял в огне сражений, психиатрических больницах и тюрьмах. Последним его испытанием был Харьков.

…Харьковская пересыльная каторжная тюрьма. Главный корпус, второе отделение, пятнадцатая камера.

Не будь решеток на окнах, не будь вооруженного конвоя у сторожевой будки и электрических проводов над высокими стенами, здание можно было бы принять за фабрику. И не будь, конечно, согнанных сюда арестантов с разных концов России, в основном уголовников. Если б не все это…

Помощники начальника тюрьмы Лукьяновский и Семеновский, ярые монархисты, гроза политзаключенных, даже не поинтересовавшись, кого именно пригнали по этапу, приняли колонну, сосчитали, сколько «голов», и распорядились:

— Растасовать!

В камере, куда бросили Камо, было человек десять.

— Ты кто будешь? — подошел к нему один из «хозяев» по кличке «Нос», когда он пристроился со своим нехитрым скарбом в камере, — Рецидивист?

— Нет, политический, — чтоб пресечь расспросы, отрезал Камо.

— Ого! — обрадовался любопытный заключенный, — против

царя, стало быть, а?

— Ага, против царя.

— А обувка у тебя, кажись, добротнее моей. Придется меняться, — снова заговорил высокий худой арестант, смерил Камо с головы до ног и обернулся к сидевшему посередке высокому рыжему мужчине — Иван Иваныч, я хочу, чтоб его туфли стали моими.

— Коль хочешь — они твои. Бери! — послышался голос Ивана Иваныча.

— Слышишь? «Батька» говорит, чтоб ты по доброй воле отдал мне туфли, не то худо будет, — и приставил к его горлу нож.

— Убери нож, сниму сейчас, — сказал Камо.

Камо безропотно скинул туфли, протянул их «Носу» и под его удивленным взглядом снял также теплую блузу и принялся расстегивать штаны:

— Бери и это. Носи на здоровье, чтоб не простудился и меня чтоб не беспокоил.

И босиком, проталкиваясь сквозь рассевшихся на полу заключенных, он подошел к тому, кто сидел на единственном стуле в камере и которого величали «Иван Иваныч».

— Кто тут самый сильный? — спросил Камо. — Кто вожак? Не вы ли, которого «батькой» величают?

— Гляди-ка, вежливый какой! Интеллигент! Долой царское самодержавие! Ты можешь письменно или устно пожаловаться тюремному начальству, и тебе вернут туфли, — расхохотался Иван Иваныч.

Это было уж чересчур.

— Послушайте, вы, — Камо не выдержал. — Если вы соблюдаете установленные вами законы, то давайте, подходите по очереди, попытайте счастья, покажите себя. Кто первый? Может, вы, уважаемый «батька» Иван Иваныч?

Ошарашенный Иван Иваныч лениво выпрямился, увидел горящие глаза Камо, смерил взглядом его босые ноги на цементе.

— Я? С какой стати? Пусть «Нос» защищает свое право на туфли. Расступись! «Нос», он хочет взять свои туфли обратно, если ты их, конечно, вернешь.

В ответ «Нос» пренебрежительно загоготал.

— Я готов, — Камо встал посреди образовавшегося круга.

«Нос» лениво достал из кармана платок и, приблизив его к лицу Камо, хотел схватить его за нос.

Ударив «Носа» под дых, Камо, не мешкая, схватил его левой рукой за кисть, правой — за локоть и, перекинув его через плечо, швырнул к ногам Ивана Иваныча..

Круг уголовников ахнул, а Камо преспокойно, будто ничего и

не произошло, принялся надевать туфли. Двое схватились за ножи.

— Ни с места! — заорал Иван Иваныч и кивнул на «Носа» — Плесните на него воды. — Поднявшись, он подошел к сидевшему на полу Камо и подал ему руку: — Держи!

Камо ухватился за протянутую руку и встал. Иван Иваныч усадил его на стул и радостно спросил:

— Как это ты его, а? — и, обернувшись: — Не очухался еще, что ли? Плесните еще воды. Ну, браток, хоть ты политический, но давай, так сказать, будем уважать друг друга. Сейчас мы дадим тебе имя, таков у нас порядок — в тюрьме у всех должна быть кличка. Будешь ты «Большим Иваном», хотя ты и не светлый.

— Согласен, — сказал Камо. — Но видно, меня скоро уведут отсюда.

— Почему?

— Да как сказать, браток. Жаль не знакомы вы с надзирателями Метеха и Моабита, они б тебе рассказали.

— А ты, видать, крупная птица. Сколько годочков на тебя взвалили?

— Двадцать лет, вместо смертной казни. — И Камо очертил вокруг шеи петлю. — Этаким вот манером.

— Ну да?

— Да, браток. — И обернулся к зашевелившемуся «Носу» — Негоже так, браток, тренироваться надо. И нож ни к чему.

— А расскажешь, за что двадцать лет схлопотал? — поинтересовался Иван Иваныч.

— Ежели не переведут меня от вас, расскажу. А теперь позвольте мне после столь «мирного» знакомства малость поспать.

— Освободите крайние нары! — распорядился Иван Иваныч. — И снова спросил: — Расскажешь, значит, как-нибудь?

— Расскажу.

…Его биография, вместившаяся в пухлую папку «Личное дело государственного преступника Семена Тер-Петросянца», была еще в дороге. Пока «дело» Камо шло по почте, он находился под покровительством Ивана Иваныча.

В Харькове и в Тифлисе март одинаково холодный, как и январь, и никому не хочется выходить во двор на прогулку. В тюремном дворе разгулялся ледяной ветер, то разметая снежинки, то сгоняя их вместе, заставляя заключенных опускать уши шапок.

Всех, кроме Камо. Он был без ушанки, с наголо обритой головой.

— Послушай, браток, не думай, что нам прогулочку устраивают. Летом черта с два тебя выведут во двор. Заставят тебя в самое пекло вкалывать, потом ног под собой не будешь чуять. Это — мера наказания, а не прогулка. Напрасно ты не носишь шапку, — говорил Иван Иваныч, шагая рядом с Камо.

— Привычка у меня такая, — ответил Камо. — Главное, ноги не простудить. Ноги будут в тепле — и голова не замерзнет.

— Это точно. Да только ты мне мозги не пудри, браток, — Иван Иваныч рассмеялся. — Просто тебе не хочется снимать шапку перед этими псами. Ты хитрый армянин.

— Хитрый армянин? — Камо горько улыбнулся. — Если б только мы действительно были хитрыми… Мы, Иван Иваныч, всегда были мирным и простым народом, жили только своим трудом, а за свое существование мы платили реками своей крови. Ты еще не знаешь, что такое турецкий султан, турецкий паша, турецкий аскяр. Ты понятия не имеешь о Западной Армении, где в эту самую минуту младотурки, эти изверги, вырезают армян. Случай как-то свел меня с министром внутренних дел Турции (знал бы он, что я армянин!), но мне так и не удалось пристрелить его, и вот этот министр и его единомышленники сейчас истребляют тысячи, десятки тысяч армян…

Камо не знал, что спустя месяц после этой беседы варварство младотурок достигнет своей кульминации, начнется геноцид армян — одна из самых чудовищных и позорных страниц в истории человечества.

— Марш в помещение! — прервала их беседу команда надзирателя.

…Размещая политических, об их роде-племени не расспрашивали, поместили вместе с уголовниками, дескать, «блатные их научат уму-разуму».

Раскрыв «Дело государственного преступника Семена Тер-Петросянца» и узнав на фотографии заключенного, шагавшего во дворе с непокрытой головой, начальник тюрьмы особого удовольствия, конечно, не испытал. Он не стал вчитываться в бумаги — любопытство и попозже можно удовлетворить, а сейчас надо распорядиться насчет этого заключенного: шутка ли, двадцать лет сроку — ясно, что он не шею курице свернул.

— Интересная личность, — обратился он к своим помощникам Семеновскому и Лукьяновичу. — Эриванская площадь, «гениальный сумасшедший», поводивший за нос врачей, бегство из больницы Метехской тюрьмы и опять — бомбы, взрывы…

— На сей раз взорвется он сам, — заверили помощники, злорадно улыбнувшись.

— В одиночку и под строжайший надзор. Запретить работы в мастерской и во дворе. Действуйте!

Иван Иваныч и компания попытались воспротивиться, не дать, чтоб Камо переместили в карцер. Но жандармы наставили штыки: «Молчать! Ни с места!»

— Прощайте, ребята — с грустью сказал Камо, забирая свой потрепанный мешок.

…В мартовском Харькове весна еще не чувствовалась. Ветер взъерошивал волосы, обдавал лицо снежинками, пробирался во все дыры одежды.

В камере было сыро и холодно, особенно в той, что предназначалась для «особо опасных» — полутемный подвал, прозванный «японским». Да к тому же еще и грубое обращение Лукьяновича и Семеновского, которые не упускали случая поупражняться с плетью, избивая Камо.

Ноги и руки в цепях, только мысли парят свободно — бежать, бежать, бежать! — Надежда не покидала Камо.

Как-то Иван Иваныч сказал, что раньше заключенные «умирали» и их переносили в мертвецкую, откуда «покойнички» бежали. Рискованный побег, но Камо решил попытаться. Начал подсыпать себе в чай махорку и пить. Он побледнел, осунулся, — как есть покойник.

В это же время он пишет письма сестрам, давая понять Джаваир, чтоб она «постаралась устроить дела Андрея, так как он любит все делать скоро или начнет печалиться… Очень, очень рад твоему решению, что ты хочешь на свой счет дать возможность Андрею окончить университет. А что касается времени, — то три или четыре месяца не очень много. Но только прошу, чтоб именно через четыре месяца была дана возможность окончить, а то всяческое откладывание на учащихся вообще отзывается плохо, а на Андрее особенно».

Тифлисской партийной организации не составило труда расшифровать письмо к Джаваир. Понятно, что «Андрей» — это сам Камо, «университет» — тюрьма, «была дана возможность» — было подготовлено все необходимое для организации побега.

Когда Джаваир приехала в Харьков и выхлопотала свидание с братом, Камо уже завершил курс «умирания» посредством махорки. Джаваир ужаснулась при виде его пожелтевшего лица. Потрясенной сестре он дал понять, что пьет махорочный настой, чтоб «умереть».

На следующий день заведующий тюремной коробочной мастерской Вайн, с которым Джаваир наладила контакт, срочно вызвал ее к брату и предупредил, что побег таким образом опасен и не удастся. Во время свидания она рассказала Камо о своем

«сне»: якобы Андрей умирает, но врачи этому не верят и в мертвецкой деревянным молотом ударяют его по голове, потом несут хоронить.

Камо не знал, что в тюрьмах так было принято.

Идея «смерти» отпадает, и Джаваир едет в Тифлис в поисках новых путей побега. Когда новый план был разработан и Джаваир собиралась уже в Харьков, 5 августа 1916 года ее арестовали и вместе с членами Кавказского бюро партии бросили в тифлисскую губернскую тюрьму.

Минуло семь месяцев, и Камо был освобожден, попав под общую амнистию Временного правительства.

ОТРЯД УХОДИТ НА ЮГ

Москва, 1919 год.

Интернациональная группа, руководимая Камо, отправляется в трудный поход в Баку через Астрахань, Каспийское море. Ее цель — передать большевистскому подполью Кавказа деньги, оружие и боеприпасы, при возможности проникнуть в тыл Деникина. В составе группы 16 революционеров. Вот они: Аболь Ян — 24 года, член партии с 1917 года, рабочий, латыш; Александр (кличка Высокий) — коммунист, грузин; Благовещенский Дмитрий — 19 лет, член партии с 1918

года, русский; Казаринов Андрей — 20 лет, член партии с 1919 года, из крестьян, русский; Куталадзе Павел — 18 лет, беспартийный, из крестьян, грузин; Литвейко Аня — 20 лет, член партии с 1917 года, работница, русская; Манучаров Михаил — старый большевик, член партии с 1906 года, рабочий, армянин; Махарадзе Александр (Сандро) — 23 года, военный, член партии с 1916 года, грузин; Новиков Филипп — 25 лет, беспартийный, матрос, из крестьян, чуваш; Новикова Анна (кличка Иван Иванович) — 19 лет, член партии с 1918 года, из крестьян, русская; Папян Ася (кличка Сатана) — 19 лет, член партии с 1918 года, учащаяся, армянка; Разин-Аксенов Роман — 21 год, член партии с 1917 года, рабочий, белорус; Страдзин Петр — 19 лет, член партии с 1918 года, рабочий, латыш; Фролан Николай (Донской) — 20 лет, член партии с 1918 года, шахтер, украинец; Хутулашвили Владимир — старый большевик, грузин; Щетников Михаил — 19 лет, член партии с 1917 года, рабочий, белорус[13].

Сегодня жива лишь одна участница этой операции. Ася (Асмик) Габриеловна Папян.

Москва, 1987 год.

68 лет спустя.

Представьте себе такую ситуацию: вы нажимаете на кнопку звонка и на вопрос: «Кто там?» отвечаете; «Я прошу Сатану». За дверью не возмущаются, только молчат поначалу, затем раздается звонкий смех…

Первое мое впечатление — удивление: я ведь знаю, что ей скоро девяносто.

— Здравствуйте, — говорит она по-русски, с интересом разглядывая гостя, который чуть ли не вдвое моложе нее. Улыбчивая черноглазая армянка с ног до головы разглядывает меня, пытаясь понять, откуда мне все известно.

Москва. Ломоносовский проспект, дом № 35, кв. 6.

Ася Габриеловна Папян. Член партии с 1918 года, кавалер ордена Красного знамени. Связная боевого отряда Камо. Партийная кличка — Сатана.

Она широко улыбается:

— Ай-ай, давно меня никто так не называл.

Приглашает в дом. Рада нежданному визиту гостя из Еревана, хотя и не знает пока, чем этот визит вызван.

Я представляюсь. Говорю, что координаты ее дала историк Роза Пашинян, и тут же, не утерпев, спрашиваю:

— А почему именно Сатана? В литературе, рассказывающей о вашем походе, нет никакого объяснения этому, хотя о других кличках говорится. Например, об Анне Новиковой известно, что прозвали ее Иван Ивановичем за то, что носила мужскую одежду, стреляла без промаха…

И Ася Папян стала рассказывать:

— Это верно. Иван Иванович была настоящим мужчиной. Она так рано погибла, в 24-ом. Видели бы вы, как под Курском косила она своим «Максимом» белогвардейцев. Она была настоящим бойцом и жаловалась иногда, зажав в зубах папиросу: «Тьфу ты, не мужское это дело». Она пользовалась и у парней, и у девушек авторитетом, всегда четко представляла, что ей предстоит делать, и добросовестно выполняла все поручения Камо. Но потом, когда в Баку была установлена Советская власть и наш отряд вышел из подполья, Иван Иванович «бросила» нас, вступила в ряды 11-й Красной Армии.

Она на минуту умолкла, почувствовав, что вместо ответа на вопрос стала рассказывать о подруге.

— В отряде, который должен был отправиться на юг, нас было трое девушек: Иван Иванович, Анна Литвейко и я. В первых наших боях Литвейко еще не участвовала, но у нее был опыт боев на Красной Пресне. Ее знали как хорошего коммуниста, работала она в одной из московских комсомольских организаций. Она пришла в отряд накануне похода и очень скоро сдружилась со всеми. Вы уже знаете, что спустя годы о своих встречах с ней написала московская писательница Юдит Капусто в книге «Повесть Анны Литвейко». Отдельная глава этой книги посвящена нашему походу. Что же касается моей клички «Сатана», — засмеялась Ася Габриеловна, — то, видимо, друзья предчувствовали, что буду долго жить, ведь черти долго живут. А если серьезно, то нарекли меня так еще в Москве, в конце лета. Обе наши Ани были светлые, я — черненькая, а черт он ведь черный, живой и шустрый. Мне этих качеств было не занимать, вот и нарекли Сатаной. Была я тогда связной в отряде Камо. Сейчас, с расстояния истории, слова эти — сатана, связная — звучат просто и буднично, а в те годы работа связного была сопряжена с трудностями, требовала большей ответственности.

— Как случилось, что Камо доверил эту работу именно вам, как вы пришли к нему, в отряд?

* * *

Лето 1919 года не обещало москвичам ничего хорошего.

Царил голод, враг наступал отовсюду. Настроение у людей было озлобленное, мрачное, трудно было разобраться, кто друг, кто враг. Партия и комсомол мобилизовали все силы на борьбу с явными и тайными врагами.

Девятнадцатилетняя Ася Папян училась тогда в университете имени Свердлова на курсах агитаторов. До этого она недолгое время была политпросветинструктором во Всероссийском бюро военкомов Красной Армии, работала под руководством Вари Каспаровой, жены ближайшего соратника Ленина Владислава (Славы) Каспарова. Варя Каспарова, активная участница революционного движения, сыграла огромную роль в становлении Аси Папян как большевика.

— Родилась я в Баку. Отец, Габриел Папян, был служащим, человеком передовых взглядов, одним из активных деятелей армянского благотворительного общества. Переселившись в Астрахань, он всячески помогал беженцам, спасавшимся от мусаватистов и английских интервентов.

— А как вы стали подпольщицей, революционеркой? Ведь судя по рассказам, семья ваша была обеспеченной, как правило, дети из таких семей редко избирают тернистый, полный опасности путь.

— Во-первых, большую роль здесь сыграли взгляды отца. Он всегда воспитывал во мне честность и патриотизм, я не мыслила себя в отрыве от людей, общества.

— И этого оказалось достаточно?

— Разумеется, нет. Многому научила меня гимназия. Вот я расскажу вам такой случай. В частной гимназии, где я училась, преподавали отличные педагоги. Сестра видного революционера Богдана Кнунянца Парандзем Кнунянц преподавала нам русский язык и литературу, литературу читала нам также Клавдия Завьялова, а историю — Александра Кучумян. Тогда мы даже не подозревали, что они социал-демократы. Представляете, с каким трепетом входили мы в дом Кнунянцев. В эти годы революционного подъема Завьялова читала нам поэму о декабристах. Женщины, последовавшие в Сибирь за своими мужьями, были для нас самыми яркими героическими образами. Уже на ученической скамье мы мечтали о подвигах и геройстве. Вот в какой обстановке мы воспитывались. До сих пор помню нашу учительницу пения, она учила нас петь «Марсельезу», и мы пели на французском:

Алонз анфан
Де ла патри…

* * *

…Вскоре Ася Папян со своей одноклассницей Амалией Тониян возглавила кружок армянской учащейся молодежи.

— Тогда же я познакомилась с Левоном Мирзояном, который впоследствии стал первым секретарем ЦК Компартии Казахстана, — вспоминает Ася Папяп. — Левон тоже был членом нашего кружка. Позже он женился на моей подруге Юлии Тевосян, которая была сестрой видного партийного и государственного деятеля Ованеса Тевосяна.

…В России свершилась революция. Большевики одержали победу, установилась Советская власть.

Пример России был заразителен, на окраинах борьба еще продолжалась. Местные националистические правительства, чужеземные интервенты, полчища уцелевших белогвардейцев жестоко расправлялись с теми, кто обращал свои взоры на Север. Семья Папянов, воспитанная в передовых традициях, не могла оставаться дольше в мусаватистском Баку: там ее ожидала расправа. А в Астрахани тем временем была установлена Советская власть.

Вскоре семья Папянов перебралась в Астрахань. Габриел Папян начал работать в комитете по оказанию помощи беженцам, а живая, смышленая Ася устроилась секретарем в редакции газеты «Красный воин», органе 11-й Красной Армии. Редактором газеты был видный коммунист Овсеп Лазян. В обязанности секретаря входило редактирование писем красногвардейцев. Работа была трудная, утомительная, но Ася активно участвовала и в других редакционных делах, ее часто можно было увидеть в окружении воинов, берущей на заметку их пожелания.

Молодому Советскому государству нужны были знающие специалисты.

Ася, Шура Брейтман, Маня Карапетян и еще двое решили поехать на учебу в Москву. Там Ася отнесла документы в университет на историко-филологический факультет. По дороге из университета подумала, что нелепо поступать в университет, когда не на что жить, и решила искать себе работу.

…Вскоре она оказалась в агитпоезде «Октябрьская революция», который базировался на Савеловском вокзале. Поначалу работала на книжном складе, но вскоре, благодаря поддержке Вари Каспаровой стала красноармейским инструктором. Работа эта захватила ее целиком, она выступала с пламенными речами среди красноармейцев, знакомила их с трудами Ленина и других деятелей партии, организовывала выставки книг и плакатов.

— Пешком, да-да, пешком дошла до Воронежа и Старого Оскола, исходила весь Крым… Но мне по-прежнему недоставало знаний, и Варя направила меня в университет имени Свердлова.

* * *

Шестьдесят восемь лет назад гостиница «Националь» находилась в том же здании, что и сейчас. Холодное солнце освещало улицу и двух женщин, спешащих к гостинице. Ася не знала, почему они идут туда. Варя Каспарова, которая сопровождала ее, спросила, только:

— Трудностей не боишься?

Ася ничего не ответила и лишь удивленно посмотрела на нее.

— Ладно, понимаю, — поймав ее взгляд, сказала Каспарова. — Хочешь сказать, что не боишься. Ну, гляди, будешь работать с человеком, которого даже царская охранка боялась. Он тебя в вате держать не будет.

…В дверях гостиничного номера стоял коренастый, чернобровый человек лет сорока, с густыми усами.

— Здравствуй, Варя, — медленно произнес он, — входите.

Не успела Варя ответить на приветствие, как он, совершенно не церемонясь, обернулся к сидевшему в кресле Сааку Тер-Габриеляну:

— Послушай, Саак, я отказываюсь понимать — он прервал себя на полуслове и на сей раз обратился к Варе. — Что вы уставились на меня, садитесь рядом с Сааком. Ты только погляди, Саак, кого Варя привела. Честное слово, я и в самом деле помешаюсь. Мне нужны ловкие, выносливые бойцы, а не дети. Это же совсем ребенок!

Тер-Габриелян снисходительно улыбнулся и встал.

— Варя, мне надо уйти по срочному делу, может быть, составишь мне компанию?

Варя поняла, почему Тер-Габриелян собрался уходить: «хозяин» не стал бы проверять новенькую в их присутствии.

— Хорошо, пойдем. До свидания, товарищ Камо, — попрощалась она.

Имя «Камо» ничего не говорило Асе, она его никогда прежде не слышала.

— Ну, рассказывай, кто ты такая, — сказал «товарищ Камо», когда гости ушли. — Все, что мы сейчас будем говорить, должно остаться между нами. Никто, ни папа, ни мама, ни родные, ни друзья, буквально никто не должен знать об этом разговоре. Ты коммунистка?

— Да.

Варя говорит, ты боевая девушка, ловкая, живая. Мне такие девушки нужны. Если тебя на виселицу поведут, выдашь товарищей?

— Нет.

— Если белые выколют тебе глаза, выжгут звезду на груди, выдашь?

— Нет.

— Если придется с гранатой на груди пробраться к: врагу и взорвать штаб, пойдешь?

— Пойду.

— Если самой придется погибнуть…

— Пойду. Все мои сверстники на фронте, — сказала Ася, — многих уже нет в живых.

В течение разговора Камо расхаживал по комнате, но при этих словах остановился, подошел к ней, положил руку на плечо и сказал:

— Слушай, Ася Папян, если будешь работать со мной, говори мне «ты», я, разумеется, тоже не буду забывать об этом. Правда, предупреждаю, придется тебе положить крест на личную жизнь. Но это я только так говорю, никогда не позволю, чтобы с головы моего бойца хоть один волосок упал. Так что штаб взлетит в воздух, но ты останешься цела. Было время, мы тогда еще только готовили революцию, и все было гораздо труднее, чем сейчас, царское правительство четырежды выносило твоему покорному слуге смертный приговор. А я, как видишь, жив-здоров. Не надо бояться — и дело с концом. Ну так как, пойдешь ко мне?

— Пойду.

— В последний раз спрашиваю: может, не будешь спешить, замуж выйдешь, домом обзаведешься?

— Пойду с вами — и дело с концом, — «и дело с концом» Ася произнесла совсем так, как Камо.

— Ладно, — сказал Камо. — Положение у нас очень тяжелое. Белые всего в 180 километрах от Москвы. Деникин нам прямо в затылок дышит. Я был у Владимира Ильича. Теперь слушай, я поделился с ним одним соображением, он одобрил. Собираю молодежь вроде тебя, пойдем на Деникина. Может быть, взорвать его придется вместе со штабом. Пойдешь?

— Пойду. Неужели сам Ленин посылает? — удивленно спросила Ася.

— Вот именно, Ленин. Я не шучу. Завтра придешь в третий Дом Советов. Повторяю: никому ни слова о нашем разговоре. Идем, я провожу тебя.

* * *

Третий Дом Советов находился на Каретной улице. Принял Асю высокий матрос. «Новиков, — представился он. — Сейчас пойдем к командиру. Ты ведь Ася Папян?»

«Да», — сказала Ася.

«Значит, в нашем отряде будет еще одна девушка. Вон, видишь девушку в кожанке и мужских брюках? Это Аня Новикова, она тебе понравится. Иван Иванович, — позвал он, — это землячка командира. Прошу любить и жаловать».

Ася Папян показывает фотографию шестидесятивосьмилетней давности, ставшую дорогой реликвией.

— Вот она, Анна Новикова, среди курсантов кремлевских командирских курсов. Нас с Иван Ивановичем повели к Камо. Он беседовал с двумя юношами. Я догадалась, что они с юга. Увидев нас, Камо встал, протянул руку. Потом обратился к симпатичному парню, сидевшему рядом: «Знакомься, Володя, это Ася Папян. Она будет нашим связным». Потом, повернувшись ко мне, сказал: «Мои заместители — Володя Хутулашвили и Сандро Махарадзе. Завтра уже окончательно обоснуемся здесь. Будешь прощаться с Варей Каспаровой, скажи, что уезжаешь на фронт. С завтрашнего дня переселишься сюда, здесь и ночевать будем, и боевую подготовку вести, пока приказа не будет».

Отряд пополнялся быстро. Каждому новому члену отряда Камо устраивал самую строжайшую проверку. Одну такую проверку Камо устроил вместе с известным чекистом Геворком Атарбекяном. Был конец лета. Вечером Камо объявил: «Утром отправимся в лес, на стрельбу. Ровно в половине восьмого Володя Хутулашвили объявит подъем. В восемь отправляемся».

Утром на двух грузовиках отряд выехал в один из подмосковных лесов.

Камо был превосходным стрелком, без промаха стрелял из любого положения. В тот день стреляли много. Патроны были на исходе, когда ученье, наконец, окончилось. И вдруг раздался окрик: «Руки вверх». Что это, банда белогвардейцев? А патроны все уже отстреляны.

В те дни в отряд дошли вести о том, что в подмосковных лесах появились банды белогвардейцев, которые совершали налеты на советские государственные учреждения.

И вдруг этот окрик «Руки вверх». Камо поднял руки, его примеру последовали Казаринов, Разин-Аксенов, Прохоров, Шаманин. Бородатый белогвардейский полковник ругал большевиков на чем свет стоит. Первым вывели на поляну Камо. «Расстрелять!»— крикнул полковник. Раздался залп. Командира

не стало. Следующий Хутулашвили. «Что это за люди?»— спрашивает полковник. «Не скажу», — слышен ответ. «Увести, повесить на суку», — раздается приказ. Володю, избивая, волокут на поляну. Следующий, еще один, еще… Вдруг один из членов отряда стремительно бросается к полковнику: «Ваше превосходительство, не трогайте меня, я из польского штаба. Это партизанский отряд, готовится выступить против Деникина. А командира вы напрасно расстреляли: он известный революционер». Полковник довольно улыбнулся: «Вот это другое дело, наконец-то перестали упрямиться. А чем ты можешь доказать свою правоту?» Перебежчик распорол подкладку сапога: «Вот мой документ». «Хорошо», — сказал полковник.

Еще несколько человек поспешили «раскаяться», они трусливо оправдывались, говорили, что случайно оказались в отряде, что не собирались воевать с белогвардейцами. Их обособили, а представителя польского штаба связали. Остальные продолжали хранить молчание, несмотря на удары и угрозы.

Вдруг на краю поляны показался улыбающийся Камо, а за ним другие «расстрелянные» — Аболь, Володя, Аня… Белогвардейский полковник тепло обнял Камо. «Геворк, дорогой, — сказал Камо, — это испытание окончилось благополучно». Полковником оказался Геворк Атарбекян.

В этом испытании девушки — Новикова, Папян, Драбкина — держались храбро, не испугались угроз и готовы были ради своих идеалов молча принять смерть. И Камо по достоинству оценил их смелость. «Не девушки, а настоящие орлицы», — сказал он Атарбекяну.

Известие об этом событии дошло до Ленина. Владимир Ильич вызвал к себе Камо и сделал ему строгое внушение. Тот в оправдание сослался на шпиона, затесавшегося в отряд.

…До того, как отправиться в деникинский тыл, отряд принял участие в операции против мамонтовцев. В боях под Курском первый партизанский отряд, которым командовал Камо, завоевал добрую славу. Иван Иванович была отличным пулеметчиком, в боях ей удалось спасти «максим» от врага. Прекрасным связным оказалась и Сатана.

* * *

Отряд вновь вернулся в Москву. Предстояло готовиться к походу на юг, в тыл Деникина. В эти дни в отряд пришла Анна Литвейко. Девушки быстро подружились между собой.

Камо разработал очень рискованный план операции. Из

Москвы отряд должен был следовать поездом в Астрахань, затем — по Каспийскому морю — в Баку. Белогвардейские корабли держали под наблюдением все морские пути. В Баку у власти стояли мусаватисты и англичане. Отряду предстояло провезти боеприпасы для подполья, деньги и золото. Из Баку путь лежал в Тифлис, оттуда в Батум и только затем в тыл Деникина.

Из Астрахани до острова Булла, находящегося на пути к Баку, добрались без особых приключений, если не считать постоянно угрожающей встречи с вражеским кораблем, шторма и последовавшего вслед за тем штиля, когда корабль почти не продвигался вперед.

Груз был тяжелый, следовало переправить его на остров и спрятать там, а членам отряда, разбившись на маленькие группы, отправиться в Баку. Устроить мужчин взялся Камо, а женщин поручил Асе — как бакинке, имевшей там родственников и друзей.

Ася согласилась, сама же мысленно прикидывала, где бы их разместить. При входе в город девушки чудом избежали встречи с мусаватистами. По их одежде, замызганной грязью, нетрудно было догадаться, что проделали они дальний путь. В конце концов Ася решила обратиться за помощью к своей школьной подруге — Арусяк Габриелян. И вот, прекрасно зная все ходы и выходы в город, Ася повела девушек к подруге, которая жила одна с бабушкой. Арусяк изумилась, увидев Асю и двух незнакомых русских девушек, однако приютила их у себя. И не только приютила, но вскоре стала одним из верных членов отряда. Старшая сестра Арусяк — Маруся — тоже была вовлечена в подполье, а затем стала женой Яна Аболя, тоже члена отряда. Впрочем, это была не единственная семья в отряде. Джаваир Тер-Петросян стала женой Володи Хутулашвили, Арусяк Тер-Петросян — Котэ Цинцадзе, Амаля Тониян — Сандро Махарадзе, Анна Литвейко — Алексея Белякова, Юлия Тевосян — Левона Мирзояна, а сама Папян вышла замуж за Цолака Аматуни.

…Как и было условлено, на третий день Ася встретилась с Камо. С моря несло легким ветром, день стоял пасмурный, в Молоканском саду ветер кружил желтые листья. Ася и Камо под руку прогуливались по аллеям, и Камо давал ей указания:

— Значит так, завтра под вечер, когда чуть стемнеет, пойдешь вон туда, видишь, мастерская на углу. Если мастер будет один, зайдешь. Спросишь: «Самовар без ручки можете починить?» Он ответит: «Занесите завтра». Потом он тебя проводит через черный ход в комнату, где будем мы.

— А если?..

— Если скажет: «Не чиню», — выйдешь, подождешь меня с полчасика здесь.

Мастер согласился «чинить самовар» и провел Асю в комнату, где уже собрались остальные. На грузовой машине группа выехала на остров Булла за оружием и боеприпасами, которые затем припрятали в окрестностях Баку.

Мастерская, о которой говорил Камо, была местом явки. Мастер делал свое дело, лудил и паял чайники и самовары, а группа делала свое дело. «Лудильщиком» был известный революционер Серго Мартикян. В те дни Асе часто приходилось бывать на складах с боеприпасами. Контролировали эти склады ловкие, смелые бакинские ребята — Гриша Саркисов и Цолак Аматуни.

Часть гранат изготовлялась прямо в Баку, в антибольшевистском штабе, который громко именовал себя штабом «Защиты Дагестана». Однажды группа получила телеграмму о том, что Деникин собирается заслать своих людей для переговоров в Закавказье. Переговоры эти следовало сорвать.

Володя Хутулашвили направил Асю в Дагестанский штаб. Ася не раз бывала там, и щеголеватые офицеры недоумевали: что нашла красивая армянка в неказистом писаре Сидорове? А ведь влюблена по уши. «Ну, — говорил на это Сидоров, — невеста она мне. Ну, такое дело».

Сам Сидоров был опытным подпольщиком, коммунистом, отлично знал свое дело. И никому не могло прийти в голову, что в штаб Ася приносила с собой взрывчатку, из которой Сидоров здесь же, в штабе, готовил гранаты.

…— Ну что, принесла, Ася? — спросил Володя.

— Да, — связная кивнула на тяжелую сумку.

— Ты свое дело сделала, — сказал помощник командира, — теперь надо устроить горяченькую встречу деникинцам, а то мусаватисты народ ненадежный, за полкопейки готовы родную мать продать. Аболь!

— Встретим, как надо. Кого дадите мне в помощники?

— Выбирай сам, Аболь.

— Филиппа Новикова и Разина-Аксенова.

— Согласен.

Новиков и Разин-Аксенов встали со своих мест.

— Спасибо, ребята, подойдите. Давайте посмотрим, что будем делать.

Посланцев Деникина встретили взрывами гранат, но Филиппа Новикова захватили деникинцы. Однако ни угрозы, ни зверские пытки не сломили его волю, он молчал до последней минуты. Мусаватисты повесили Новикова в тюрьме Баилова. Камо

очень тяжело перенес гибель своего боевого соратника.

Тем временем следовало доставить деньги в Тифлисский большевистский центр. Мужчины могли вызвать подозрение, следовало переправить деньги с девушками. Камо приказал Анне Литвейко и Ивану Ивановичу ехать с ним. Амалия, Ася, Арусяк входили в другую группу. Отдельно от всех должны были поехать Куталадзе, Аматуни и Айрапетов.

— Подумайте хорошенько, — собрав накануне отъезда всю группу, сказал Камо, — дело чрезвычайно сложное, кто боится, пусть отказывается сейчас же. Меньшевики ничем не лучше мусаватистов. Деньги надо доставить до единой копейки. Имейте в виду: мусаватисты, не моргнув глазом, отправят нас на тот свет, лишь бы завладеть этими деньгами. Да и меньшевики посходят с ума от радости, если им перепадет такая сумма. Подумайте, где можно укрыть деньги, чтобы при обыске их не нашли.

Каждой из девушек Камо вручил шесть свертков с деньгами, это были пятисотрублевые купюры с изображением Петра I и сотенные с изображением Екатерины. Зашили их в подкладку Асиного пальто. Как и было условлено, обе Ани отправились вместе с Камо, а три армянки — отдельно.

…На границе Азербайджана с Грузией девушек почти не обыскали. Они выдали себя за студенток, которые якобы ездили из Баку на похороны деда Арусяк.

В Тбилиси Арусяк Габриелян и ее русские подруги сняли комнаты в частных домах: об этом заранее позаботился Камо, а Ася с Амалией сразу же по приезде поспешили в гостиницу «Дворцовые номера», находившуюся на Головинском проспекте.

На стук откликнулся зычный мужской голос:

— Кто там?

— Гости из Баку. Мы к инженеру Омарову.

Дверь тотчас же открыли.

— Милости прошу. Здравствуйте. Я — инженер Омаров. Давайте знакомиться.

— Вы и есть инженер Омаров? — переспросила Ася.

— Да.

— Какой инженер Омаров? — снова спросила Ася.

— Дагестанец, инженер Омаров, — улыбаясь, сказал пароль хозяин номера. — Вы от Камо?

Девушки облегченно вздохнули.

— Да.

— Деньги с собой?

Ася, не медля, стала распарывать подкладку пальто..

…На самом деле никакого инженера Омарова не существовало. По поручению Камо деньги были переданы члену

Кавказского краевого комитета Гамиду Султанову, который скрывался от меньшевиков под именем Омарова. Вместе с товарищем Епифаном они закупили на эти деньги оружие в Сололаке для повстанцев Чечении, Ингушетии и Дагестана, боровшихся с белыми..

Гамид Султанов повел девушек в роскошный ресторан «Фраскати», за одним из столиков которого и была закреплена договоренность о поставке оружия.

Положение партизан на Северном Кавказе была крайне тяжелым, жили они впроголодь, не имея денег ни на покупку оружия, ни на покупку хлеба. Преодолев чрезвычайные трудности, Андрей Казаринов, выполнявший поручение Камо, доставил повстанцам не только деньги, но и целый вагон оружия. Тем самым были спасены партизанские отряды, руководимые Николаем Гикало.

…Оружие и деньги были доставлены к месту назначения. Группа, направлявшаяся в деникинский тыл, была в полной готовности. Из всего отряда в Баку действовала подпольно лишь группа, которой руководил Володя Хутулашвили. Остальные должны были направиться в Батум, а оттуда на Северный Кавказ. Уже приобрели билеты. Стоял холодный зимний день. Была середина января 1920 года. Камо приказал отправиться на вокзал по одному-по двое, словно никто никого не знает, так и сели в поезд — Анна Литвейко, Иван Иванович и Арусяк в одной группе, в другой — Камо с Кутуладзе, в третьей — Амалия и Ася, остальные тоже разбились на пары. В тыл к Деникину отправлялись Ася Папян, Иван Иванович, Анна Литвейко, Арусяк Габриелян, Павел Куталадзе, Цолак Аматуни, Гайк Айрапетов и Амалия Тониян. Перед группой стояла задача перебраться из Тифлиса в Новороссийск и взорвать штаб Деникина. Камо, которого в меньшевистской Грузии хорошо знал любой полицейский, ехал как князь Цулукидзе и в роскошных княжеских одеяниях выглядел чрезвычайно импозантно.

Приказано было не брать с собой ничего, что бы могло вызвать подозрения. В Батуме местом встречи назначили дом торговца посудой Арама, заранее условились о времени встречи. Все указания следовало держать в памяти.

Но стоило группе войти на вокзал, как какие-то молодчики обступили Камо и Куталадзе. Кроме них взяли под охрану Арусяк, Аню, Ивана Ивановича и Гайка Айрапетова. Ася и Амалия незаметно пробрались в свой вагон. Поезд тронулся. «Что сталось с товарищами? Неужто арестованы?»— тревожно думали девушки. Предпринять что-либо на свой страх и риск они не могли — это было строжайше запрещено приказом: даже выйти

из вагона или просто пройти в другой не разрешалось.

Приехав в Батум, девушки узнали, что товарищи их действительно арестованы. Пришлось возвращаться в Тифлис, но оставаться в Тифлисе тоже не имело смысла. И девушки решили ехать в Баку, где оставалась группа, руководимая Володей Хутулашвили. Может быть, они еще не знают о случившемся и следует их предупредить?

Арест членов отряда продлился около трех месяцев. В тюрьме, угрожая министру внутренних дел меньшевистского правительства Ною Рамишвили, Камо сказал: «Передайте, что ему не поздоровится, когда выйду из тюрьмы. Он-то меня хорошо знает». Угроза Камо дошла по назначению. Рамишвили согласился освободить его из тюрьмы, но с условием, чтобы в течение двадцати четырех часов он покинул Грузию. Камо принял это условие, но настоял, чтобы выпустили и его товарищей. Министр обещал выполнить требование Камо, и слово свое сдержал.

Освободившись из тюрьмы, Гайк Айрапетов тотчас же выехал в Батум, где принял участие в расправе над генералом Ляховым, который приехал сюда на смену Врангелю.

Тем временем Ася Папян пыталась перебраться в Баку. Но как это сделать, не имея ни пропуска, ни денег? И она решила рискнуть — поехать «зайцем».

…Поезд приближался к границе двух «независимых» республик — Грузии и Азербайджана. На верхней спальной полке расположился пожилой полковник. Он долго и с любопытством изучал молодую черноглазую девушку, ровесницу своей дочери. Интересно, куда она едет? Сам он долго не получал вестей из дому. Интересно, кто сейчас там — красные или свои?

— Откуда ты, дочка? — спросил полковник.

Ася заплакала.

— Отчего ты плачешь, доченька? Успокойся, что случилось? Могу я тебе помочь?

— Нет, вряд ли это возможно, — Ася вытерла глаза.

— Тайна?

— Не знаю даже как сказать.

— Я не могу быть полезен? — вновь предложил свои услуги полковник.

— Наверное.

— Говори же, доченька.

— Я армянка. Муж мой живет в Баку, родители — в Тифлисе, они были против нашего брака и не хотели, чтобы я ехала к нему. А он болен, и я тайком сбежала из дому. Ни денег не взяла, ни пропуска.

И она снова залилась слезами.

— Хорошо, хорошо, успокойся, — стал утешать ее изумленный полковник. — Неужто в это безумное время еще возможна подобная любовь? Сейчас будет граница, тебя проверят и спустят с поезда.

— Знаю.

— Поднимайся ко мне. Укройся шинелью и прижмись к стене. Меня не станут проверять.

Так Ася благополучно доехала до «любимого мужа».

* * *

Арест Камо помешал осуществить планы, связанные с разгромом деникинцев. Однако члены группы, остававшиеся на свободе в Баку, не сидели сложа руки. Группа ушла в подполье, готовилась встретить Советскую власть. Вскоре, освободившись из-под ареста, к ним присоединились Камо, Литвейко, Иван Иванович, Арусяк.

Начались для отряда жаркие дни. В рабочих районах города создавались боевые дружины, их снабжали оружием, обучали стрельбе. С часу на час ждали приказа начать восстание.

Ася и остальные девушки из отряда по-прежнему были связными, к ним присоединилась и сестра Камо, Джаваир Тер-Петросян. Через них передавали свои поручения в рабочие окраины Виктор Нанейшвили, Исаак Давлатов, Камо, Гамид Султанов и другие, возвращаясь, девушки докладывали о положении на местах.

…Шла последняя для мусаватистского правительства ночь: большевики предъявили мусаватистам ультиматум о сдаче власти.

Камо поручил Асе Папян встретиться с одним из руководителей подполья — Везировым и передать ему, чтобы в четыре часа ночи вместе с отрядом ждал Камо у телеграфа.

Ночь стояла темная, беззвездная. Второй месяц весны был уже на исходе, но погода все не устанавливалась. С моря дул холодный ветер.

Ася, закутавшись в худенькое пальтецо, настороженно оглядываясь по сторонам, шла по ночному городу. Не успела пройти и двух кварталов, как ее остановил патрульный.

— Кто будешь?

— Мать заболела, — сказала Ася, — Позвольте мне идти, срочно нужен врач. — Она жалобно смотрела на патрульного, а рука меж тем нащупывала в кармане дамский браунинг, подарок

Камо, которым Ася так дорожила. — Неужели у вас нет ни матери, ни сестры, господин патрульный? Прошу вас, отпустите меня.

Патрульный был неумолим, он стал обыскивать девушку. «Все, попалась, — кусая от досады губы, думала Ася, — может быть, удастся выскользнуть? А если отберет браунинг, что я тогда скажу Камо?»

Патрульный продолжал обыск.

— А это что? Скажешь, лекарство для матери?

— Господин патрульный, сейчас темно, опасно, я даже стрелять не умею. Это просто память об отце. Не отбирайте, пожалуйста. Отпустите меня.

— Поторапливайся, ну! Иди за врачом, а то мать помрет, — патрульный отвел в сторону дуло винтовки, — ну же…

Ася почувствовала, что патрульный не шутит, и быстро удалилась. Она нашла Везирова, передала приказ Камо и рассказала о случившемся. У Везирова Ася попросила мужскую одежду, потому что иначе не смогла бы вернуться. Каково же было ее удивление, когда в штабе у Гамида Султанова она встретила того самого патрульного, который отобрал у нее браунинг. Султанов улыбнулся:

— Давай, Ася, рассказывай, как коммунисты сдают оружие.

Ася молчала.

— Вот твой браунинг. А патрульный наш человек, просто не узнал тебя.

…Мусаватисты всю ночь обсуждали ультиматум и решили без единого выстрела сдать власть. Иного выхода у них не было: 11-я Красная Армия находилась совсем близко, на станции Баладжары. В тот же вечер Камо связался по телефону с Анастасом Ивановичем Микояном, который командовал бронепоездом, обеспечивавшим продвижение 11-й Красной Армии, и сообщил, что власть в Азербайджане перешла в руки коммунистов. Утром 28 апреля отряд во главе с Камо встречал на Бакинском вокзале бронепоезд.

* * *

После победы Советской власти в Азербайджане Ася Папян стала работать секретарем Гамида Султанова, министра внутренних дел нового Советского правительства. Затем она была на комсомольской и партийной работе в Москве, Вичуге, Ярославле, Ленинграде, окончила Институт красной профессуры.

Оглядываясь с высоты прожитых лет на прошедший путь, Ася

Папян говорит:

— Если бы все пришлось начать сначала, я бы вновь была там…

СВЕТ ГЕНИЯ

Рассказы

Княгиня Чиковани

Вечером в доме у своей тети, Лизы Бахчиевой, Камо созвал «семейный совет» в составе одних женщин, который, тем не менее, по словам Камо, ничем не уступал военно-революционному совещанию. Шел 1919 год… В Грузии при пособничестве англичан хозяйничали меньшевики. Они процветали и благоденствовали, отгороженные от Советской России белогвардейским Северным Кавказом.

— Войска Красной Армии оставили Владикавказ, — сказал Камо, обращаясь к тете и сестрам. — Наши товарищи из подполья не успели скрыться. Надеюсь, вы понимаете, что значит попасть в руки генерала Шкуро или Мамонтова?

— Выходит, кроме тебя некому больше спасти товарищей? — спросила тетя.

— Некому, потому что прибегать к оружию абсурдно. Нужен другой выход.

Камо прекрасно понимал тетю, дескать, опять лезешь на рожон.

— Послушай, тетушка, тебе кажется, что под твоим кровом я как у Христа за пазухой? Да меньшевики последней копейки не пожалеют, чтобы заполучить меня прямо сейчас. Ной Жордания и Ной Рамишвили должны свести со мной старые и новые счеты. Но они же форменные ослы, у них одно на уме: войти в историю, мы, мол, в свое время стояли у власти в Грузии. И это когда под носом у них Красная Армия и они не сегодня-завтра унесут ноги куда-нибудь в Париж, в Лондон или в Берлин, там и завершат свою бесславную биографию, не удостоившись пышных похорон. Так что даже в вашем доме я сижу как на иголках.

— Ладно, что ты предлагаешь?

— Меня интересует ваш сосед, князь Чиковани, он, кажется, при генеральских эполетах, а?

— Можно подумать, ты с неба свалился, — вмешалась Джаваир. — Он же ухаживает за твоей сестрой, поклонничек.

— Ну, почему же, я в курсе, дорогая сестрица, — улыбнулся Камо, — раскланиваясь, он, кажется, целует твои ручки и касается их своей паршивой бородой.

— Да, ну и что, он такой вежливый! — хотела позлить брата Джаваир.

— Вот я и хочу воспользоваться его вежливостью в интересах революции. Собирайся давай. Я покажу этому генералу, во что ему обойдутся поцелуи ручки моей сестры.

— Ты спятил? — сестра удивленно посмотрела на Камо.

— Послушай, Джаваир, вы друг друга знаете, любезностями обмениваетесь, так?

— Ну, так.

— Он знает, что ты моя сестра?

— Знает и, чтобы подольститься ко мне, говорит: хоть я и далек от политики, но восхищаюсь храбростью вашего брата, я о нем много слышал.

— Вот видишь, он даже восхищен. А у этого генерала есть семья?

— Жена скончалась в прошлом году. У него двое детей, сын и дочь, — сказала тетя Лиза.

— Он наверняка нуждается в деньгах.

— Да, несколько раз просил в долг у вашего дяди, — сказала тетя Лиза.

— В мире еще много людей влачит жалкое существование за неимением денег, они и мне нужны позарез. Пошли к генералу!

…В городе этот двухэтажный особняк с тщательно ухоженным палисадником и высокой каменной оградой напоминал островок. На массивной деревянной двери был приделан молоточек, трудно сказать, сколько переживший поколений, но дошедший в целости-сохранности до двадцатого столетия и все еще не на правах музейной редкости. Джаваир уверенно ударила молоточком по железному диску.

В узком окошке появилось усатое лицо привратника.

— Здравствуйте. Господин Чиковани дома?

— Да.

— Передайте, что к нему пришла барышня Джаваир Тер-Петросян.

— Сию минуту, — сказал привратник и скрылся за массивной дверью, на которой бронзовыми буквами красовалась фамилия князя-генерала с его инициалами: Чиковани В. П.

— Ого, засмеялся Камо. — А ты, сестричка, пользуешься большим авторитетом. Не собираешься ли заменить покойницу генеральшу, а?

— Но-но! — Джаваир погрозила брату. — Нужна мне эта старая развалина!

Дверь отворилась. Привратник поклонился Джаваир.

— Милости просим, его превосходительство дожидается вас, — и вопросительно посмотрел на входящего Джаваир Камо.

— Это мой брат, — сказала Джаваир и во избежание неприятностей добавила: — Господин генерал пригласил его.

Навстречу им по просторной, аккуратно прибранной веранде шел генерал, князь Чиковани. «А мне везет, этот толстячок, как собачонка, будет служить моей сестричке», — и Камо усмехнулся

про себя, когда разодетый в парадную форму князь Чиковани склонился поцеловать ручку Джаваир.

— Здесь холодно, вы можете простудиться, входите, — сказал князь, пожимая руку неизвестного спутника Джаваир.

Генерал сам взял пальто у Джаваир, а к Камо услужливо подоспел сухопарый грузин-лакей с лукавыми глазами.

— Барышня Джаваир, я бесконечно рад вам. Чем обязан столь великой чести? — сказал князь, усаживаясь за высоким овальным столом в гостиной.

— Господин генерал, позвольте вам представить, — сказала Джаваир, — мой брат.

Генерал чуть было не подскочил на месте. От гостей не ускользнуло его замешательство.

— Камо?!

— Да, он самый, — спокойно сказал Камо. — Ну, почему, князь, меня все принимают за метеора, чудом залетевший на землю. Я же всего-навсего рядовой солдат партии и стараюсь выполнять свои обычные обязанности. Ну, может, я отношусь к этим обязанностям чуточку лучше, добросовестнее… А нас никто не подслушивает?

— Никто, не беспокойтесь. Теперь я не сомневаюсь, что у вас за пазухой спрятан пистолет, а может, и бомба, — со сдержанным недовольством сказал генерал. — Но в моем доме вы в полной безопасности. Между прочим, этих меньшевистских горе-лидеров я «люблю» столько же, сколько и вы, большевики.

— Спасибо, князь, — и Камо откинул полы пиджака. — Я явился к вам без пистолета и бомбы, потому что хочу поговорить с вами, а не воевать. А эту вашу, так сказать, «любовь» к меньшевикам хотел бы использовать для очень важного дела. Можете не сомневаться: вы получите высокое вознаграждение — двести рублей золотом, не считая дорожные расходы.

— Ради моих дорогих гостей, я мог бы выполнить их поручение и безвозмездно, однако…

— Однако и двести золотых не помешали бы, тем более, что поездка, которую мы должны совершить, сопряжена с серьезными трудностями. Но не волнуйтесь, я буду тенью следовать за вами по пятам. Мы едем в Ингушетию. Вот еще что, князь, если вы намереваетесь выведать цель моего прихода, а потом отказаться помочь или выдать меня, то можете сейчас же в этом признаться, и мы расстанемся с вами друзьями.

— Но я не знаю, что должен делать?

— Вы, князь, вместе со своей княгиней поедете в Ингушетию подышать чистым воздухом — и всего-то делов. Дальнейшие указания получите на месте.

— С какой еще княгиней?

— Вот, с моей сестрой. Джаваир будет сопровождать вас в качестве княгини Чиковани. Так надежнее. А когда вы будете дышать вашим чистым воздухом, я успею обделать кое-какие дела.

— Очень хорошо, я согласен. И если наше путешествие кончится благополучно, я могу гордиться, что оказал революции хоть какую-то услугу. Прошу, выпейте чаю.

…Три дня спустя в селе Казбеги поднялся переполох, какого не бывало тут даже при въезде белогвардейских генералов Мамонтова и Шкуро. Князь Чиковани, примыкавший к правительственным кругам грузинских меньшевиков, вместе со своей княгиней прибыл сюда в карете на зимнюю прогулку. Его грузин-извозчик, балагур и весельчак, вмиг завоевал симпатии местных сельчан. Вскоре при поддержке тех же сельчан извозчик Камо организовал успешный выезд друзей-подпольщиков, а его «хозяин» с «хозяйкою» дышали чистым воздухом у подножия Казбека.

Князя с «княгиней» навестили генералы Мамонтов и Шкуро., и они совершили несколько совместных вылазок к седоглавому Кавказскому хребту. А во время одной из горных прогулок княгиня «занемогла».

— Сожалею, обожаемая княгиня, — сказал Шкуро, — что вы не сможете составить нам компанию. Но князя мы должны будем похитить.

— Пожалуйста, — сказала княгиня, — я не против, но постарайтесь поскорее вернуться, не то мне будет скучно без вас.

— Сегодня мы попытаемся подняться еще выше. Я оставлю вам мой портфель, он очень тяжелый и будет мне мешать. Княгиня, в нем важные документы, прошу, будьте внимательны и присмотрите за ним до моего прихода.

— Не беспокойтесь, господин генерал, поднимайтесь на вершину Казбека со спокойной душой. Вряд ли ваши бумаги смогут развлечь меня, среди них, конечно, нет парижских мод, так что они останутся целехонькими.

Джаваир ликовала: вот так счастливая случайность! А что если это план предстоящего нападения на Красную Армию?

Чуть погодя экземпляр тщательно переписанного плана нападения белогвардейцев на Кавказ (оригинал его покоился в тяжелом портфеле генерала Шкуро), лежал на письменном столе в Кремле, у Ленина.

После прогулки князь Чиковани попросил у своих «друзей» Мамонтова и Шкуро извинения за преждевременный отъезд из-за ухудшившегося здоровья жены и в тот же день вместе со своим

разбитным грузином-извозчиком вернулся в Тифлис.

По дороге князь Чиковани получил из рук Джаваир, так ловко переписавшей план нападения белогвардейцев, причитавшиеся ему две сотни золотых и, дружески похлопывая по плечу «извозчика», сказал:

— Можешь на меня положиться, дорогой извозчик.

— Тем не менее, спасибо, князь, — сказал Камо, кивнув на мешочек с деньгами.

Почему звонят колокола?

В чьих же руках находился город Малоархангельск? Три дня назад здесь были белые, потом пришли красные, их снова сменили белые и снова укатили, а только что уцелевших с царских времен членов городской управы оповестили, что через пару часов сюда прибудет белогвардейский отряд.

Воспряли духом малоархангельские богачи. Над домами взвился дым — в печах пекли вкусные буханки, перегоняли крепкий, огненный самогон. Вот-вот пожалуют их спасители. Город хотел встряхнуться, повеселиться. Против партизан и коммунистов, не успевших покинуть город, уже точили зуб. Выслеживали, подсматривали — только бы отряд явился, тогда увидим кто кого, сведем, счеты, отведем душу.

Готовился пир на весь мир.

Загуляем, мать честная! «Дуняша, сходи в баньку, — молодежь-то времени не теряла, знай себе балагурила, друг дружку задирала. — Офицерики ожидаются в эполетах да белых перчатках. Вернутся блаженные денечки! Не забудь достать из сундука цветастую шаль…» «Ты чего нос повесила, Верочка? Надуши свою шейку, не жалей одеколона. Ха-ха-ха!»

— Провалиться бы вам, окаянным!

Малоархангельск готовился стать очередной, новой столицей белых.

Разогревались печи, и вспыхивающие в сердцах гостеприимных хозяев искры надежды разжигали в них агонию ненависти и злобы, беспомощной ярости и страха потерять награбленное.

Ждали белогвардейский отряд с благоговейным трепетом.

Он должен был прибыть через два часа.

За два часа до этого в одной из деревенских изб, откуда было рукой подать до Малоархангельска, совещался комсостав: два армянина и грузин. Они просидели до самого утра и, в конце концов, пришли к общему заключению, что игра стоит свеч.

— Теперь вы понимаете, почему я распорядился взять как можно больше белогвардейского обмундирования, — сказал Камо, — Ну, Геворк, дорогой, — продолжил он, обращаясь к Атарбекяну, — посмотрим, какой у нас будет урожай. Володя, — он обернулся к своему заместителю Хутулашвили, — в семь часов отряд должен быть в полной готовности. А пока у нас час времени и мы должны поспать. Один час — это же такое счастье!

В успехе Камо не сомневался. Они тщательно все взвесили, продумали. Он рассчитывал на внезапное вступление в город и на

столь же внезапный уход. «Что от этого выиграет революция? — представляя свой план, спросил Камо. И ответил: — Золото. — Я знаю этих подонков. Достаточно только „арестовать“ у них на глазах несколько большевиков, красногвардейцев, а они наверняка будут в городе, как на них с превеликим удовольствием донесет это отребье. Мы же будем арестовывать, а не расстреливать. И когда мы посулим богатеям золотые горы, они как миленькие раскошелятся. Все ясно? У них найдутся не только кубышки с деньгами, но и тайники с пулеметами и бомбами. Надо действовать очень осторожно. Все триста человек как один должны блюсти тайну и ни на йоту не отклоняться от плана действий. Мера наказания нарушителей приказа — расстрел, начиная с меня. И последнее указание: проведение всей операции возлагаю на Геворка Атарбекяна, Это значит, что его слово для всех закон».

— Пойду распоряжусь, — выходя, сказал Хутулашвили.

Атарбекян откинулся на спинку стула.

— Послушай, товарищ Камо, сколько ночей ты можешь не спать?

Камо рассмеялся.

— Сколько ночей? Сколько угодно. А если хочешь знать точно, отправляйся в Берлин и поинтересуйся у надзирателей Моабитской тюрьмы. Они по часам расписали мои бессонные ночи.

По бороде Атарбекяна скользнула добрая улыбка.

— Мой старший брат — разреши так называть тебя, — а ведь верно говорят, что ты создан не из плоти и крови.

— Объявляю отбой лирическим отступлениям, — сказал Камо, растягиваясь на печи. — Приказываю тебе часок поспать. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Подготовка к операции началась в Москве. Такое количество обмундирования, выданного по приказу командира отряда, у многих вызвало недоумение: допустим, что они будут воевать и им понадобится вылазка в тыл врага, надо будет затесаться в его ряды. Но для этого хватит одного или двух-трех человек, от силы десять-пятнадцать. Никому не пришло бы в голову переодеть, снарядить целый отряд — к чему, ради чего?

Камо же думал именно так: весь отряд в триста человек переодеть в белогвардейскую форму, снабдить винтовками, пистолетами, пулеметами, обозом.

…Вступление отряда в город первыми приветствовали церковные колокола. С хлебом-солью отряд вышли встречать члены городской управы, участники первой мировой войны с

Георгиевскими крестами, на костылях, офицеры с эполетами и без них, рядовые солдаты. Лица, утратившие было радостное выражение, расплывались в улыбках.

Однако хлебосольство дорого обошлось белогвардейским приспешникам, не помогли и их доносы на скрывавшихся в деревне красных и большевиков.

Через день отряд покинул свои «наблюдательные посты» и выехал из Малоархангельска. Боевой отряд Камо уносил с собой обильное продовольствие, он без единого выстрела забрал с собой и тех негодяев, которые оказали ему добрые услуги.

Прихватил отряд и преподнесенное помещиками и буржуями добро.

Народное добро.

Камо очень торопился в Москву.

Торопился, чтобы доложить о смелой операции.

Он вез в Москву золото, возвращал народу его богатство.

До новой встречи, Ной!

— До свидания, господин Рамишвили. Я очень доволен нашей встречей. Надеюсь, и у вас нет никаких претензий, поскольку государство, которое я представляю, готово до конца защищать интересы грузинской республики и не допустить, чтобы сюда ступила нога большевиков. Вы можете вполне мне доверять. Передайте это, а также заверения в моем почтении его превосходительству господину Ною Жордания[14]. Для вас мы всегда готовы стараться.

— Позвольте поблагодарить вас, господин полковник, — сладко улыбаясь, министр внутренних дел грузинского правительства меньшевиков пожал руку представителю Англии, полковнику Уильяму Пирсу. — Свет и надежда Грузии исходят с Британских островов.

— Оставайтесь с миром, господин министр.

— Приезжайте, милости просим, господин полковник. Вы всегда наш желанный гость. Счастливого вам пути…

Полковник Пирс покинул министерский кабинет и наверняка уже устраивался в фаэтоне, перебирая в уме свои хитрые уловки, а Ной Рамишвили тем временем, огибая широкий письменный стол, все еще был под впечатлением недавнего визита. «Счастливого пути, счастливого пути, господин полковник», — и потер руки, — «Фигаро, Фи-га-ро! Фигаро здесь, Фигаро там!» — напевал он, барабаня пальцами по столу, и задел кнопку звонка.

Секретарь-помощник вырос в дверях.

— Счастливого пути, счастливо катиться к черту, господин Пирс, — напевал он, не замечая вошедшего секретаря-помощника, статного молодого человека в клетчатом светлом костюме.

Рамишвили словно сквозь туман увидел его.

— Почему ты здесь?

— Вы вызвали, шеф.

Слово «шеф» так ласкало слух, и Рамишвили растаял:

— Я?

— Да, шеф, звонок зазвенел и я вошел.

Секретарь-помощник знал слабость Рамишвили, который любил, чтобы его величали шефом — как-никак европейское словечко.

— Ну и хорошо, что вошел, — смягчился министр. — Ушел этот кретин англичанин?

— Так точно, шеф.

— Подойди садись, Арчил. Ты уже месяц работаешь у меня

секретарем, а мы с тобой толком еще и не беседовали.

«Приподнятое у тебя настроеньице, господин министр, — подумал Арчил, — вот скажу, кто у тебя в приемной сидит, разом сникнешь».

— Спасибо, шеф.

— Что слышно хорошего? Есть сегодня посетители?

Арчил встал.

— Есть, шеф. Очень просит впустить к вам.

Министр вскинул на него вопросительный взгляд.

— Сандухт Тер-Петросян, шеф.

Лицо Рамишвили от слов секретаря-помощника стало чернее тучи. Министр, не скрывая своего недовольства, резко встал, подошел к окну. Солнце скользнуло с тифлисского неба к окнам министра Рамишвили и настойчиво возвещало о весне 1920 года. Арчил на цыпочках последовал за Рамишвили.

— Чудная весна, а?

— Да, — секретарь-помощник кивнул.

— Почему в комендатуре ей не отказали, почему разрешили подняться сюда?

— Я распорядился, шеф.

Ной Рамишвили стоял спиной к своему собеседнику и не отрывал взгляда от окна, любуясь весенним зрелищем. В солнечных лучах порхали воробьи и ласточки, перелетали с ветки на ветку, взлетали к крышам домов. Вон одна ласточка несет в клюве соломинки, прилаживает под карнизом, строит гнездышко. Рамишвили обернулся к секретарю.

— Она сказала, что по очень важному делу, — оправдывался секретарь. — Сказала, что она с поручением от брата, шеф, что ваша жизнь в опасности и что об этом она может сказать только самому Рамишвили, то есть вам.

— Арчил, а ты знаком с ее братом?

— С Камо? Нет, шеф. Я только наслышан о нем всяких небылиц.

Министр горько усмехнулся нахлынувшим воспоминаниям. Недавно, месяца два назад, морозным январским днем он лично руководил операцией, которая блестяще завершилась. Камо взяли вместе с его отрядом без сучка и задоринки. Обошлось без столкновений, без выстрелов. Все покорно сдались. Только Камо, видя, что отступать некуда, и, верный себе, принялся шутить и острить, хотел оттянуть арест, авось еще удастся сбежать. Когда кольцо вокруг него сомкнулось, он вдруг достал из кармана завернутый в платок круглый предмет и поднял над головой: «Ну-с, разбойнички, кто из вас первым хочет попрощаться со своей мамочкой, а? Чего же вы оробели? Подойдите поближе!»

Оцепившие его солдаты не трогались с места. «Давайте! Неохота умирать, да? Тогда какого черта вы увязались за мной? Может, вместе махнем на тот свет? Да на вас лица нет, ребятки, ай-яй-яй!» И он отбросил платок и начал кушать завернутую в него грушу. «Не подходите, я сдаюсь! Дайте только доесть грушу». Потом он протянул руки сыщику в штатском: «Здорово, Эмзар, не забудь об этом пакостном дне, я еще тебе его припомню. А сейчас можешь вцепиться этой собачкой в мои руки. Возьмите, с собой мой портфель! Передайте приветы Ною Рамишвили. Скажите, что его ждут в тюрьме. Если не придет, пусть пеняет на себя». Вместе с Камо были арестованы и бойцы его отряда: Айна Литвейко, Арусяк Габриелян, Анна Новикова, Павел Кутуладзе, Гайк Айрапетов, которых меньшевики заключили в губернскую тюрьму, а их командира забрали в его родной Метех. Оттуда он несколько раз угрожал Рамишвили, буянил, а теперь сестру прислал.

Министр не отрывался от окна. «Вон и ласточка вьет гнездышко. Когда же ты обзаведешься своим гнездышком, Камо? Что ты нас морочишь? Уходи отсюда, раз ты революционер, уходи к своему Ленину. Что тебе от нас нужно?»

— Арчил, а ведь я с ним работал, — хмыкнул Рамишвили, взглянув на удивленного секретаря-помощника. — В девятьсот третьем и четвертом годах мы с ним распространяли листовки против царя. И оружие прятали… Он другой человек, да и не человек он, а дьявол, бандит! Позови сестру, Арчил. Только, пожалуйста, повежливее и полюбезнее.

Арчил вышел. Не успел Рамишвили сосредоточиться и настроиться встретить Сандухт, как с порога раздался ее голос:

— Можно, господин министр?

— Здравствуйте, барышня Сандухт, — министр направился к ней, протягивая руку. — Прошу вас, садитесь. Давненько я вас не видел. Вы знаете, что это я разрешил ваше свидание с братом?

— Знаю, господин министр. Благодарю вас.

— Чем могу быть полезен? Может, выпьете чаю?

Сандухт не ответила. Она достала из сумочки сложенную вчетверо бумагу и протянула министру.

— Понимаю, — сказал министр и, устраиваясь в мягком кресле за письменным столом, развернул бумагу.

Письмо было от Камо, он писал: «Ты, Ной, то бишь, господин министр, знаешь цену моему слову. Знаешь, что если я замышляю провернуть какое-либо дело, то не останавливаюсь на полпути и обязательно довожу до конца. Я не собираюсь в этом письме читать тебе нотации. Посоветуйся со своим правительством, я жду тебя в Метехе».

— И это все? — Рамишвили не удалось скрыть свое недовольство.

— Господин министр, Камо просил передать, что он и его отряд не предпринимали ничего крамольного против меньшевистского правительства Грузии, — ответила Сандухт.

— Ладно, — сухо пресек ее министр, вложив письмо в папку, — вы свободны, барышня. Постараюсь быть полезным. Обождите секунду, вас проводят.

Он нажал кнопку, вошел секретарь-помощник.

— Арчил, проводи барышню.

— Благодарю, господин министр.

— До свидания.

Когда дверь захлопнулась, сдерживаемое возмущение Рамишвили прорвалось наружу:

— Негодяй! Подлый большевик! Он еще осмеливается учить меня из-за решеток Метеха! Да захочу — скручу его в бараний рог, в порошок сотру!

Он места себе не находил, нервно вышагивая вдоль и поперек кабинета, раза три выпил воду, промочил высохшее горло.

— Арчил! Арчил! Не слышит, что ли? Арчил!

Рамишвили забыл о двойных дверях министерского кабинета. Он вышел к секретарю-помощнику. Арчил, погруженный в папки с бумагами, вскочил с места.

— Приготовься, поедешь со мной в Метех.

Двух месяцев в тюрьме вполне достаточно, чтобы взвесить, обмозговать причины ареста. Те, кого не поймали: Цолака Аматуни, Асю Папян и Амалию Тониян, не вызывали никаких подозрений. Об арестованных тоже речи быть не может. Кто же виноват? Если такового виновника нет, так в чем же причина? Камо не мог понять. Видимо, их выследили и арестовали.

Камо вспомнил, как в последний раз в Баку ловко выкрутился и увильнул от мусаватистов. «Хвоста» за ним вроде не было, товарищи ждали его на перроне, чтобы сесть в вагон. И вот он появился на вокзале в новой с иголочки княжеской черкеске, каракулевой папахе, в вычищенных до блеска сапогах — князь Тихон Луарсабович Цулукидзе собственной персоной. Беглым взглядом он осмотрел перрон, заметил товарищей и дал знак подниматься в вагон. Приказав носильщику следовать за ним, он двинулся к вагону, легким движением головы отвечая на почтительные поклоны.

Поезд, тронувшийся было после третьего звонка, резко затормозил.

Обеспокоенные пассажиры высыпали на перрон.

— Что случилось?!

— Псы безродные! — крикнула какая-то женщина. — Власть называется! Провалиться бы вам, в женском белье роются!

— Кто-то сбежал.

— Говорят, анархист.

— Нет, большевик по имени Камо.

Чертыхаясь, к выходу пробивался «князь Цулукидзе».

— Что стряслось, черт подери?! Зачем переполошились?

Его никто не слушал. Поднимавшийся в вагон офицер взял под козырек:

— Ваше благородие, приношу свои извинения, мы ловим Камо.

— К черту и вас, и вашего Камо! Прицепите мой вагон к другому поезду и ищите, кого хотите!

Мусаватистскому офицеру тон грузинского князя не понравился, и он не замедлил вежливо предложить:

— Извините, ваше благородие, соблаговолите пройти со мной.

— Что?! Я?! Что за чушь вы несете!

— Вы пройдете или…

Отряд уехал без Камо. Но не доехал до Тифлиса и вышел на станции Баладжар. Надо было немедленно возвращаться в Баку, сообщить в центр большевистского подполья и во что бы то ни стало вызволить Камо из рук мусаватистов.

Домик карабахца-железнодорожника Григора Патваканяна служил сборным пунктом в Баладжаре, и сейчас здесь совещались члены отряда Камо. Григор обещал помочь и отправить их первым же товарняком в Баку. В дверь постучались.

— Кто там — настороженно спросил хозяин.

— Князь Цулукидзе!

Все повскакали с мест. Григор открыл дверь и впустил улыбающегося «князя Цулукидзе».

— Я так и знал, орлы, что вы не покажетесь в Тифлисе, не повидав Григора. Здорово, господин Патваканов! Обещаю, что право первого залпа большевиков по Баку предоставлю тебе. Мальчики и девочки! Меня, стало быть, схватили и увели. Я беспощадно ругался и шибко возмущался. Документы были безукоризненны. Эти болваны мусаватисты, охотясь за Камо, задержали двадцать человек. Из них семнадцать, в том числе и меня, выпустили, рассыпавшись в тысяче извинений. Троих придержали.

— Крайне подозрительных? — весело перебил Аматуни.

— Крайне подозрительных, — засмеялся «князь», — говорят один из них Камо.

— Ого! — обрадовался Патваканян, — наконец-то нм

посчастливилось!

Отряд продолжил свой путь. Ему предстояло перебраться из Тифлиса в Батум, из Батума — на Северный Кавказ, чтобы взорвать Деникина с его штабом. Но совершенно неожиданно помешали непредвиденные обстоятельства: меньшевики-«единомышленники» арестовали отряд.

Эта весть в тот же день долетела до Астрахани, и оттуда в Москву поступила срочная телеграмма: «Вне всякой очереди. Москва. Предсовнаркома Ленину, копия ЦК. Стасовой. Краевой комитет сообщает, что в Тифлисе арестован тов. Камо. Условия ареста неизвестны, но сообщают, что освобождение сомнительно. Полагаю, что арест находится в связи с общими массовыми арестами, происходящими в связи с последним восстанием. Арестованными переполнены все тюрьмы и участки. Правительство действует по указке англичан. Член Реввоенсовета Киров.»

…Длинный и прочный засов на двери камеры сдвинулся. В полумраке появилась фигура Ноя Рамишвили.

— Вы меня вызывали, господин Тер-Петросян?

— Здравствуйте, господин Рамишвили. Эй, надзиратель, принеси стул для господина министра внутренних дел, — Камо накинул на плечи пиджак и сел на деревянной койке. — Давай, Ной, мы с тобой потолкуем минут двадцать, как революционеры девятьсот третьего — девятьсот четвертого. Не думаю, чтоб ты забыл про листовки, оружие. Послушай, что я скажу, Ной. Твой помощник может остаться. А ты, — он обратился к надзирателю, — сгинь с глаз, пока я не рассердился.

Слова Камо что стене горох — надзиратель не шелохнулся, не сводя глаз с Рамишвили.

— Можете идти, — распорядился Рамишвили.

Надзиратель вышел. Камо встал, подошел к стене, без труда вытащил из нее один кирпич, второй, потом еще два кирпича. Таким же образом он снял кирпичи из второго ряда.

— Мне осталось разобрать последний, третий ряд, для этого понадобится день или и того меньше. Товарищи, которые доставят веревку, всегда и везде найдутся, если тебе, конечно, память не изменяет, — сказал Камо, осторожно вставляя кирпичи на место. — Но знаешь, почему я не хочу воспользоваться побегом?

Рамишвили молчал, Арчил только рот разинул.

— А потому, — продолжил Камо, — что против правительства, меня арестовавшего, я не совершил никакого преступления. Я хочу, чтобы твое правительство меня освободило по доброй воле. И я требую объяснения причины моего ареста.

Рамишвили молча смотрел на Камо, дескать, не хочет его перебивать и готов выслушать до конца.

— Я прекрасно тебя понимаю, Ной, — Камо снова опустился на койку. — Но и ты меня прекрасно понимаешь, поэтому и молчишь, шевелишь мозгами. Уж ты-то знаешь, чего мне будет стоить это бегство сквозь стенку. Ты оттягиваешь мое освобождение, чтобы я сбежал, а кто-нибудь из твоих сопливых стражников пришлепнул бы меня. Старый испытанный метод: в этой тюрьме жертвой такой ловушки стал Ладо Кецховели[15]. Со мной это не пройдет, Ной, и напрасно ты волынишь с моим освобождением. Ты должен был прийти ко мне и спросить, почему я пожаловал в Тифлис.

— Допустим, почему же?

— Не для того, чтобы свергнуть ваше правительство. Я должен был отсюда отправиться в Батум, потом на Северный Кавказ — в Новороссийск, чтобы взорвать Деникина. А вы по своей глупости разрушили все мои планы.

— Что-то не верится, — ехидно улыбнулся министр.

— Забыл ты меня, Ной, забыл.

— Не забыл, но ты никогда не открываешь свои карты врагу.

— Да, но тогда, когда остерегаюсь врага. А вас я не боюсь, Ной. За моей спиной стоят Ленин и Советская Россия. Я уверен, что Ленин давно знает о моем дурацком аресте. Ты сейчас должен извиниться и освободить меня и отряд. Ты знаешь, где мой отряд.

— Я не могу на это пойти. Англичане в курсе дела…

— Англичане, за которых вы хватаетесь как утопающий за соломинку. Знаешь, что вас ждет в ближайшем будущем? Вы без оглядки будете драпать из Грузии. Ваши жалкие остатки пойдут просить милостыню на улицах Лондона или Манчестера. Счастливчиком из вас окажется последний попрошайка, который умрет на улице и некому будет его похоронить.

— Вы теряете чувство меры, господин Тер-Петросян.

— Господин Тер-Петросян. Боишься назвать меня Камо, Ной. Ладно. Я понял, ты считаешь разговор законченным. В таком случае, господин Рамишвили, я по-хорошему прошу вас посоветоваться с господином Жордания. Как только вы меня освободите, я обещаю тотчас же покинуть Тифлис и вашу независимую Грузию.

Три дня спустя Камо и его товарищи подписывали «петицию» меньшевистского правительства. «Мы, нижеподписавшиеся, обязуемся сразу после освобождения в течение двадцати четырех часов покинуть пределы Грузии. Подпись.»

— Ной, я еще найду время потолковать с тобой… Позволь пока повидаться с Деникиным, я так по нем соскучился, —

говорил Камо, подмахивая «расписку». — До новой встречи, Ной!

Свет гения

Пророки живут не на небесах и возникают не из безводного или безвоздушного вакуума. Они живут рядом с тобой, правда, их слишком мало, но они все-таки существуют.

Несколько минут назад голос такого человека-пророка раздавался в черной телефонной трубке.

— Товарищ Петров, здравствуйте! Ну-с, как ты, дорогой?

— Хорошо. Спас… — от радости голос сорвался.

— Что с тобой, дружище? — голос в трубке посерьезнел.

— Это от радости, Владимир Ильич, что слышу ваш голос. Здравствуйте. Слушаю вас.

— Я внимательно прочитал твое письмо. У меня возникли некоторые соображения. Нам надо поговорить. Как ты считаешь, а? Не волнуйся, письмо мне понравилось. Но встретиться надо. Непременно.

— Я готов, Владимир Ильич, когда скажете.

— Я жду тебя сегодня после завтрака. Ровно в два часа. В это время у меня будет товарищ Луначарский. Тебя это устраивает?

— Вполне устраивает, Владимир Ильич. Буду тютелька в тютельку.

— Спасибо. До свидания.

— Вай, до сви… Сам благодарит…

Камо не сразу повесил трубку. Из нее исходил теплый свет. «Я внимательно прочитал твое письмо». Да, он написал письмо Ленину. «Многоуважаемый и дорогой Владимир Ильич, во время партийной конференции РКП я сообщил Вам о моем желании побеседовать с Вами о моих новых сногсшибательных планах. Разговор этот может происходить во время Вашей прогулки или отдыха и ничуть не утомит Вас. Может быть, Вы найдете, что мои соображения окажутся очень ценными и осуществление их очень важным для настоящего момента, или же Вы найдете их очень забавными и от души, как Вы это умеете, посмеетесь.

Мне бы хотелось, чтобы Вы выслушали меня до начала или в начале конгресса Коминтерна. Преданный Вам Камо».

На письме имеется карандашная приписка Ленина: «Камо. Напомнить мне!» Но в течение нескольких дней он был по горло занят. Третий день у вождя революции не было времени принять Камо. Но письмо он не вложил ни в одну папку, оно лежало на виду, и когда он получил от Анатолия Луначарского два пригласительных билета на его спектакль «Канцлер и слесарь», то, наконец, улучил подходящий момент.

— Вот и хорошо, вместе сходим в театр, там и обсудим

положение вещей, — заговорил он с самим собой и нажал кнопку звонка.

Вошел личный секретарь.

— Слушаю вас, Владимир Ильич.

— Вот что, дружище. Очень прошу найти мне товарища Камо и соединить с ним. И, пожалуйста, как можно скорее, он мне очень нужен.

Итак, встреча назначена после завтрака, ровно в два часа.

У Камо был час свободного времени, когда он выходил из ворот Кремля. Он шел перекусить что-нибудь, хотя радость предстоящей встречи притупила чувство голода.

Май 1921 года вовсю расцвел-зазеленел в московских парках, на клумбах, на деревьях вдоль тротуаров. Над трехгодовалой столицей республики сияло огромное ослепительное солнце.

Три года. Каждый год равнялся целому десятилетию, целому столетию.

Минули эти три года, нет больше ни Деникина, ни Колчака, ни Юденича — так с каким же врагом ему теперь воевать?

Утихли бури для этого буревестника.

И он написал письмо Ленину. Кому же он мог еще написать?

Только Ленину. Только Ленин мог сказать, что ему делать дальше, к чему руки приложить в Москве, где он, Камо, стал рядовым чиновником.

«Только Ильич сможет помочь осуществлению моих целей. Он наш бог, наш пророк. Он знает, что я должен делать».

Камо и сам не знал, как взялся писать это письмо. Было раннее утро. Он внезапно проснулся и не мог больше уснуть. Раз пять он излагал в уме строки письма. Поворачившись в постели, встал, зажег свет и сел за дубовый столик, который смастерил задолго до революции. Но мысли разом улетучились, разбились-рассеялись, как мечты. Не раздеваясь, он снова прилег на кровать в надежде, что строки письма снова к нему вернутся. Но, увы, письмо не получалось. Лишь одна мысль не покидала Камо: «Ильич, только Ильич. Только он может сказать, как мне быть? Он же вождь мирового пролетариата и должен знать, что, мне делать?» И стал писать письмо.

Весна увлекла москвичей на улицу, пусть хоть погреются этой безрадостной весной. Люди ходили подавленные, одетые-обутые с грехом пополам, полуголодные; в витринах продуктовых магазинов хоть шаром покати. Где все взять? Кто даст? Никто. Сам все создавай. Кто и почему должен о тебе заботиться? Сам, сам все создавай.

Погруженный в свои мысли, Камо не заметил, как очутился

перед Большим театром, и нахлынувшие вмиг воспоминания увели его на несколько месяцев назад.

Был конец декабря 1920 года.

— Товарищ Петров?

— Петров у телефона, слушаю.

— Срочно зайдите к Владимиру Ильичу.

— Сию минуту.

И перепрыгивая через ступеньки, он помчался в приемную председателя Совета Народных Комиссаров. Пора было идти в Большой театр, и Ленин, видимо, хотел, чтобы они отправились туда вместе. Камо был приглашен участвовать в восьмом Всероссийском съезде Советов, который открывался в Большом театре.

— Товарищ Ленин ждет вас, — поздоровавшись, секретарь открыл дверь в кабинет.

— Здравствуйте, Владимир Ильич, можно?

— Здравствуйте, товарищ Петров. Входите.

При этих словах к Камо обернулись сидевшие у Ленина два посетителя: представитель ревкома и правительства Советской Армении Саак Тер-Габриелян и секретарь президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Авель Енукидзе.

— Саак! — воскликнул Камо и бросился к нему в объятия. — Каким ветром тебя занесло? Извините, Владимир Ильич, извини, Авель. Я соскучился по Сааку. Ну что, Саак, выходит, без меня установили Советскую власть. Ты не представляешь, как я был счастлив! А как обрадовался телеграмме Ильича[16]!

— Видите, товарищ Камо, какой я вам приготовил сюрприз, — улыбаясь, сказал Ленин. — Мы еще услышим на съезде о героической борьбе армянского народа, Товарищ Тер-Габриелян расскажет нам сегодня об этом, — и обратился к Енукидзе: — Товарищ Авель, мы могли бы поехать в Большой театр на твоем автомобиле? Это недалеко отсюда. Мой водитель захворал, простудился, и я отправил его домой.

— С удовольствием, Владимир Ильич, только позвоню, предупрежу Михаила Ивановича.

…Какое царило оживление на съезде! Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Михаил Иванович Калинин по поручению ЦИК объявил съезд открытым, и бурные аплодисменты сменились «Интернационалом» в сопровождении оркестра.

Первый президент Советской России начал свою речь, воздав дань уважения памяти погибших в гражданскую войну. Все молча

встали. Гробовую тишину нарушала мелодия «Траурного марша».

В Большом зале 2200 мест. На съезде присутствовало 2418 человек, то есть 218 из них было на ногах. Среди них находился и Камо. Он внимательно слушал, что говорили с трибуны. Михаил Иванович не забыл упомянуть, что кроме делегатов с Северного Кавказа на съезд приехали и представители молодых советских республик Азербайджана и Армении. Был избран состав президиума съезда: Калинин, Ленин, Енукидзе, Орджоникидзе, Сталин, Ворошилов и другие.

Прежде чем приступить к повестке дня, трибуна была предоставлена Сааку Тер-Габриеляну, представителю недавно созданной Советской Армении.

Ленин, улыбаясь, блуждал взглядом по залу, он искал Камо. Тот не сводил глаз с Ильича. — «Спасибо», — читал в его взгляде Ленин.

— От имени молодой Армянской Советской Социалистической Республики, — по всему залу разносились слова Тер-Габриеляна, — приветствую вас, посланцев великой рабоче-крестьянской России.

Его слова потонули в бурных овациях. Энергично рукоплескали Ленин, Камо…

…Утверждается повестка дня.

С докладом о деятельности Совета Народных Комиссаров Советской России выступает его председатель Владимир Ильич Ленин. Все встают. Зал, всколыхнувшийся от рукоплесканий, сотрясается и скандирует:

— Да здравствует товарищ Ленин!

Камо охватил неистовый восторг, он пустился в пляс на месте, радовался, как ребенок. Он впервые присутствовал на таком чествовании. Вот как встречают вождя мирового пролетариата! И он, Камо, простой смертный, рядовой солдат революции, близко знаком с этим человеком. Какое счастье!

В затихшем, наконец, зале раздается правдивое слово Ленина. Простое и доступное, по-ленински меткое и разящее. За три года страна одержала немало побед. Налаживается мирная жизнь, но враг еще не разбит, он притаился в засаде, и Красной Армии нельзя ослаблять своей бдительности.

— Мы должны приветствовать образование и упрочение советских республик — Бухарской, Азербайджанской и Армянской, восстановивших не только свою полную независимость, но и взявших власть в руки рабочих и крестьян, — звучат уверенные ленинские слова. — Эти республики являются доказательством и утверждением того, что идеи и принципы Советской власти доступны и немедленно осуществимы не только

в странах, в промышленном отношении развитых, не только с такой социальной опорой, как пролетариат, но и с такой основой, как крестьянство. Идея крестьянских Советов победила. Власть в руках крестьян обеспечена; в их руках земля, средства производства. Дружественные отношения крестьянско-советских республик с Российской социалистической республикой уже закреплены практическими результатами нашей политики.

Вождь революции обстоятельно изложил вопросы экономического строительства. Театр борьбы отныне переместился в сферу хозяйственной реконструкции страны. Все силы на борьбу с голодом во имя этой реконструкции, так как Россия — наша, она завоевана руками, кровью рабочих и крестьян.

Так понимал Камо Ленина, его пламенную речь. Понимал и в мечтах рисовал жизнь через несколько десятилетий.

Что тогда будет? Наверняка то, о чем заявил Ленин:

— Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны.

Речь Ленина подошла к концу под рукоплескания двух с половиной тысяч слушателей.

— Если Россия покроется густой сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое строительство станет образцом для будущей социалистической Европы и Азии.

Пророческие, крылатые слова.

Словно минута промелькнула, а не час, который заняли у него воспоминания, и он у входа в Кремль протягивал часовому пропуск.

— Пожалуйста, проходите.

И Камо быстрым шагом прошел к кабинету Ленина. Стрелки часов показывали без пяти два.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, товарищ Петров. Владимир Ильич ждет вас.

— А вот и он, — заметив в дверях голову Камо, Ленин пошел ему навстречу. — Дорогой товарищ Камо! Представляете, Анатолий Васильевич, — обратился он к народному комиссару просвещения Советской России, который, поздоровавшись с Камо, поглаживал свою коротко подстриженную бородку, — этот храбрый молодой человек, отложив свои дела, пишет мне письма. Так, так. Товарищ Камо, ты смотрел пьесу Анатолия Васильевича?

— Нет, Владимир Ильич, — с виноватым видом признался Камо.

— Значит, надо будет посмотреть. Сегодня в семь вечера

пойдем с тобой в театр Корша. Товарищ Луначарский принес мне два пригласительных билета. Необходимо повышать культурный уровень. Посмотрим, кто такие эти канцлеры и слесари. И если в нас загорится критический огонек, то зададим жару товарищу наркому. Народный комиссар и драматург. Дорогой Анатолий Васильевич, не сочтите за комплимент, вы хорошо пишете, и те пьесы, которые рассчитаны на театралов, пришлись по сердцу и революционным массам. Возможно, с точки зрения искусства некоторые такого рода пьесы, — я не вас имею в виду, — подвергнутся критике, но они носят агитационный характер и становятся оружием в наших руках. Искусство должно быть средством агитации, да! Когда вы написали пьесу, которую мы увидим сегодня?

— В этом году, зимой, Владимир Ильич, — Луначарский опять стал теребить бородку. — Несколько представлений были хорошо приняты. Вот когда вы сказали нарком и драматург, я вспомнил один случай. Однажды театральная труппа собралась познакомиться с моей пьесой «Народ». Я читал пьесу с пафосом, жестикулируя, с соответствующей интонацией, представляя каждый образ. Когда я кончил читать, кто-то из актеров сказал: «Разрешите?». «Пожалуйста», — говорю. «Товарищ Луначарский, — сказал он, — вы замечательный актер! Переходите к нам работать. Зарплату хорошую получите». Да, артистам юмора не занимать. Я не растерялся, улыбнулся ему и говорю: «Спасибо за хорошее предложение. Но мне и на посту наркома неплохо живется».

Ленин весело и громко рассмеялся и сказал:

— Очень хорошо! Мы с товарищем Камо придем на вашу, как вы сказали, международно-революционную пьесу.

— Спасибо, Владимир Ильич, — Луначарский встал. — Я буду ждать вас у входа в театр.

Ленин протянул ему руку:

— До вечера.

Когда они остались вдвоем, Ленин, улыбаясь, сказал:

— А наши с вами проблемы так и остались нерешенными. Дорогой Камо, поговорим о твоем письме в театре, во время антрактов.

Но разве в антрактах поговоришь?

Ленину не давали ни минуты покоя. Он ждал, когда в зале погаснет свет, и потом только входил в ложу. Но все равно его встречали аплодисментами.

В антрактах Камо молчаливо сопровождал Ленина, и о своем письме не мог и заикнуться. Ленин тут же, на ходу, решал

вопросы, с которыми к нему обращались. Отдавал краткие указания, писал записки на листках, из блокнота или делал в нем пометки.

Пьеса кончилась. В стране Нордландии, под которой подразумевалась революционная Германия в ноябре 1918 года, сталкиваются две силы: с одной стороны армия канцлера фон Трауэ, с другой — рабочий класс с «войском» слесаря Макса Штарка. Победа Штарка символизирует победу рабочего класса, пролетарской революции, чем и заканчивается пьеса. Вот идет последняя сцена: побежденный слепой канцлер признает падение мира, в котором он жил, и тут раздается музыка и пение «Интернационала». Канцлер вполголоса произносит последние слова: «Новый мир рождается, Лара. Это несомненно. Новый мир рождается в муках. Это они идут сюда. Я готов пожелать им побед. Ведь назад не вернешься! Но я ненавижу их! Мыслью стараюсь вникнуть, порою понимаю, как мы приготовили их. Порою мне кажется даже, что они победят. Но вся природа моя против них». Канцлер и Лара удаляются, и хор поет:

Скоро ждет нас победа!
Старый мир, догорай!
В пожарах родится
Земной счастливый рай!

Последние аккорды песни потонули в одобрительных возгласах зрителей. Зал рукоплескал то артистам, то, обернувшись к ложе, Ленину, Луначарскому, Камо.

Майская ночь обволакивала Москву. Автомобиль остановился у ворот Кремля.

— Поднимемся ко мне, товарищ Петров. Сейчас самое подходящее время поговорить о твоем письме. Нам никто не помешает.

Поднялись в кабинет Ильича, чтобы просидеть там до поздней ночи. Ленин отговаривал его от плана поимки заклятого врага советской власти Бориса Савинкова, которого, как настаивал. Камо, он должен живьем, в мешке, доставить в Москву. «Хватит пороть горячку, дорогой Камо. Сейчас нужна хладнокровная и расчетливая дипломатия, поэтому тебе надо перейти работать в Совнарком, а в скором времени представится случай отправить тебя за границу. Видимо, пошлем в Персию. Это я обещаю.»

Прошло несколько дней.

Камо опять держал в руках паспорт на чужое имя.

На юге Каспийского моря, в порту Энзели перс-таможенник вертел в руках паспорт белоэмигранта, «изменника» родины, не подозревая, что этот симпатичный молодой человек — Камо.

Таможеннику и в голову не пришло бы, что он прибыл по заданию Ленина.

Пророки живут не на небесах и возникают не из безводного и безвоздушного вакуума. Они живут рядом с тобой.

Светлые пророки.

Ленин…

Плов

Московское солнце не согревает кавказцев даже летом, не говоря уже об осенней поре. На октябрьском небе светило солнце, но его лучи, казалось, не дотягивались до снежных островков на городских улицах.

В те дни было не до солнечного тепла и расчистки снега. К сердцу молодой республики устремились вчерашние хозяева положения, которые в свое время бежали, спаленные солнцем Октября, а теперь они сплачивали вокруг себя засевших по темным углам единомышленников, чтобы в зародыше задушить кровью завоеванную свободу, новорожденную советскую республику.

Вопрос стоял ребром: жизнь или смерть. На борьбу с заклятым врагом партия мобилизовала лучших сынов, лучших из лучших.

Вот он, один из них, торопливо шагает к Кремлю, рассекая встречный холодный воздух. С юга приехал Микоян, и Камо идет расспросить-разузнать у него о новостях из Армении и Грузии, где старый мир делает последние потуги удержать свои пошатнувшиеся устои. Тщетные потуги.

Он вспомнил теплые апрельские дни в Баку, где была свергнута власть враждебных народу мусаватистов и город стал советским, что было данью памяти Шаумяну, Джапаридзе, Азизбекову, Фиолетову. В ушах Камо еще звучали слова Микояна, услышанные по телефону из Баладжара, и он еще тогда заплясал на месте. «Здорово, Анастас! Ты это?! Давай свое войско к нам в Баку и не мешкай! Эти сукины сыны дали деру, город теперь наш!»

…Камо шел из третьего Дома Советов, что был в конце Божедомского переулка. По соседству проживала вдова Степана Шаумяна Екатерина Сергеевна вместе с детьми. Выходя из дома, он заглянул к ним.

— Дражайшая Катюша, — сказал он, приветствуя Левона, Сурена и Сергея: — А, здорово, солдаты революции! Катя-джан, Анастас приехал, завтра мы придем к тебе, человек пять-шесть, словом, жди нас к обеду. Ильича тоже попросим, может, найдет время.

— Да ты что! Нет хлеба детей накормить, а ты гостей приглашаешь, — пожурила его Екатерина Сергеевна.

— Я знаю где раздобыть рис и изюм. Найдется еще кое-что, принесу все завтра, состряпаем обед.

— Ничего пс знаю, отвечать будешь ты.

— До завтра. Пойду поищу Анастаса.

И вот Камо торопится в Кремль, где намерен застать Анастаса. Завтра заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, и Микояну наверняка надо со многими повидаться.

— Товарищ Петров!

Камо обернулся.

— Авель! Как ты догадался, что нужен мне как воздух?! Микоян здесь?

— Да, а что такое, Камо?

— Послушай, Авель, завтра ты должен предоставить мне свою машину, соберемся человек пять-шесть и поедем к Екатерине Сергеевне. Как раз и Микоян приехал. Короче, твоя машина будет обслуживать завтра солдат революции.

Авель Енукидзе нехотя согласился:

— Предоставить-то предоставлю, но…

— Понимаю тебя, но мы не побеспокоим Екатерину Сергеевну. Еду беру на себя — все достану, сварю, всех накормлю. Приготовлю плов высшего класса… До завтра, — и сбежал вниз по лестнице.

…За окнами одной из комнат третьего Дома Советов, которые выходили в сад, стало вдруг оживленно и многолюдно. Машина Авеля Енукидзе дважды подъезжала к дому с приглашенными на обед гостями. Первым раздался мощный бас Максима Горького, о котором Степан Шаумян говорил как о морально чутком и чистом писателе современной русской литературы. Вслед за Горьким по лестнице поднялись Анатолий Луначарский, Миха Цхакая, Микоян, Енукидзе, Филипп Махарадзе, Сергей Алилуев.

Камо был на кухне, подвязанный фартуком Екатерины Сергеевны.

— Ого! — засмеялся Горький, — Женское общество притесняет тебя, на новую должность определило.

— Алексей Максимович, можете не сомневаться, — Микоян улыбнулся, — он у нас мастер готовить вкусные блюда.

— Кстати, на Кавказе, — начал Горький, когда все собрались вокруг него, — мне как-то довелось вкусно пообедать. И знаете, где? Вы наверное думаете где-нибудь на званом вечере или у какого-нибудь маститого писателя? Ничего подобного. В Метехской тюрьме. Да, в Метехе, куда меня временно посадили. Это было двадцать два года назад. Сидевшим со мной армянам и грузинам родные приносили оладьи — вкусные, пальчики оближешь. Мне всегда выделяли порцию. А однажды меня угостили толмой с виноградными листьями — вот это была пища

богов.

— Алексей Максимович, — Камо высунул голову из кухни. — Выходит, у вас метехский стаж побольше моего?

— Да, дорогой Камо. Я в свое время побывал и на твоей родине, в Гори, любовался ее природой. В те годы я был корреспондентом «Нижегородского листка», на его страницах было опубликовано пять моих фельетонов.

Горький смолк, и повернувшись к Микояну, спросил:

— Анастас Иванович, есть в Тифлисе литературная жизнь? Кто там пишет стихи и романы?

«Вот припер к стенке, — подумал Микоян, — когда бы я интересовался поэтами, дорогой Алексей Максимович? Подполье — не поэзия, а сухая проза с тюремным привкусом и свинцовой приправой…»

Микояна вывел из затруднения Левон Шаумян:

— Есть, Алексей Максимович. Это Василий Каменский, — Рюрик Ивнев, Сергей Городецкий. Пишут, а как же.

— Кое-что из Городецкого, кажется, попадалось мне в периодике, — сказал Горький и посмотрел на Камо, который вошел в комнату с большой тарелкой.

— Плов высшего класса, — сказал Камо, — с изюмом! Прошу, не стесняйтесь, располагайтесь за столом, где кому удобно. Всем достанется, да еще с добавкой. Алексей Максимович, к плову будут поданы оладьи, ужасно вкусные, потому что не я их готовил, а Екатерина Сергеевна.

Обед затянулся. В центре внимания был Камо с его шутками-прибаутками, забавными, рассказами.

Склоненные и не склоненные знамена

Пятница, 14 июля 1922 года, стала последней в жизни Камо.

Он обещал Софье Васильевне выехать в субботу за город.

— Эта работа извела меня, — сказал он, — она как забава от безделья. Я пойду в горком, в ЦК, потребую другую работу. А завтра махнем в Гори, вернемся в воскресенье.

— На велосипеде? — радостно спросила Софья Васильевна.

— Нет, Атарбеков обещал дать машину. Надо сегодня и с ним повидаться.

Он вывел велосипед из сарая.

— Эх, Яков Михайлович, рано ты нас покинул, очень рано. Совсем не время было тебе уходить… Кто это распространил на людей закон сычей: надо быть мерзавцем, чтобы долго жить. И что поразительно: живут долго те, кто правду считает клеветой, потому что она им невыгодна, и ее проповедников обзывают кляузниками.

Камо вспомнил Свердлова, который и подарил ему велосипед. Он был неразлучен с велосипедом, откапывался от услуг машины, хотя больше всех имел право пользоваться ею. «Товарищ Камо, — сказал Геворк Агарбекян, — мы можем выделить тебе одну из машин Совнаркома или ЦК, разъезжать на велосипеде как-то неудобно, особенно тебе». «Нет, — заартачился Камо, — такая „роскошь“ не по мне. Велосипед вполне меня устраивает», — и ласково погладил, словно по головке ребенка, руль велосипеда.

Секретарь Тифлисского городского комитета партии Михаил Кахиани встретил его с распростертыми объятиями.

— Здорово, Михо! Если я не приду, вы меня и не вспомните.

— Здравствуйте, товарищ Камо, надеюсь ваши слова — шутка. Разве мы вправе забывать вас? Прошу, проходите садитесь. Выпьете чаю?

— Спасибо, не время сейчас чаи распивать. Смотри, Михо, я не шучу. Эта таможенная служба мне не по душе, без огонька работа. Поручите живое дело, пошлите к молодежи, займусь их воспитанием, сделаю из них настоящих коммунистов, настоящих воинов.

— Что ж, пошлем. Обязательно пошлем и будем вам очень признательны.

Слова Кахиани воодушевили Камо, и он радостно сказал:

— Позвони узнай Серго на месте.

— Сейчас позвоню. А вы пока заполните эту анкету.

— Очень хорошо, — сказал Камо и взял ручку.

Он заполнил анкету. Секретарь горкома просмотрел ее и под спокойным взглядом Камо положил в толстую кожаную папку. Поднявшись из-за стола, Кахиани крепко пожал руку Камо. Лишь ответ на один из пунктов был не совсем ясен. Однако он счел неудобным расспрашивать Камо: «Дело семейное, зачем вмешиваться?» Камо-то сразу почувствовал колебания Кахиани: в одиннадцатой графе о семейном положений он написал «холост». Но партийные товарищи хорошо знали его жену Софью Васильевну Медведеву. «А если напишу „женат“, возьмут да не отправят против бандитов, скажут, пусть этим займутся двадцати-двадцатипятилетние, а ты свое отвоевал».

В горкоме партий он хотел зайти и к секретарю ЦК партии Грузии Серго Кавтарадзе и попросить чтобы его отпустили против шайки бандитов.

— Конечно, для такого человека, как вы, — сказал Кахиани, — работать на таможне, пусть даже ее начальником, все равно что бить баклуши. Для вас без революции мир стал тесен, а тем паче таможня, где мухи мрут. Я подумаю, обязательно подумаю, — и поднял трубку телефона. — Дайте третий, третий. Алло! Алло! Товарищ Кавтарадзе, здравствуйте, это Кахиани. Вы будете на месте? У меня тут товарищ Камо, он хочет встретиться с вами. Подняться к вам? Большое спасибо, он сейчас будет. До свидания.

Кавтарадзе согласился, но неохотно.

— Против бандитов мы пошлем молодых, тебе нужна спокойная работа.

— Серго, дорогой, не могу, понимаешь? Киснут мои силенки, — пожаловался Камо. — Вот послушай: я переоденусь в крестьянскую одежду, возьму косу и пойду косить поля Кахетии. А заодно «скошу» и банды Кахетии. Ты только разреши, «бригаду» косарей я сам подберу.

— Надо подумать, с товарищами посоветоваться.

…Из ЦК Камо вышел в приподнятом настроении: предстояли новые бои. Он зашагал в министерство финансов, которому подчинялось его таможенное управление. Он засиделся у министра финансов Барона Бибенейшвили, долго беседовал, опять предлагал новые дерзновенные планы. «Когда же ты осуществишь свои грандиозные замыслы? Для этого потребуется лет сто», — шутя спросил министр, товарищ Камо революционных лет. Камо не растерялся, в тон ему ответил: «Я веду вполне нормальный образ жизни, а посему проживу сто лет и осуществлю их. Как минимум сто».

Вот и появилась надежда в ближайшее время оказаться вновь в горниле борьбы, так что можно известить и друзей-товарищей.

У Шаумянов Камо пробыл недолго, выпил чаю, расспросил Екатерину Сергеевну о житье-бытье, о здоровье детей и снова сел на велосипед — его ждал Геворк Атарбекяи. Дома у него собрались Орджоникидзе, Мясникян и Махарадзе.

Разговор у них затянулся, к одиннадцати часам они стали расходиться.

…В этот поздний час по Верийскому спуску ехал вниз велосипедист, чтобы пересечь мост, рядом с которым, на Великокняжеской улице, находился его дом. Утром он рано вышел, и сейчас ехал домой порадовать Софью Васильевну, что дела у него в порядке, что Атарбекян предоставил им машину, и они завтра выедут в Гори отдыхать.

Камо ехал по левой стороне улицы и весело насвистывал. Дорога впереди была свободная и почти безлюдная.

Внезапно будто из-под земли вынырнул автомобиль, Камо не успел вырулить и врезался в автомобиль. Его выбросило из сидения и он ударился головой о тротуар. Водитель с помощью прохожих перенес его в больницу..

15 июля в три часа утра Камо не стало.

Рассвет подернулся трауром.

Просыпающийся Тифлис всколыхнулся от неожиданного известия.

Спустя три дня в центре зала Дворца рабочих был выставлен гроб, обитый красным бархатом. Его обрамляли многочисленные венки и среди них: «Незабвенному Камо от Ленина и Крупской».

В час дня все предприятия города прекратили работу. Рабочие сплоченными рядами шли проводить в последний путь того, кто не щадил своей жизни ради них.

Не щадил жизни и многое не успел сделать.

Не успел отправиться с косой в Кахетию.

Не успел встретиться с молодежью…

…Играла траурная музыка.

К его изголовью склонились знамена.

…История еще не знала такого мая. То был май 1945 года.

С полуразрушенных стен фашистского логова — рейхстага гремело мощное «ура». Русское «ура».

Вместе с русскими кричали «ура» белорусы и украинцы, армяне и грузины, таджики и чуваши. Они взбирались по развалинам этажей, по обломкам лестниц, чтобы установить Красное знамя на вершине фашистской резиденции.

Вот один из них, черноусый молодой человек, орел с гордых кавказских гор. Ему было девятнадцать лет, когда он взялся за оружие и зашагал по дорогам войны, покинув родные горные

склоны, прекратив занятия на втором курсе исторического факультета университета. В Тбилиси у него осталась невеста.

Перед уходом на фронт юноша с девушкой пришли к могиле, где он поклялся: «Спи спокойно, я буду высоко чтить твое славное имя». Могила находилась не на кладбище, а в одном из центральных скверов города, и на ней всегда лежали свежие цветы. Юноша и девушка посадили на могиле розы. «А я буду ждать его, пока он не вернется с победой», — светились клятвой глаза девушки.

«Спасибо, — словно тяжелым дыханием отозвалось холодное надгробье, на котором было написано всего одно слово из четырех букв: „Камо“».

…Вот один из них, черноусый молодой человек, орел с горных кавказских гор. Он взобрался на куполообразный рейхстаг и водрузил там Красное знамя. Водрузил и присоединился к дружному «ура».

Был победный май.

«Видишь, я остался верен твоему славному имени», — и угольком вывел на стене, на самом видном месте: «Камо из Тбилиси. Берлин». Написал торжественно и победоносно.

…Вот один из них, черноусый молодой человек, орел с гордых кавказских гор. Он смутно помнил своего отца. Но, по словам матери, когда он родился в 1922 году, в середине июля, отец, вернувшийся вечером домой и узнавший об этом, назвал сына Камо.

Велика была сила обаяния этого человека.

И его бессмертия.

notes

Примечания

1

Мартикян Сергей (Серго) Николаевич (1874–1957) — профессиональный революционер, активный участник революционного движения в Закавказье.

2

Богдан Кнунянц (1878–1911) — видный деятель партии большевиков.

З

Фаро — Парандзем Кнунянц-Ризель (1885–1983).

4

Так называли Камо в юные годы.

5

В. Р. Менжинская (1872–1944) — деятель российского революционного движения, сестра **Вячеслава Рудольфовича Менжинского** (1874–1934) — государственного и партийного деятеля.

Куоккала — ныне Репино Ленинградской области.

7

Леонид Борисович Красин (1870–1926) — советский государственный и партийный деятель.

8

Мартын Николаевич Лядов (1872–1947) — деятель российского революционного движения.

9

Сомехи — по-грузински: армянин.

10

Доол — ударный музыкальный инструмент; дудук — духовой музыкальный инструмент.

11

Впоследствии известный писатель Костан Зарян (1885–1969).

12

Асатур Кахоян (1874–1937) — революционный деятель Закавказья.

13

В других источниках имена двух участников написаны: Иван Аболь и Иван Новиков. Их имена: Ян и Филипп (уточняет сама героиня нашего рассказа).

14

Ной Жордания (1869–1953) — премьер-министр меньшевистского правительства Грузии, белоэмигрант.

15

Владимир Захарьевич Кецховели (Ладо) (1876–1903) — революционный деятель в Закавказье, один из организаторов Бакинского комитета РСДРП.

16

Речь идет о телеграмме В. И. Ленина, направленной в связи с победой Советской власти в Армении: «Председателю революционного военного комитета Армении. Эривань. Председателю революционного военного комитета Армении тов. Касьяну. Приветствую в лице вас освобожденную от гнета империализма трудовую Советскую Армению. Не сомневаюсь, что вы приложите все усилия для установления братской солидарности между трудящимися Армении, Турции, Азербайджана. Председатель Совета Народных Комиссаров, Ленин. Москва, 2 декабря 1920 г.».